

Территориальное управление Павло-Слободское
городского округа Истра

Павловская Слобода

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

УДК ...
ББК ...

*Издание подготовлено и выпущено при поддержке администрации
территориального управления Павло-Слободское городского округа
Истра.*

Павловская Слобода. Взгляд в прошлое. Сборник рассказов. /
Автор-составитель **Гольцев А. Н.** – М.: Издательство «...», 2017. –
... с.

ISBN ...

В сборнике собраны воспоминания старожил, в основном,
Павловской Слободы и Истринского района, очевидцев событий
и их потомков, представлены рассказы о своих предках, семейных
преданиях и исторических событиях села Павловская Слобода
с конца XIX века и до наших дней.

Книга предназначена для широкого круга читателей,
в особенности, для подрастающего поколения.

© Александр Николаевич Гольцев (текст), 2017

ISBN ...

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	3
Потомкам	4
Н. В. Николаев	
Вспоминая детство и юность.....	5
В. П. Комолова	
«Село немцам захватить не удалось»	10
А. Г. Крупнов	
«Мой воробушек»	14
Е. Н. Золотарева	
«Хорошо помню начало войны»	16
В. Г. Шаронова	
«Я очень любила папу»	18
Н. А. Старкова	
Потомки первых поселенцев	19
М. А. Кухаревская	
«Брат всегда был лидером».....	26
О. В. Волкова	
«Душа моя навсегда осталась в колхозе»	28
А. Н. Гольцев	
«Ценой жизни отстаивали свободу».....	33
Л. Ж. Цыденова	
Замечательный архив старых фотографий	35
А. Н. Гольцев	
«Это чудесное звание – учитель».....	40
Л. И. Сухарева	
«Ощутила весь ужас страшной войны»	43
Н. Г. Турусина	
«За десять дней до войны»	45
А. Н. Гольцев	
Взгляд из прошлого	50
Л. Д. Фомина	
«Удивительная вещь - человеческая память».....	51
А. Н. Гольцев	
История семьи Мирук.....	55
А. Н. Гольцев	
Жизнь, отданная детям	61
А. Н. Гольцев	
«В плохих местах аисты не выют гнезд»	64
И. С. Григорьева	
«Три дня они сидели в окопах»	67
Т. И. Солодкова	
Учительница первая моя	69
О. В. Тагунцева	

Семейная история Хабаровых	75
А. Н. Гольцев	
«Все ждали большую перемену»	79
Л. И. Пучкова	
«Краше нашего Подмосковья нет»	80
З. Т. Соколова	
«Родилась в подмосковной деревне»	82
Н. Н. Самохвалова	
Перелистывая семейный альбом	83
А. Н. Гольцев	
Эпизоды детства	86
Л. В. Николаева	
Скупые строки наградных листов	90
А. Н. Гольцев	
Дети в войну бежали на фронт.....	92
А. Н. Гольцев	
«Я ничего не знаю о войне»	94
Е. Н. Золотарева	
«Сытый голодного не понимает»	95
А. Н. Гольцев	
Династия учителей Тюриных	98
А. Н. Гольцев	
Их помнят благодарные ученики.....	104
Н. Б. Косминская	
«Без памяти о прошлом нет будущего».....	109
З. А. Котова	
«Я не участвую в войне»	112
Е. Г. Эпштейн	
Семья Майоровых с Красной Слободки	115
А. Н. Гольцев	
Воспоминания о Павловской Слободе.....	119
В. Я. Калинин	
Память.....	129
Н. В. Николаев	

В 2013 году при поддержке администрации сельского поселения Павло-Слободское вышел в свет сборник рассказов «Дети войны», куда вошли воспоминания того особенного поколения людей о своем детстве. Год спустя появился второй том этого сборника. Почти сотня небольших, но очень интересных семейных историй и ярких детских воспоминаний жителей Павловской Слободы и окрестностей была опубликована. Но уже тогда было понятно, что тема требует продолжения.

Поэтому изначально предполагалось собрать рассказы о детях войны и издать третий том сборника. Но в процессе сбора материалов из семейных архивов – воспоминаний, фотографий и документов – расширился диапазон тематик намечающихся рассказов. Их объединяло желание сохранить не только память о тяжелой судьбе ребенка военного поколения, но и об истории своей семьи, и таким образом, внести свой вклад в сохранение истории родного села – Павловской Слободы. Кто-то здесь родился, кто-то прожил большую часть жизни, но все авторы по праву считают для себя это место родным.

Название книги – «Павловская Слобода. Взгляд в прошлое» – перекликается с названием стихотворения Любови Дмитриевны Фоминой и символизирует наш интерес к истокам, своему прошлому, своим предкам. Надеюсь, что данный проект будет продолжен и найдутся еще желающие поделиться своими семейными историями, которые в будущем составят следующий том издания.

Выражаю благодарность активистам Павло-Слободского краеведческого клуба «Слобода заповедная» и всем, кто участвовал в создании этой книги, поделился воспоминаниями, документами и фотографиями. Особо ценна помощь Сергея Юрьевича Мамаева в редактировании текстового материала. Отдельную признательность за поддержку и помощь в издании выражаю директору МУК «Павло-Слободский КДК» Марине Александровне Кухаревской и начальнику территориального управления Павло-Слободское городского округа Истра Георгию Олеговичу Савченко.

Война. Сорок первый. Узлы и котомки.
Родимого края в огне не узнать.
Прислушайтесь к нашим рассказам, потомки!
Нам есть о чем вспомнить и что рассказать.

Нам в памяти нашей копать не надо:
Такое в веках ни забыть, ни стереть.
Мы знаем, что значит обстрел и блокада,
Мы знаем, что значит и голод, и смерть,

Что значит спать стоя и вязнуть в болотах,
Питаться крапивой, древесной корой.
Потомки, мы знаем, что значит «сироты»,
Что значит в семнадцать остаться вдовой.

Назначила жизнь нам экзамен суровый,
Мы с честью прошли сквозь огонь и сквозь дым.
Мы знаем, что значит остаться без крова,
И знаем, что значит стать в двадцать седым.

Мы видели бури и страшные грозы,
Руины своих и чужих городов,
Невинные, жалкие детские слезы
И горькие слезы солдаток и вдов.

Победа! Она нелегко нам досталась.
Всем сердцем любя нашу Родину-мать,
Потомки, нельзя даже самую малость
Из нашего прошлого вам забывать.

Николай Владимирович Николаев

Вспоминая детство и юность

Прочитав замечательную книгу Сергея Мамаева «Павловская Слобода. Век перемен», вышедшую в 2014 году, я как бы прошла по ступенькам своей жизни, связанной с возрождением Павловской Слободы. Многие события, описанные в книге, напомнили мои детские и юношеские годы.

Осенью 1941 года военная база №38 вместе со всеми рабочими, в том числе и моими родителями, была эвакуирована в поселок Вахруши Кировской области. Там я и родилась 31 декабря 1941 года. Мои родители – Петр Васильевич, 1917 года рождения, и Анна Павловна, 1921 года рождения, Екимовы в эвакуации работали на «трудовом фронте».

*Петр Васильевич и Анна Павловна Екимовы.
Конец XX века. Из семейного архива автора*

*Строительство оборонительных сооружений
в годы войны. Из сети интернет*

Из эвакуации моя семья снова вернулась в Павловскую Слободу. Папа стал служить в пожарной команде при военной базе №38. Было очень трудно, голодно. Родители отвезли меня в деревню под городом Ефремов Тульской области к родственникам. Я сильно болела, и только благодаря козьему молоку меня спасли, а в 1947 году привезли обратно в Павловскую Слободу.

Тот год оказался особенно тяжелым и голодным. Помню, как ходила рвать крапиву на щи. Сначала жили мы в частной квартире на Пороховой горе недалеко от больницы, потом от базы дали полуподвальное помещение на улице Проспект. Училась в начальной школе на улице Советская (не сохранилась, ныне на этом месте двор многоквартирного дома №1 по той же улице). Моей первой учительницей была Зоя Сергеевна Гущина. Наш класс – второй выпуск в ее трудовой деятельности.

Все мои детские и юношеские годы проходили на улицах и дворах села. На улице Проспект мы постоянно скакали через веревку прямо на асфальте, играли в вышибалы с мячом. Каждый день мимо нашего дома утром и вечером проезжали на базу и обратно работники Конного двора на лошадях, запряженных в телеги. Ежедневно видели, как утром и вечером марширует с

*Учитель
начальных классов
Зоя Сергеевна
Гущина.
1940-е годы*

песнями строй солдат роты охраны. На этой же улице от проходной базы до стадиона (не сохранился, ныне на этом месте многоквартирный дом №2 на улице Стадион) проходили колонны майской демонстрации, в которой участвовали и мы — ученики Павловской школы.

Лазаретный и Конный двory, дом роты охраны, бывшая церковь — там мы постоянно бегали и играли в прятки. В церковном здании тогда размещалась артель «Славокожизделия» и ателье «Фотография». Однажды мы с сестрой там фотографировались.

Благовещенский храм в Павловской Слободе. Середина XX века

Благовещенский храм в Павловской Слободе. 1950-е годы

Надежда и Валентина Екимовы. Начало 1950-х гг. Из семейного архива автора

Каждый день мы собирались возле церкви, катались с горок, где только можно и на чем только можно. Один путь с горки начинался от церкви мимо Конного двора и вел в овраг к мосту через Истру. Тогда он был еще маленький, деревянный. По нему изредка ходили машины.

Деревянный мост через реку Истру. Середина XX века. Из архива Татьяны Викторовны Жижиной

Паром через реку Истру. Середина XX века. Из фондов музея Павловской СОШ

Весной река разливалась, спешащих на работу людей перевозили на пароме, который тянули вручную. Позже построили большой деревянный мост. Весной мы бегали к нему смотреть, как саперы взрывают лед перед ледоходом — развлечений тогда было немного. Где мы только не были в детские годы: и на стрельбище попадали, когда ходили за ягодами в лес возле железнодорожной станции, и речку исходили вдоль и поперек — от Зеленковских лав до железнодорожного моста.

Лес возле железнодорожной станции Павловская Слобода. Конец XX века. Из семейного архива автора

В моей памяти остался тот день, когда пустили первый автобус в 1959 году. С 5 по 10 класс мы уже учились в двухэтажной школе на улице Луначарского (не сохранилась, ныне на этом месте многоквартирный дом №3 на улице Стадион). До 7 класса классным руководителем была Римма Константиновна Власова (Головина), а с 8 по 10 класс — Николай Трифонович Григорьев. По окончании 7 класса, помню, ходили в поход, а после десятого был традиционный выпускной вечер.

Наш класс был очень дружный, сплоченный, отзывчивый. Мы всегда прини-

Римма Константиновна Головина и ее собака Вьюга. 1960 — 1970-е годы. Из архива Раисы Иосифовны Седельниковой

Николай Трифонович Григорьев в сельском парке. 1952 год

Школьники в колхозе «Путь к коммунизму». Конец 1950-х годов. Из семейного архива автора

Выпускной класс Павловской школы 1960 года. Из архива Раисы Иосифовны Седельниковой

Дома на улице 3-го Интернационала. 1960-е годы.
Из архива Галины Анатольевны Колосковой

мали активное участие в помощи колхозу «Путь к коммунизму» в уборке урожая. Брали шефство по уходу за телятами, готовили торфоперегнойные горшочки для рассады, помогали в колхозном саду.

В 1957 году наша семья переехала в двухэтажный дом на улице 3-го Интернационала. Здесь военной базой было построено два дома на четыре семьи в каждом, и нам дали квартиру как многодетной семье.

Строения агробиостанции. 1990-е годы.
Из семейного архива автора

Купание малышей из пионерлагеря военной базы №38.
Середина XX века

Житель села у закусочной Павловского сельпо.
Середина XX века

Родители мои были уважаемыми людьми. Папа проработал на военной базе №38 сварщиком до самой пенсии, мама была домохозяйкой, воспитывая своих четверых детей. Каждый год папе бесплатно выделяли путевку в пионерлагерь от военной базы, который находился на Пороховой горе. До 14 лет во время летних каникул я отдыхала там каждый год. Жизнь в лагере мне очень нравилась, я принимала активное участие в художественной самодеятельности и других лагерных мероприятиях. Хорошо помню экскурсии на расположенную рядом с пионерлагерем агробиостанцию.

Там нас знакомили с работами студентов-биологов. Каждый день купались в речке, ходили в лес за ягодами, а один раз в смену участвовали в военно-патриотической игре «Зарница». В клуб смотреть кино или посещать баню мы ходили под звуки пионерского горна и с песнями. Некоторые родители нас встречали. Когда шли по улице

Проспект мимо нашего дома, из окон всегда выглядывали родные улыбающиеся лица.

В пионерлагере я вновь встретилась со своей первой учительницей Зоей Сергеевной Гущиной, которая долго работала там директором. После 9 класса я уже сама трудилась с мамой на лагерной кухне, а после 10 класса, сдав выпускные экзамены, работала воспитателем в отряде. Получала от этого огромное удовольствие, потому что и сама любила этот лагерь.

Мама наша работала поваром и на агробиостанции, и в доме отдыха «Лужки» в Аносине, и в Павловской больнице, и в школе. Также ей пришлось печь хлеб в пекарне (ныне в этом здании расположено кафе, улица Ленина, дом №1 А) и в закусочной возле Лазаретного двора (не сохранилась, ныне на этом месте супермаркет, улица Ленина, дом №1).

В 1963 году я вышла замуж за коренного жителя Павловской Слободы Александра Ивановича Комолова – моего одноклассника. Его отец, Иван Петрович, 1901 года рождения, – бывший заведующий хлебопекарней в селе. С 1966 года вместе с семьей проживаю в Солнечногорском районе Московской области, но до сих пор мы приезжаем в Павловскую Слободу в гости к моей сестре, Надежде Петровне Клопенко, и чтобы посетить могилы родственников на сельском кладбище.

Валентина Петровна Комолова.
1991 год.

Из семейного архива автора

Валентина Петровна Комолова

«Село немцам захватить не удалось»

Здание роты охраны артсклада.
Вторая половина XX века.
Из фондов музея Павловской СОШ

Командир базы
вооружений №38
Иван Степанович
Шабалин. 1941 год.
Из фондов музея
войсковой части №67714

Мои родители — папа Георгий Павлович и мама Александра Николаевна Крупновы — с двумя малолетними детьми приехали в Павловскую Слободу перед войной, в 1940 году. Отца перевели сюда из военного полигона в Щурове Коломенского района, где он служил. Нас поселили в служебной квартире (улица Проспект, дом №53). Начальником военной базы №38 в то время был подполковник Иван Степанович Шабалин.

Командир взвода лейтенант Георгий Павлович Крупнов служил в роте охраны, которая в то время размещалась в отдельном доме недалеко от церкви (не сохранился, ныне на этом месте многоквартирные дома №11 и №12 на улице Луначарского). Мне было 3 года, сестре Нине — 8 лет, когда началась Великая Отечественная война. Мы слышали взрывы бомб в окрестностях Павловской Слободы, одна из них попала в большой магазин «Военторг» в центре села. Он не сохранился, на его месте в настоящее время находится главный мемориал погибших в годы войны жителей села.

В 1941 году фашистские бомбардировщики летали бомбить Москву через наше село. Одним из ориентиров для них служила церковная колокольня. В связи с этим был получен приказ сверху «срочно убрать эту метку» для немецких самолетов. Задачу поручено было выполнить моему отцу вместе с подчиненным ему взводом. Об этом мне рассказывала мама, когда я уже учился в школе.

Сам храм, который к тому времени был уже закрыт, командование базы планировало переоборудовать под общежитие для военнослужащих и их семей. С 1992 года в церкви опять стали осуществляться богослужения, а сейчас храм уже не узнать. Под лучами солнца золотом сияют купола и кресты, поражают красотой убранства внутренних помещений. А я помню его еще совсем другим...

К концу осени 1941 года фашистские войска были уже совсем рядом. Бои шли в районе ближайших

Центральная улица Павловской Слободы.
1960-е годы.
Из архива Любови Борисовны Афоной

к Павловской Слободы деревень. Наши части готовились отразить наступление немецких танков, были вырыты траншеи в парке и в других местах. Следы окопов на левом берегу реки Истры можно найти и сейчас. Немецких разведчиков видели осенью 1941 года даже в лесу у Павловской больницы (матери об этом говорил отец).

Незадолго до этого, в октябре того же 1941 года, оборудование военной базы, семьи военнослужащих и часть населения Павловской Слободы под руководством начальника базы Ивана Степановича Шабалина были эвакуированы в Кировскую область, в поселок Вахруши. Я помню, ехали мы в теплушках, было много народа. Людям пришлось работать на новом месте в ужасных условиях. Мама рассказывала, как долбили мерзлую землю (была суровая осень), чтобы установить оборудование. Питание было очень скудное. Павловскую Слободу немцам захватить так и не удалось, база была спасена от неминуемого взрыва. Весной 1942 года территория Подмосковья была освобождена, и мы вместе с работниками базы и другими односельчанами вернулись в Павловскую Слободу.

В 1942 году, как известно, немецко-фашистские войска начали наступление на Сталинград. Отца вместе с подчиненными солдатами срочно перевели на другой фронт. Я помню, как он приезжал на несколько часов в Павловскую Слободу и ходил к руководству военной базы №38 с требованием позаботиться о его семье, о двух детях, оставленных на попечение матери. Это была наша последняя встреча с ним. Он погиб летом 1942 года.

Мать поступила работать на ту же базу травильщицей. Надевала на проволоку стрелковое оружие, еле-еле поднимала его, чтобы опустить в большой бак с химическим раствором. С работы приходила уставшая, а мы сидели дома и с нетерпением ждали ее. От такой тяжелой и вредной работы она получила вскоре инвалидность II группы. С едой было очень плохо. Сосали жмых и кусочки сахара, считали это лакомством. Позже, после окончания войны, начали сажать картошку около дома, завели поросенка и кур, ведь в магазинах продуктов не было. Для рабочих военной базы привозили корм (повал) для поросят, очередь за ним была огромная, и сестра стояла по несколько часов.

После войны жизнь постепенно стала налаживаться. Помню очень вкусный хлеб в больших буханках, который пекли в местной пекарне на пересечении улиц Ленина и Луначарского.

В первый класс пошел в начальную школу на улице Октябрьская (ныне в этом здании расположена администрация территориального управления). Каждое лето с 1952 года посещал пионерский лагерь все три смены, был барабанщиком в своем отряде. Иногда ребята из пионерского лагеря ходили в полном составе в клуб: впереди знаменосцы со знаменем, потом я — барабанщик, затем — горнист, далее — остальные ребята. Взрослые останавливались и смотрели на нас с удовольствием.

После начальной школы я учился в средней школе, которой уже нет. Она находилась на улице Луначарского (не сохранилась, ныне на этом месте многоквартирный дом

Юные барабанистки
в пионерлагере военной базы №38.
1950 – 1960-е годы.
Из фондов музея Павловской СОШ

Отряд пионеров Павловской школы на марше.
1950 – 1960-е годы.
Из фондов музея Павловской СОШ

№3 на улице Стадион). Помню директора школы Николая Федоровича Андриенко и некоторых учителей: Валентину Петровну (химия), Николая Трифоновича (математика), Анну Семеновну (география), Фаину Николаевну (английский язык), Веру Эдуардовну (биология). Учителя вкладывали в нас свою душу и хотели, чтобы мы получили отличные знания.

В школе меня избрали председателем отряда, я очень любил заниматься спортом, особенно играть в волейбол и футбол. Однажды на открытии летнего сезона в парке наша команда одноклассников выиграла кубок по волейболу и получила приз.

В школе я познакомился со своей будущей женой Надеждой Лысовой. Как-то мы разговорились о событиях в годы войны. Она мне сказала, что плохо помнит то время, но осталась в памяти яма, где они сидели около дома на улице Калинина и смотрели на небо. А там лучи прожекторов освещали немецкие самолеты, которые летели бомбить столицу. Помнит она и теплушку, которая везла ее с матерью и двумя сестрами в Кировскую область.

После окончания школы я поступил в высшее военно-морское училище, которое окончил в 1961 году. В 1959 году был создан новый род войск – ракетные войска стратегического назначения, который надо было укомплектовать офицерами. Поэтому почти все выпускники военно-морских училищ 1960 – 1962 годов были направлены именно туда. Я начал службу начальником отделения МИК (монтажно-испытательного корпуса), где проверялись системы ракет.

В 1965 году меня направили в Военную инженерную академию имени Дзержинского, которую я окончил в 1970 году. За успехи в учебе был оставлен на кафедре академии, где заочно также окончил факультет руководящего инженерного состава в 1979 году.

За время военной службы награжден одиннадцатью медалями, пятью грамотами от Министра обороны, получил авторские свидетельства и патенты на пять изобретений. После завершения службы в 1985 году приглашен в Научно-исследовательский

институт радиоприборостроения ведущим инженером в Головной вычислительный моделирующий центр. После распада СССР был проректором Международной академии предпринимательства.

В последние годы работаю в Московском государственном университете приборостроения и информатики. Занимаюсь научной работой, имею четыре патента. Параллельно с работой в ВУЗах преподаю математику и логику в колледже рядом с местом жительства, имею высшую квалификацию. Моя супруга, Надежда Федоровна Крупнова, всю жизнь проработала в центральных органах Министерства обороны и только в 2013 году ушла на пенсию. Живем в Москве, но иногда приезжаем в родную Павловскую Слободу.

Адий Георгиевич Крупнов с родственницами у мемориала.
2013 год.

Из семейного архива автора

Адий Георгиевич Крупнов

«Мой воробушек»

Константин Тимофеевич Шарко. 1943 год

Война принесла много горя и потерь, но моих бабушку и дедушку она соединила на всю жизнь...

1944 год. В Павловскую Слободу на военную базу после ранения был направлен служить молодой лейтенант Константин Тимофеевич Шарко.

За его плечами уже были годы войны, Сталинградская битва и лечение в госпитале. Однажды он шел через поле и встретил молодую женщину с ребенком – мою бабушку Антонину Ивановну Клинчук. После ужасов войны ему она показалась Мадонной с младенцем. У вы-

сокого статного красавца-лейтенанта от невест не было отбоя, но он выбрал маленькую стройную Тонечку, которую называл: «Мой воробушек».

Эта любовь с первого взгляда определила его судьбу. Дело осложнилось тем, что муж Антонины (отец ее ребенка), считавшийся пропавшим без вести, неожиданно вернулся. Перед Антониной встал нелегкий выбор, и она выбрала Константина. Состоялась свадьба, в июне 1945 года родился сын Евгений, в 1946 году появился мой отец Николай, а после – дочь Любовь. Первого ребенка, Александра, 1943 года рождения, Константин усыновил и вырастил как родного (о том, что он – приемный сын, Саша узнал только после своей свадьбы). Мой отец вспоминал, что возили его с братьями, вместо коляски, в ящиках из-под патронов, которые привязывали к санкам.

Однажды Николай, которому тогда было лет шесть, нашел и проглотил патрон. «Что теперь со мной будет?» – спросил он. «Ходи теперь тихо, не бегай, не прыгай, не кричи, а то взорвешься!» – ответила мама. Два дня хулиганистый Коля ходил тише воды ниже травы, пока патрон не вышел естественным путем. Вот радости-то было!

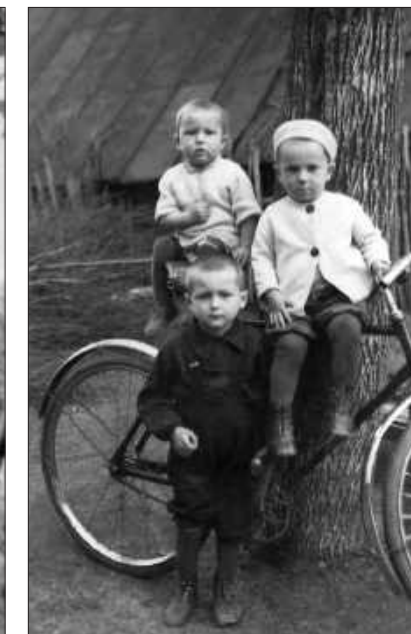
Константин Шарко (справа) с супругой Антониной, тещей Еленой (слева) и сыновьями (слева направо): Александром, Николаем и Евгением. 1947 год

Семья Шарко. 1952 год

Семья Шарко. Начало 1960-х годов

Братья Шарко (сидят - слева направо Николай и Евгений; стоит - Александр). 1948 год

А дедушка с бабушкой прожили душа в душу долгую счастливую жизнь в Павловской Слободке, отметили золотую свадьбу, дождались внуков и правнуков. На послевоенных фотографиях запечатлены Константин, Антонина, их дети и другие родственники.

Екатерина Николаевна Золотарева

«Хорошо помню начало войны»

Я родилась в 1927 году в деревне Лобаново. В семье было десять детей, двое братьев очень рано умерли. Мой отец, Григорий Иванович Шаронов (1888 - 1951-е годы), учился в двухклассном министерском училище в Павловской Слободе, участвовал в Первой мировой войне. А я начала учиться в 1935 году и первые четыре класса ходила в школу на улице Октябрьская, в народе ее называли «школой Живописцева» (ныне в этом здании расположено территориальное управление Павло-Слободское городского округа Истра). Первой моей учительницей была Александра Ивановна Орехова.

Хорошо помню начало войны, мне было уже 14 лет. Через месяц начались бомбежки. Люди выбегали на улицу, закрывали окна, смотрели, нет ли где щели. Немцы

Колхозники за работой в деревне Лобаново. 1950-е годы. Из архива семьи Шибановых

Григорий Иванович Шаронов. Первая четверть XX века. Из семейного архива автора

летали на Москву. А если в столицу прорваться не получалось, на обратном пути летчики сбрасывали свой смертоносный груз в окрестностях. В деревне Лобаново бомбами было разрушено и сожжено три дома.

В годы войны была живность: корова, поросенок, мы не голодали, но хлеба не было. Мимо деревни тянулись непрерывные потоки

беженцев, заходили в дом, родители их жалели: «Свари хоть картошки», — говорила мне мама. Отдавали беженцам старую обувь, одежду, чем могли, помогали.

Однажды, когда мы с ребятами стояли возле продуктовой палатки, послышался гул приближающегося самолета. По звуку мы отличали, наш или не наш самолет летит. Оказалось, что это немецкие бомбардировщики прилетели днем. И вдруг они начали бомбить нашу танкетку, двигающуюся мимо Лобанова по шоссе. В домах и повсюду в деревне было много советских войск, солдаты нам кричали: «Ложитесь! В канаву!»

В сентябре 1941 года дети Павловской Слободы не смогли пойти учиться: все школьные здания были заняты под раненых. В феврале 1942 года вместе со мной в 7 класс пришли 8 — 10 человек, но мы смогли начать учебу только с сентября того же года (к тому времени классы уже были переполнены).

В октябре 1941 года отец с колхозным обозом возил пшеницу, крупу, картошку и другие продукты в Волоколамск — там был создан партизанский отряд. Однажды на обратном пути он был остановлен немцами, но ему удалось прикинуться непонимающим, мол, вот в эту соседнюю деревню еду. До дома он доехал, воспользовавшись скованной крепким льдом речкой Истрой.

Налеты продолжались, фронт совсем приблизился, и надо было спасаться. Нам советовали уходить в более спокойные места. Отцу дали колхозную лошадь, сани и мы уехали в село Николо-Урюпино. Там пробыли недолго — около месяца. В Тимошкине однажды пошли в лес за хворостом. Вдруг крик солдата: «Вы куда пошли?! Заминировано!» Мама подошла к натянутой через дорогу проволоке и только чудом ее не задела.

Младший брат отца был 1925 года рождения, его на фронт взяли не сразу, в 1943 году он служил в охране в Дедовске, а когда вернулся, забрали на фронт. На войне он потерял руку.

В ноябре 1941 года в деревенских домах в Лобанове было много военных, но в самый напряженный момент битвы, когда началось контрнаступление, в деревне никого не осталось. Помню, в крутой берег, спуск к реке Истре частенько залетали снаряды, а дом наш стоял третьим от обрыва. Отец, которому было 53 года, и его на фронт не взяли, вырыл землянку на берегу, мы там хоронились во время налетов вражеской авиации.

С 14 лет я помогала рыть противотанковые рвы, ставила заграждения из колючей проволоки, участвовала в других работах. Затем приходилось готовить колхозные поля к севу: засыпать воронки, убирать остатки снарядов и так далее. Работ, связанных с ручным трудом, в колхозе в то время было очень много. В школе учеба заканчивалась на месяц раньше, 1 мая, и работы в колхозе велись до 1 октября.

В 1946 году я окончила школу и поступила в оптико-механический техникум при Красногорском заводе имени Зверева. Когда сдавала экзамены, то 10-12 человек отчислили, а я сразу прошла со вторым результатом в группе. В Павловской школе за десять лет были заложены серьезные основы знаний. Это помогло мне и в дальнейшей учебе, и в работе. По окончании техникума пошла на завод, где сразу стала конструктором III категории, и, главное, получила рабочую продовольственную карточку — 810 граммов хлеба, сахар, крупа — это же целое богатство по тому голодному послевоенному времени! Начальник бюро понимал, что

голодный человек плохо думает. Работа была ответственная, а продукция, в основном, оборонного назначения.

В 1952 году всей группой мы после окончания техникума поступили в институт, который окончили в 1959 году. Далее я продолжила работу в том же конструкторском бюро Красногорского завода.

Сотрудники конструкторского бюро Красногорского завода имени Зверева. 1950-1960-е годы. Из семейного архива автора

Вера Григорьевна Шаронова. Конец 1940-х годов. Из семейного архива автора

«Я очень любила папу»

Когда началась война, мы жили в Астрахани. Мне было 5 лет, а сестре Ольге — всего 20 дней. Мой папа, Александр Александрович Малахов, вышел из больницы после воспаления легких и ушел на фронт. Мама, Антонина Матвеевна Малахова, работала, а мы жили у тети. Однажды она перестирала все папины рубашки, а я их перецеловала. Руки были грязные, пришлось ей стирать заново. Я очень любила папу.

Жили мы возле Астраханского Кремля, немцы пытались его бомбить, но почему-то не могли попасть. Бомбы, в основном, падали в Волгу.

Антонина Матвеевна Малахова с дочерьми Ольгой (слева) и Ниной. 1942 год. Из семейного архива автора

Семья Малаховых. 1945 год. Из семейного архива автора

Напротив нашего дома был парк, где пленные немцы рыли окопы. Наши солдаты их охраняли. Нам, детям, было жалко немцев, и мы пытались им передавать кусочки хлеба.

От папы не было никаких известий. Мама писала Рокоссовскому. После приходили похоронки: то погиб, то пропал без вести. Я была похожа на папу, и все говорили: «Оставил свой

портретик». Я плакала и спорила со всеми, что он жив. Потом оказалось, что он, раненый и контуженный, попал в плен, несколько раз пытался бежать. Вернулся весь в ранах, искусанный собаками, совсем больной. До войны он работал директором завода безалкогольных напитков, а после плена на руководящую работу уже не брали.

Когда начала учиться в школе, помню, нам прочли рассказ про одного мальчика. У него погиб отец, умерла от голода мама, и он скитался голодный. Мне так стало жалко этого мальчика! Нас всех по очереди просили сделать пересказ. Когда дошла очередь до меня, я не смогла сказать ни слова и разрыдалась. Меня успокаивали всем классом.

После школы поступила в медицинский институт. А в 1961 году по распределению была направлена на работу в город Грозный. Там вышла замуж, родила сына, в 1963 году с семьей переехала на Дальний Восток в Комсомольск-на-Амуре, где также работала по полученной в институте специальности — врач отоларинголог.

В 1965 году мужу предложили переехать в Московскую область, в поселок Нахабино, где я стала работать врачом и по совместительству трудилась в Павло-Слободской участковой больнице. После выхода на пенсию перебралась жить в Павловскую Слободу и активно включилась в общественную работу с ветеранами.

Нина Александровна Старкова. Современное фото

Нина Александровна Старкова

Потомки первых поселенцев

Посвящается моей бабушке, Евдокии Петровне Санжаревской (Михайленко), внучке основателя города Элиста

Евдокия Петровна Санжаревская (Михайленко). 1949 год

Два десятилетия назад в наше село переехало несколько семей из Калмыкии. Их общий предок — Степан Прокопьевич Кийков — в далеких 60-х годах XIX века стал первопоселенцем и основателем сегодняшней столицы республики Калмыкии — города Элиста и огромного рода Кийковых. Являясь одним из представителей этого рода, я решила поделиться бережно сохраняемыми старыми фотографиями и передаваемыми из поколения в поколение семейными преданиями.

О семейной истории Кийковых неоднократно публиковали статьи в газете «Хальмг Унн (Калмыцкая правда)» в начале 2000-х годов. Часть этих материалов легли в основу этого рассказа.

Время основания Элисты, как и других сел в калмыцких степях, относится к середине и второй половине XIX века. Датой же возникновения считается 1865 год, хотя первые постройки были сделаны предками потомков Кийкова немного раньше, в 1862 году. Несколько веков кочевали калмыки по этим степям, нигде надолго не останавливаясь, поэтому населенные пункты в степи, в основном, образовывались благодаря русским и украинским переселенцам из центральных губерний Российской империи.

Власти пытались насильственно принудить калмыков-кочевников к оседлому образу жизни. Но этот метод больших результатов не дал, и только после отмены крепостного права в 1861 году появилась возможность реализовать в полной мере важную государственную программу. Царское правительство активно поддерживало индивидуальных переселенцев: передавало каждой семье безвозмездно в вечное пользование 30 десятин земли.

Одним из таких индивидуальных переселенцев стал бывший крепостной крестьянин Воронежской губернии Степан Прокопьевич Кийков. Он был уроженцем села Косевка Богучарского уезда. Там Степан Прокопьевич занимался ямщицким промыслом, у него были кое-какие накопления, но все-таки он был зависимым крестьянином.

После отмены крепостного права, осенью 1861 года, Степан Прокопьевич с семьей отправился на освоение новых земель. Дав местности в безлюдной степи живое дыхание, пустив здесь крепкие корни, в 1903 году ушел из жизни Степан Прокопьевич. Но рос виноградник и сад, посаженные его руками. Росли его внуки, облагораживая кусок земли, облюбованный дедом. И ширились границы маленького села под названием Элиста, принимающего все новых и новых поселенцев.

Из уст в уста передается в нашей семье описание внешности знаменитого деда: высокий, плечистый, сильный, на вид очень внушительный, с темной бородкой. Он везде ходил с огромной палкой, наверное, для безопасности, а может, по привычке или

Степан Прокопьевич-Кийков.
Конец XIX века

Землянка семьи Кийковых. Конец XIX века

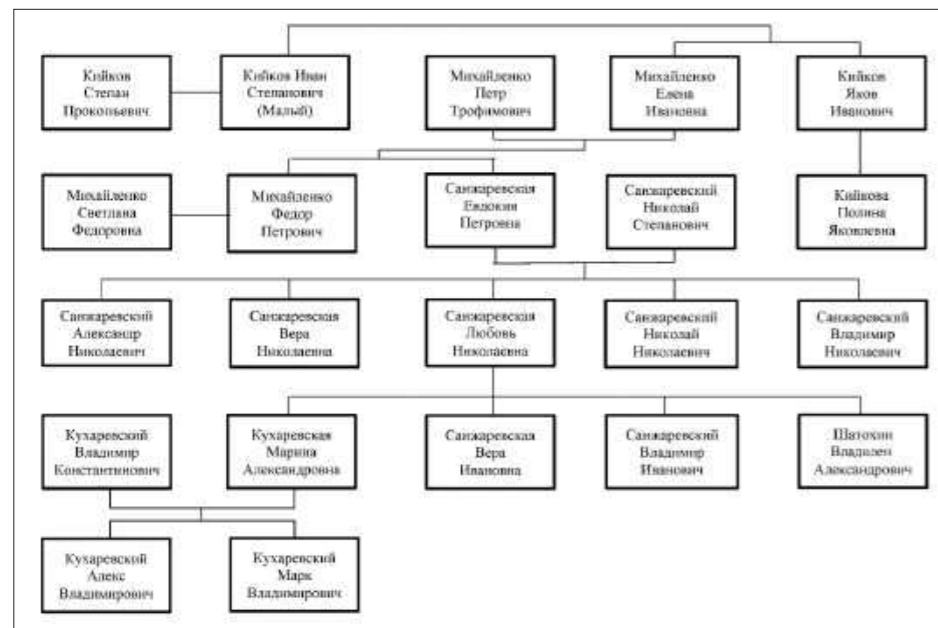
для важности, сейчас трудно судить. Может, еще и поэтому его очень уважали и даже побаивались. Известно также, что он был участником русско-турецкой войны 1877-1878 годов и привез себе с войны жену-турчанку.

Той же весной сложил Степан Прокопьевич землянку из дерна на берегу степной речонки с изумительно чистой, холодной

и вкусной водой. Речку можно перепрыгнуть, но течение в ней такое быстрое, что зимой она не замерзает в самые лютые морозы (до -30°C), а летом не пересыхает (в июле температура нередко выше $+40^{\circ}\text{C}$). Затем он разбил виноградник. А земля, вольная, нетронутая, простиралась вокруг без границ.

И тогда он послал весточку в Воронежскую губернию, «выписал» односельчан: «Приезжайте, мол, всем места хватит». И они потянулись в калмыцкую степь вслед за своим земляком. Основным занятием новоприбывших было выращивание овощных, бахчевых, зерновых культур, а также лесонасаждений. К растениеводству добавилось еще и разведение скота.

Многодетные семьи представляли собой сплоченные артели во главе со старейшим представителем рода. Семейный уклад был патриархален и практически самодостаточен. Когда Степан Прокопьевич приехал в Калмыкию, у него было трое детей:

Фрагмент родословного древа семьи Кийковых

Евдокия, Семен и Иван. В Калмыкии родилось еще трое: Иван, Галина и Дарья. В те времена имена детям выбирали по святцам, поэтому нередко в одной семье были дети с одинаковыми именами.

Поскольку в семье оказалось два Ивана, то старшего стали звать Иван Великий, а младшего — Иван Малый. Про младшего Ивана известно, что он родил и вырастил трин-

дцать детей. Его дочь Елена Ивановна Михайленко (Кийкова) и сын Яков Иванович (как и другие дети и внуки Степана Прокопьевича) стали основателями многочисленных семейств, о которых невозможно рассказать в кратком повествовании. Скажем только о некоторых.

Про семью Елены Ивановны Михайленко (Кийковой) рассказала ее дочь Евдокия Петровна: «Моя мать Елена Ивановна Кийкова — внучка первопоселенца Степана Прокопьевича Кийкова — вышла замуж за Петра Тимофеевича Михайленко. Он был офицером царской армии, когда женился на Елене. Служил в Москве, был грамотным человеком, несколько лет работал в банке охранником. Помнил, когда царь Николай II приказал стрелять в рабочих, которые пришли к нему с просьбой об улучшении своей жизни». По-видимому, это было Кровавое воскресенье 9 января 1905 года. Еще он был участником военных событий в Порт-Артуре, но Евдокия Петровна мало знает об этом.

Петр Тимофеевич в Калмыкии работал судьей, председателем сельсовета. Контактничал с калмыками, живущими вокруг по степи, разбирая вопросы, касающиеся пропажи скота. Когда сносили церковь, к нему пришли, отобрали ключи от церкви. Затем вступил в колхоз. После выхода на пенсию, работал в церкви дьяконом, прожил 88 лет.

Петр Тимофеевич Михайленко (сидит справа).
Начало XX века

«Елена вошла в семью, — продолжала рассказ Евдокия Петровна, — где уже было два женатых сына. Семья была большая, детишек много. Елена Ивановна — третья невестка. Мать, то есть свекровь, ее не любила, так как она была «слишком умная» (по словам свекрови). Своих детей моя мать родила больше, в живых осталось пятеро. Родители были строгие, но добрые, правда, на ласку скупые. Да им и некогда было: хозяйство большое, огород, сад, скот. Детей тоже приучали к работе. Потом семья разделилась: мой отец построил землянку рядом с отцовским домом, а брат Данил со своей семьей — на другой стороне улицы наискосок. Да и остальные сыновья от деда моего отошли, скот разделили, поэтому и не попали под раскулачивание. Родители старались нас учить. Старший брат Данил родился в 1899 году, окончил 4 класса церковно-приходской школы, был грамотным, работал в районном финотделе».

О себе дочь Елены Ивановны Евдокия Петровна рассказала скупой: «Я окончила семь классов. К тому времени набирали на курсы полиграфистов, и мы с двоюродной сестрой Валентиной Кийковой окончили эти курсы, стали работать в типографии. Так началась моя трудовая жизнь. Наши женихи погибли на фронте, замуж было не за кого выходить. В 1947 году появился раненый фронтовик Николай Степанович Санжаревский. Познако-

мились, создали семью. Жили у моих родителей, затем переехали в Троицкое — там жили родственники Николая. Он работал шофером на почте, я там же занималась сортировкой писем. Затем пошли дети, а их у меня осталось и выросло пятеро. Снова переехали в Элисту».

Полина Яковлевна — дочь Якова Ивановича, сына Ивана Малого, окончила среднюю школу в 1941 году. Выпускной вечер был 19 июня. Потом началась война, оккупация. После освобождения в 1944 году с добрыми людьми бабушка Поля съездила на соленые озера, набрала полмешка соли и с этим «капиталом» поехала покорять Москву: учиться в институт физкультуры и спорта. Продавала по рюмочке соль на базаре и этим жила, потом подрабатывать стала. Рассчитывать на помощь из дома не приходилось, но она все-таки первая в роду получила высшее образование!

Следует рассказать об одном эпизоде в жизни семейства Михайленко. Светлана Федоровна Михайленко неожиданно сыграла важную роль в сохранении этого рода. Отец Светланы, Федор Петрович Михайленко, был родным братом моей бабушки, Евдокии Петровны Санжаревской (Михайленко). Он ушел на фронт, а две его маленькие дочки остались на попечении своей тети Дуни: двухгодовалая Светлана и семилетняя Валя. Мама этих девочек, то есть жена Федора Петровича, умерла, когда Свете был годик, и у девочек кроме тети Дуни никого не осталось. Это была одна, самая родная мама для них. Евдокия Петровна и правда была очень добрая и отзывчивая женщина. Трудности не очерствили ее, все время с улыбкой и позитивом она шла по жизни. Валю, старшую девочку, часто забирали родственники, а вот Свету не брали, потому что она страдала тяжелой кожной болезнью — экземой. Девочка всегда жила со своей новой мамой.

Война. Элиста оккупирована. Немцы заняли под свой штаб часть дома, в остальной половине проживало семейство Михайленко, и среди них — маленькая Света. Боясь заразиться, немцы не заходили на их половину. Представьте себе картину: вся покрытая струпьями маленькая девочка сидит у открытого окна, всем своим видом привлекая проходящих мимо немецких солдат и офицеров. К тому же на них сыплется забавная детская речь, состоящая, в основном, из ненормативной лексики, в ответ на неудачно брошенный ей кусок сахара! В чем чем, а в этом они уже успели разобраться и детский «лепет» понимали. Так как немцы очень боялись подхватить неизвестную для них заразу, они не приближались ни к ребенку, ни к ее маме. Но, видимо, какая-то жалость к ребенку срабатывала, и они кидали маленькой Светлане за каждое детское слово то пряники, то конфеты, то баранки. Кидали как собаке, а девочка, ругаясь, научилась по-хозяйски собирать все в подол своего платяца и носила угощения любимой маме.

Другим женщинам приходилось несладко в оккупированном районе, а Евдокию Петровну с больной девочкой, как прокаженных, обходили стороной. Страшно подумать, что было бы, если бы немцы убили эту девочку и ее новую маму. Тогда род не имел бы продолжения.

Во время войны женщины не сдавались и помогали нашим солдатам, как могли. На счету моей бабушки и ее мамы Елены было четыре выхоженных солдата. Недалеко от дома располагался немецкий концентрационный лагерь. Туда, за колючую проволоку, сгоняли пленных красноармейцев. Изможденных голодом и израненных солдат немцы брали за руки и за ноги, раскачивали и выбрасывали за ограждение. Женщины каждое утро ходили собирать этих умирающих, израненных бойцов. Умерших хоронили, а еще живых, но изможденных, забирали домой, прятали и выхаживали. У этих солдат, естественно, были вши и запущенные раны с червями. Приходилось в чане кипятить рассол и делать соляные компрессы на раны. Соль, как единственно доступное и эффективное дезинфицирующее средство в то время в Элисте, помогала избавиться и от вшей. После выздоровления солдаты незаметно уходили в партизанские отряды.

Оккупация продолжалась до Сталинградской битвы. Фронт прошел через Элисту, и город был освобожден нашими войсками. В 1945 году вернулся с фронта Федор Петрович

Михайленко — отец девочек и брат Евдокии. Пришел он не один: привел с собой Николая Степановича Санжаревского, с которым познакомился и сдружился на войне.

О Николае на тот момент было известно только, что родом он из польской семьи. Его отец был польским евреем. Жила семья крепко, ни в чем не нуждалась, но затем их выслали в Оренбургскую область как политических. Семья там осела. Родилось четыре сына (Александр, Григорий, Андрей, Николай) и две дочери (Татьяна и Мария). Александр погиб в 1942 году, Григорий был в плену четыре года, Андрей пропал без вести, а Николай — это и был муж Евдокии Петровны Михайленко. Он прошел бок о бок с ее братом всю войну.

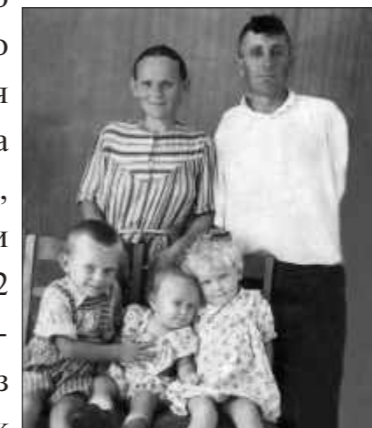
Николай Степанович Санжаревский. 1953 год

Родственники Николая Степановича Санжаревского. 1951 год

Евдокия Петровна и Николай Степанович Санжаревские. 1948 год

Евдокия Петровна и Николай Степанович Санжаревские с детьми: (слева направо) Александром, Верой и Любовью

Семья Санжаревских. 1970 год

Познакомившись с Дуняшей, Николай очень прикипел к этой милой женщине, и они решили создать семью.

Родилось пятеро детей, три сына (Александр, Владимир и Николай) и две дочери (Люба и Вера).

Владилен Александрович Шатохин. 1988 год

Вера Ивановна Санжаревская. 1989 год

Владимир Санжаревский (справа) и Алекс Кухаревский. 1996 год

Старший сын Александр, 1950 года рождения, жил и умер в Элисте. Николай, 1959 года рождения, в 25 лет переехал в Хабаровский край, работает там егерем в тайге и токарем. Владимир переехал в город Озеры Московской области. Вера в 1999 году приехала в Павловскую Слободу, со временем приобрела участок земли в деревне Покровское и,

построив дом, переехала сюда с семьей. Любовь, то есть моя мама, осталась жить в Павловской Слободы и, по всей видимости, это место для нового, продолжающего наш род поколения, станет второй малой родиной. Моя мама, Любовь Николаевна Санжаревская, вырастила двоих сыновей и двоих дочерей.

Владимир Константинович и Марина Александровна Кухаревские с сыном Алексом. 1996 год

Владимир Константинович и Марина Александровна Кухаревские с сыном Алексом. 2002 год

Я приехала в Павловскую Слободу в 1999 году со своей семьей: мужем Владимиром Константиновичем Кухаревским и трехлетним сыном Алексом. Изначально мы приехали к моему троюродному брату Виктору Петровичу Малиеву. Он был внуком Григория Степановича Санжаревского, брата моего деда. Виктор в то время возводил завод по изготовлению кондитерских изделий. Когда-то в семнадцатилетнем возрасте, отучившись в институте, Виктор решил остаться жить в Москве, и у него получилось. Приехав однажды в Элисту, он пригласил мою семью в Московскую область с просьбой помочь ему в работе. Мы, недолго думая, согласились.

Время было не лучшее — конец 1990-х годов. Ни работы, ни денег, война в Чечне — страшное время. Оно заставляло людей ехать, кто куда мог. И, как когда-то мой предок Степан Прокопьевич, я со своей семьей решила уехать из родового гнезда, которое пере-

Марина Александровна Кухаревская с сыном Марком. 2012 год

Семья Кухаревских. 2017 год

Марина Александровна Кухаревская 2017 год. Фото А. Н. Гольцева

ходило из поколения в поколение, в поисках лучшей жизни. Приехав в Московскую область, в деревню Новинки, я поняла, что в этой местности люди не имели представления о тех трудностях, которые были в других регионах. Сначала было непривычно, потом свыклись.

После трехмесячного проживания у Виктора моя семья переехала в Павловскую Слободу. Работали много, чтобы выжить в этом для нас на тот момент чужом краю. Но делать было нечего, я просто надеялась на лучшее. Потом случилось огромное горе — погиб Виктор Петрович Малиев. Завод на время прекратил свою деятельность, пришлось искать другую работу. Поработав в разных сферах деятельности, я все же не забывала о том, что имею музыкальное педагогическое образование, начала с музыкальной школы, а после рождения своего второго сына, Марка, решила уйти с головой в педагогическую деятельность.

Работала воспитателем в детском саду, потом музыкальным руководителем, затем — учителем музыки в Павловской средней школе, ну а после этого стала директором Павловского культурно-досугового комплекса, где и по сей день работаю, выискивая таланты, возрождая культуру в территориальном управлении, и, конечно же, поддерживая краеведческую деятельность и исследования истории этого прекрасного края.

*Марина Александровна Кухаревская
Фото из семейного архива автора*

«Брат всегда был лидером»

Мои родители, Виктор Семенович и Людмила Моисеевна Петровы, встретились и поженились в Павловской Слободе, и когда в 1935 году родился сын Алексей, они жили на Лазаретном дворе. Отец моей мамы, Моисей Пшеничный, участвовал в Первой мировой войне. В 1939 году родилась дочка Инночка, а уже в конце войны родилась я.

Моисей Пшеничный.
1914 год.

Ольга Александровна
Пшеничная (Глазкова),
1932 год

Людмила Моисеевна
и Виктор Семенович
Петровы.
Начало XX века

Хочется рассказать о жизни моего брата Алика (Алексея Викторовича Петрова), которая была очень яркой и содержательной. Его детство прошло в Павловской Слободе, не считая двух лет эвакуации. В первый класс он пошел в Павловскую школу в 1943 году.

Они с друзьями придумывали разные игры, озорничали, бегали купаться на Истру.

Потом, приезжая в Павловскую Слободу, первым делом он ехал купаться в реке своего детства.

Школу Алик окончил уже в Москве в 1953 году и поступил в МВТУ

Семья Петровых. Конец 1930-х годов

Молодежь Павловской Слободы. 1930-е годы

Первый класс Павловской школы. 1943 год.
Из архива Раисы Иосифовны Седельниковой

имени Баумана. Окончив училище, остался на кафедре вычислительных машин, которые только еще начинали развиваться в нашей стране. В студенческие годы всегда был лидером и активным участником всех значимых в то время событий. В 1957 году он – командир отряда целинников. После окончания института возглавил студенческий строительный отряд и осуществлял закладку первого камня на месте будущего города Зеленоград. Во время учебы был секретарем комсомольской организации факультета.

Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Долгое время занимался преподавательской деятельностью, совмещая ее с руко-

водством научно-исследовательской лабораторией. Также возглавлял группу народного контроля института, проявляя во всем принципиальность, являясь автором десятков учебных пособий и научных трудов. За учебник «Вычислительная техника в инженерно-экономических расчетах» Алексею Викторовичу было присвоено звание лауреата Государственной премии.

Вручение Алексею Викторовичу Петрову диплома заслуженного деятеля науки. 2000 год

В 1988 году он перешел в Академию государственной службы при Президенте РФ на должность заведующего кафедрой информационных технологий, где стал передавать свои знания и опыт госслужащим со всех регионов России. В 2000 году Алексею Викторовичу Петрову было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РФ».

Я очень горжусь своим братом. Жалко, что он так рано ушел от нас, в 2001 году, и еще многого не успел сделать.

Ольга Викторовна Волкова (Петрова)
Фото из семейного архива автора

«Душа моя навсегда осталась в колхозе»

Евгения Борисовна Еременкова (в девичестве Фомина) родилась в 1937 году в Краснодарском крае. Ее мама родом из Тверской области. Отец был уроженцем города Москвы, но детство свое провел тоже в Тверской области. Бабушка Евгении Борисовны, Ирина Григорьевна (по отцовской линии), тоже была из крестьянской семьи, родом из Тверской губернии. В конце XIX — начале XX веков ее ребенком привезли в Москву и устроили в генеральский дом прислугой.

«Помню из рассказов бабушки, как она убиралась в большом генеральском доме, — вспоминала Евгения Борисовна. — В гостиной стояла большая клетка, а в ней — попугай. Скрипит попугай: “А девку-то из деревни привезли в красном сарафане, а девку-то из деревни привезли в красном сарафане, а девка-то красивая, а девка-то работающая”.

Непонятно, кто научил птицу таким комплиментам девушке. Я сама слышала этот рассказ от бабушки, когда училась в Павловской Слободе в начальных классах. У генеральши своих детей не было. Адъютанту генерала приглянулась моя бабушка, в то время молодая девушка, и он женился на ней. И у моего отца эта генеральша была крестной матерью.

Во время Первой мировой войны в Москве начались грабежи, и, чтобы их пресечь, по городу ходили военные патрули. Дедушка участвовал в таких дежурных нарядах. Однажды, при очередном патрулировании улиц Москвы, он был сильно избит мародерами, после чего умер. Бабушка осталась одна. Две девочки умерли от дифтерии, а два мальчика остались. Бабушка стала работать белошвейкой. К 1917 году она уже шила одежду для военных.

Потом заболела тифом, была, как она рассказывала, почти мертва. Мальчишки ходили по улице, собирали палочки, на кирпичики ставили чайник и кипятили чай. Отцу моему в годы революции было около 8 лет, а его старшему брату — 12. Их заметила женщина на улице, расспросила, в чем дело. Дети объяснили, что папы нет, а мама тяжело болеет. Женщина стала их маму поить и кормить вареньем, вызвала карету скорой помощи и увезла ее в больницу. А мальчиков забрал старший брат бабушки, он работал на заводе.

Когда бабушка вернулась из больницы, в квартире уже ничего не было (почистили мародеры). Старшего сына устроили на завод, а младшего, Бориса, бабушка взяла с собой и пошла пешком в Тверскую губернию в деревню к своему отцу. Семья там была большая, но хозяйство крепкое. Запасы продовольствия были, голодными не сидели.

Поскольку бабушка была еще молода, ее сосватали в деревне за пастуха Ивана Фомина, усыновившего моего отца, который стал Борисом Ивановичем Фоминым. Зимой отец ходил в школу километров за восемь от деревни, а летом клал книги в сумку и с отчимом отправлялся пасти стадо. В 16 лет он уже стал председателем Тургиновского сельсовета в Тверской области, потом и женился. Как только отец отслужил в армии, семья была направлена в станицу Кавказская Кавказского района Краснодарского края. Там родились дети. Сначала работал председателем колхоза, потом — председателем сельсовета. В конце 1930-х годов, в разгар репрессий, отец сильно переживал из-за своей прежней фамилии по родному отцу — Дедзи. Каждый день ждал, что за ним придут, но ему повезло. Войну в 1941 году встретили в этой станице. Провожали отца на фронт в конце лета».

Хотя Евгении было лишь четыре года, она многое помнит. С мамой, Татьяной Андреевной Фоминой (Андреевой), ездили в Армавир, где собирали новобранцев. Отца назначили политруком кавалерийского эскадрона. Он хорошо умел наладить контакт с казаками, его очень уважали подчиненные. Осенью Бориса Ивановича с его эскадронном послали под Ростов (станция Батайская). Пришлось им воевать на лошадях с бутылками с зажигательной смесью и ружьями против немецких танков. Нетрудно догадаться, кто побеждал в таких поединках и как там было страшно. Потом ее мама долго ходила по станице, выясняла судьбу отца Жени. После боя среди раненых и убитых, а также живых отца не нашли. Только в 1945 году пришла на него похоронка. Однажды, в 1965 году, по телевизору показывали старую кинохронику. Короткометражный фильм состоял из эпизодов времен прошедшей войны. Мама Евгении узнала на экране мужа среди плененных бойцов возле переправы через Дон.

Жить на окраине станицы в первые послевоенные годы было очень опасно, так как многие возвращались из тюрем по амнистии. И Татьяна Андреевна решила переехать к родителям в Тверскую область. Она сдала дом, зарезала поросенка, упаковала мясо, раздала мелкие вещи по соседям. Ей очень помогли станичники: хорошо снабдили хлебом, чтоб хватило на две недели пути, выписали пропуск в Москву, довели до станции, посадили в воинский эшелон.

«Когда подъезжали в тачанке к железнодорожной станции Кропоткин, помню, впереди виднелся огонек, меня утешали: скоро, скоро! И только слышалось, как стучат лошадиные копыта по мартовской грязи. В эшелоне нас ждали. Запомнилось: вагоны, вагоны и летят в вагон наши узлы, состав уже тронулся, а нас на ходу еле-еле затолкали в вагон. В пути младший годовалый брат исходил криком, а я развлекалась, рассматривая в вагонные щели, мелькавшие мимо картинки, как сейчас смотрят мультфильмы. Мне хорошо запомнилась повторяющаяся картина: на каждой станции, как только вагон останавливался, кто-нибудь из солдат с чайником бросался к станции набрать кипятку, а перед отправлением эшелона в дверь просовывалась рука, ставила чайник, затем появлялись ноги и сам боец. Когда стали подъезжать к Москве, кончился уголь и стали топить всеми деревянными деталями внутреннего обустройства вагонов — полками, стеллажами. Нам повезло, а впереди идущий эшелон немцы разбомбили недалеко от станции отправления.

Наконец, добрались до Москвы. Не доехав до Клина, видим: впереди вдребезги разбитая станция. В здании вокзала окна фанерой заколочены. Дальше ехать на поезде нельзя, надо было где-то переночевать. Нас выручили мамыны запасы свинины. Она обратилась к начальнику станции, и он пустил нас в свой небольшой кабинет с печкой-буржуйкой. Мы там приютились в углу и переждали ночь.

Утром всех поразила страшная картина посадки на поезд. Было много желающих уехать, но и здесь выручили мамыны мясные запасы. Закинули наши узлы в вагон, и мы поехали дальше. Конечная остановка — станция Кузьминки. Вышли со своим скарбом, мама куда-то ушла, затем вернулась и отвела нас в барак к какой-то женщине, а сама отпра-

вилась пешком за транспортом по весенней грязи в родную деревню Рагозино Тургиновского сельсовета за двадцать километров».

Эта женщина впервые за всю дорогу детей немного обмыла и положила на белые простыни. На другой день вернулась Татьяна Андреевна. Приехали они с бабушкой на старенькой дохленькой лошадке. Погрузили пожитки и отправились в путь. Ехать было необычайно тяжело. Где мостки были уже разрушены, кое-как разгружали телегу и перетаскивали вещи и лошаденку. Добрались до деревни. Дом у бабушки остался цел. Родственники рассказали, как в конце декабря 1941 года во время оккупации из всех дворов немцы сожгли домов двенадцать, погибло два десятка человек.

В большом дедушкином хозяйстве перед приходом немцев скотину постарались припрятать, да маленький поросенок хрюкнул из-под сеней и его забрали, заодно и телку. Один немец пытался заставить дедушку помочь им строить огневую точку, но дедушка отказался, хотя он был на все руки мастер. Немецкий офицер схватил его за бороду, положил голову на порог и замахнулся штыком, но рубить не стал, а только пнул его ногой, и дедушка уполз в дом.

Тяжелые бои развернулись при освобождении деревни. Там стоял новый колхозный большой скотный двор, покрытый дранкой. Поскольку крыша в силу погодных явлений обледенела, немцы не смогли поджечь его перед боем. Времени не хватало, и у них не было огнеметов, к тому же приближались красноармейцы, поэтому поджигали дома выборочно. Сигнали жителей в четыре дома посредине деревни. Тут началась стрельба. В бабушкином доме потом оказалось много дыр в крыше, стекла побитые от пулеметных очередей. Дедушкин дом тоже пытались поджечь, не успели. Уже загорелось сено возле сарая во дворе, но тут появился первый красноармеец и затоптал огонь.

Коровы были привязаны в одном месте в конце деревни. Недалеко от них схоронился один мужчина, которого не взяли в армию из-за болезни. Когда началась стрельба, он вылез и обрезал все привязи у коров. Картина получилась апокалиптическая. Со всех сторон стреляют — наши и немцы, а по всей деревне мечутся коровы. Наконец, выбили немцев из деревни. Наши солдаты не спали три дня непрерывных боев, поэтому сразу отоспались и отъелись за все.

Немцев отогнали, бабушка Евгении убежала в дом. Видит: висит разделанная овца, стоит накрученный мясной фарш. Тут подросли наши солдатики. «Сынки, это все ваше!» Бабушка достала три ковриги хлеба замороженные, хранившиеся в сенях. Набежала солдат полная изба. Наварили им картошки, дали им мясо, этот хлеб. Все бойцы наелись, отдохнули. Когда бойцы после отдыха отправились в соседнюю деревню, оказалось, немцы, отступая, сожгли ее дотла.

В деревне были разные люди. Кое-кто в довоенные годы перебивал в председателях, но ненадолго: всех губила одна, но пламенная страсть — любовь к выпивке. А тетя Катя — маленькая, рыженькая, очень активная женщина, была хорошим председателем. Перед приходом немцев, когда собрали хороший урожай зерна, она организовала

людей, и они его тщательно схоронили, так как много амбаров стояло на усадьбах в огородах колхозников. В декабре амбары оказались засыпанными снегом, к тому же зерно было спрятано в обширном подпольном пространстве, немцы его не нашли. Весной, когда пришла пора сеять, зерно очень пригодились.

Врага отогнали, колхозники вернулись к своему мирному, но нелегкому труду. Собрали всех раненых, больных, старых лошадей, подкормили и вывели, потом использовали весной на посевных работах. «Весной в нашем большом сарае собрали всех лошадей, хомуты и прочую упряжь, распределили между хозяевами, — продолжала свой рассказ Евгения Борисовна. — Распахивали каждый клочок земли, в том числе и в соседней деревне Калистово, где все было сожжено — ни кола, ни двора. Но зерна хватило и для соседнего колхоза, который соединили с нашим. Посадили картофель, не голодали и давали сельхозпродукты для фронта».

В 1949 году в деревне произошло большое несчастье. Приезжие парни в соседнем доме курили, и загорелся их дом. Стояла тридцатиградусная жара, ветер вдоль деревни мгновенно разнес искры. Начали загораться по цепочке остальные деревянные строения. Праздничный день — Троица. Многие из деревни разъехались: кто в гостях, кто на рынке. Меры пожарной безопасности оказались недостаточными и, несмотря на все усилия по тушению, сгорело полдеревни. Вот тогда и пришла настоящая беда. Бабушку Евгении вытащили из окна горящего дома. Мало, что удалось спасти из вещей. Хорошо, что хоть успели выгнать домашнюю скотину. Дальше началось настоящее хождение по мукам.

Евгения и до этого помогала бабушке и бабушке, а в 3 классе уже навоз возила. Дедушка в эти годы мог только сторожить, больше ничего. Интересно, как распределяли быков, на которых ребяташки возили навоз. Утром, часов в восемь мальчишки и Женя стояли, держась за забор. Как только раздавался удар в рельсу, опрометью бежали к пасущимся недалеко быкам. Хватали «своего» быка за хвост и на нем возили навоз целый день. Выручали ноги!

В Павловской Слободе жила мама тетка. Евгению привозили в подмосковное

Семья Андреевых с детьми. Рядом с матерью дочь Татьяна (стоит). Начало XX века. Из архива семьи Еременко

Ученики Павловской начальной школы. 1946 год. Из архива Раисы Иосифовны Седельниковой

Дети на одной из улиц Павловской Слободы. Евгения Фомина крайняя справа. Середина XX века. Из архива семьи Еременко

село, и с 1 по 3 класс она училась в Павловской начальной школе у Зои Сергеевны Гушиной. С 4 по 7 класс — в Тверской области, но там не было учителей по некоторым предметам.

После 8 класса Евгения поступила в Загорский сельскохозяйственный техникум. В 1958 году, после окончания техникума, ей предлагали пойти в передовое научное экспериментальное хозяйство «Снегири», но она выбрала свой колхоз «Путь к коммунизму», где три бабульки вручную доили коров, вместо потолка в коровнике — жердочки и сверху солома. Потом вышла замуж, здоровье было не очень

Евгения Борисовна Фомина на практике в учхозе. 1960-е годы. Из архива семьи Еременко

Хор «Слободушка». 2016 год. Фото А. Н. Гольцева

Коллектив магазина «Военторг». Евгения Борисовна третья слева. Вторая половина XX века. Из архива семьи Еременко

крепкое, ушла из колхоза. Два раза возвращалась, два раза уходила. Работала 12 лет на колхозном молокозаводе и 22 года — в магазине «Военторг» в Павловской Слободе.

«Душа моя навсегда осталась в колхозе. Тянуло к нему. И сейчас, несмотря на то что двигаюсь с трудом, все равно хочется на грядки, — закончила свой рассказ Евгения Борисовна. — Выросли две дочери, внучке уже 23 года. Сама сейчас пою в местном хоре "Слободушка"».

Александр Николаевич Гольцев

«Ценой жизни отстаивали свободу»

Я родилась в 1939 году в Бурятии в ста километрах от озера Байкал в предгорьях Саян. Сейчас живу в одном из красивейших уголков Подмосковья — в Павловской Слободе.

В большой и дружной семье моего дедушки выросли восемь детей, достойных граждан нашей страны. Моя мама была вторым ребенком. Отца призвали в ряды Красной Армии, когда моей младшей сестре было всего несколько дней. До призыва в армию он работал председателем колхоза, после войны, в 1946 году, вернулся домой тяжело больным и вскоре умер.

Моя малая родина находилась далеко от мест, где проходила война, но сильное горе, трагизм обстоятельств, связанных с войной, ощущались и у нас. Не было ни одной семьи, чей сын, отец, дядя, не был бы призван на защиту Родины. По скромным подсчетам в годы войны призвали 34 миллиона наших самых лучших сынов страны полутора сотен национальностей. Многие из них ценой собственной жизни, отвагой и героизмом отстаивали честь и достоинство, свободу и независимость нашей страны.

Старший брат мамы, Шагдыр-Жап Сахияевич Сыренов, 1917 года рождения, был призван в ряды РККА в 1940 году. В первые месяцы службы прошел курсы по подготовке офицерского состава, затем дорогами войны прошел через огненные рубежи жесточайших сражений под Курском, участвовал в битвах за Орел и Сталинград. В звании старшего лейтенанта он погиб 21 января 1944 года и похоронен в селе Радчин в Западной Украине.

Второй брат мамы, Сырен Сахияевич Сыренов, 1923 года рождения, в январе 1941 года досрочно окончил 10 классов и был направлен в Канское авиационное училище вместе со своими одноклассниками. В июне 1942 года молодые летчики попали на Сталинградский фронт.

Их одноклассник Банди Хоборкович Таханов в конце декабря в боях за Сталинград горел в самолете, но остался жив. После лечения в госпитале был демобилизован и трудился на руководящих должностях в хозяйствах родного края. Дядя Сырен в составе 5-й авиационной армии участвовал в боях за освобождение Румынии, Венгрии, Австрии и Чехословакии. Закончил войну под Братиславой. За боевые заслуги в годы войны летчик Сырен Сахияевич Сыренов был награжден орденом Красной Звезды и многими медалями.

После окончания войны дядя Сырен поступил в Военно-воздушную академию имени Жуковского в Московской области (ныне Военно-воздушная академия имени Гагарина).

О войне пишут, говорят языком театра, кино. Мы видим войну в произведениях живописи, в музеях, слышим ее в музыке. Порой произведения о войне создают те, кто

Шагдыр-Жап Сахияевич Сыренов. Начало 1940-х годов

Сырен Сахияевич Сыренов. Начало 1940-х годов

в силу своего возраста войны, к счастью, не познал. Но они прочувствовали ее через пережитое родными, близкими, всем народом. В своем раннем детстве я ощущала войну как тревожное время.

У нашего дедушки дом был большой, часто собирались у нас односельчане — учителя школы, рассказывали о ходе войны, об очередных успехах и поражениях наших войск. Тяжелая участь досталась нашему народу. Но люди жили и трудились в тылу, веря в победу. Каждый вкладывал свой посильный труд в дело разгрома фашистской Германии. Работали под лозунгом: «Все для фронта, все для победы!» Выстояли и победили не только на полях сражений, но и в тылу. Жили бедно, но дружно.

Женщины сели за руль грузовиков, тракторов. Моя мама на колхозной полторке возила зерно до Куктука, что возле Байкала, для сдачи государству, а в послевоенные годы водила машину американского производства «студебеккер». А мамина сестра, тетя Дари, 1920 года рождения, работала трактористом, как последовательница Паши Ангелиной. Во время уборки зерновых пересаживалась и на комбайн.

Я помню, как приходилось собирать колоски на полях, хлеба не было. После уроков нас выводили в поле сжатой пшеницы, ставили в ряд и наказывали, чтоб не пропускали ни одного колоска пшеницы. Убирали колхозную картошку, овощи. Нам, детям войны, пришлось рано познать труд, голод, холод сибирского климата, не было нормальной одежды и обуви. Но мы редко болели, не ныли, мы просто делали все, чтобы выжить. Мы верили, мы помогали друг другу.

Сорок три года я преподавала физику в ВУЗах и колледже. Работала в Томском политехническом институте на кафедре физики. Закончила работу в Улан-Удэ в филиале Московского государственного университета статистики, экономики и информатики.

Мне было присвоено звание «Заслуженный учитель республики Бурятии» и «Отличник специального образования СССР».

В год 70-летия Победы 9 мая по селу Павловская Слобода прошел «Бессмертный полк». Мы с внуком Александром шли и несли портреты Шагдыра-Жап Сахияевича и Сырена Сахияевича Сыреновых.

Людмила Жамсаевна Цыденова с внуком Александром в День Победы. 2016 год

Людмила Жамсаевна Цыденова
Фото из семейного архива автора

Замечательный архив старых фотографий

Уже несколько лет краеведы села Павловская Слобода (участники краеведческого клуба «Слобода заповедная») собирают информацию о жизни села и окрестностей — старые семейные фотографии и документы, которые отражают события в нашем селе, происходившие в XIX-XX столетиях. Особо ценный источник сведений об облике Павловской Слободы мы обнаружили, посетив старожила села Антонину Викторовну Филатову.

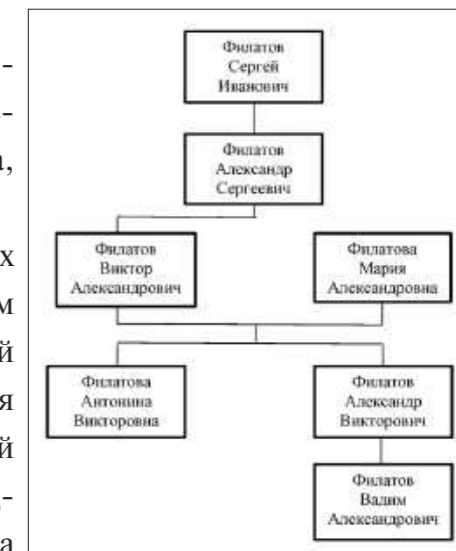
Она и ее брат Александр Викторович — уроженцы Павловской Слободы, дети войны. Бережное отношение к своему семейному собранию фотографий и документов (многие фотографии датированы, некоторые снабжены поясняющими подписями, один из документов хранится более ста лет) вызывает уважение у всех любителей истории родного края, поскольку позволяет через многие десятилетия приоткрыть завесу времени и увидеть без искажений, как же все было.

В этом рассказе предпринята попытка реконструкции истории семейства коренных жителей Павловской Слободы, в основном, по фотографиям и документам из семейного архива, оставшегося после Антонины Викторовны.

Первые документальные сведения о предках Филатовых известны с конца XIX века. Среди сохранившихся в семейном архиве Антонины Викторовны Филатовой старых фотографий и документов имеется свидетельство, выданное сыну Сергея Ивановича Филатова — мещанина Павловской подгородной слободы Звенигородского уезда Московской губернии. В подлинном документе подтверждается, что сын Сергея Ивановича Александр Сергеевич Филатов в 1896 году «успешно окончил курс учения в Павловском двухклассном училище Министерства Народного Просвещения, в связи с чем, имеет право на льготы согласно Уставу о воинской повинности». Свидетельство заверено подписями заведующего училищем Павлом Бенедиктовым, законоучителя, священника Благовещенской церкви Иоанна Никольского и учителя Павла Ивановича Понятовского, а также печатью училища.

О самом Сергее Ивановиче знаем, что родился он не позднее 1865 года. К сожалению, более ничего не известно. Можно только предположить, что он был, скорее всего, неграмотным либо имел только начальное образование, поскольку во времена его детства (в начале 1870-х годов) в селе Павловское существовало лишь начальное народное училище, содержавшееся на средства Павловского общества (для мальчиков) и церковно-приходское училище (для девочек).

Сын Сергея Ивановича, Александр Сергеевич Филатов, родился примерно в 1882 году. На фотографии запечатлена семья Филатовых, где

Фрагмент родословного древа семьи Филатовых

Свидетельство об окончании Александром Сергеевичем Филатовым двухклассного училища. 1896 год

улыбающийся ее глава, Александр Сергеевич, с балалайкой в руках задает общее настроение окружающим его родственникам. На снимке можно узнать также его сына, Виктора Александровича, а на заднем плане – маленькую Антонину и, вероятно, мать Виктора (бабушку Антонины). Виктор в часы отдыха с товарищами аккомпанировал на струнных инструментах, а его отец, пусть и уже немолодой, лихо плясал.

Александр Сергеевич Филатов (с балалайкой) с сыном Виктором (крайний справа), внучкой Антониной (в центре) и другими родственниками. 1930-е годы

Виктор Филатов (справа) с друзьями и отцом (пляшет на переднем плане). 1927 год

Сын Александра Сергеевича, Виктор, родился, как известно из автобиографии, в семье рабочих в 1906 году в Павловской Слободе. Скорее всего, он получил образование в Павловском двухклассном училище, ставшим после 1918 года школой второй ступени. То, что он имел определенное образование, следует из анкеты – работал в различных государственных учреждениях.

Виктор, Мария и Александр Сергеевич Филатовы (слева направо). Конец 1930-х годов

Виктор Александрович Филатов на отдыхе. 1926 год

Виктор Александрович Филатов (третий слева) на службе. 1939 год

Надпись на обороте другой сохранившейся фотографии гласила: «Виктор Филатов 1926 года 15 июня заснят во время своего двухнедельного профессионального отпуска при службе в Павловском артиллерийском складе-мастерской на должности конторщика Шорного отдела».

По-видимому, отец привил сыну любовь к музыке, игре на музыкальных инструментах. Вместе с друзьями Виктор играл в духовом оркестре при Артскладе, по крайней мере, с середины 1920-х годов и до начала войны. Он не расставался с гитарой во время отдыха за столом, на природе с друзьями. Да и жену себе он выбрал тоже среди любительниц музыки.

Мария Александровна Степанова, 1906 года рождения, была из семьи батрака. До 1914 года находилась на иждивении родителей, а потом работала по найму в деревне Соклаково Тульской губернии. В 1920-х годах приехала в Павловскую Слободу. В семейном архиве сохранился билет, где указано, что Мария была принята в 1925 году Воскресенским уездным комитетом в ряды комсомола.

Она была одной из первых комсомолок Павловской Слободы. Здесь Мария встретила своего будущего мужа Виктора Александровича Филатова. В 1927 году родилась дочь Антонина, а в 1937 году – сын Александр (названный в честь деда). В годы войны, вернувшись вместе с предприятием в 1942 году в родное село, Мария Александровна продолжила трудиться, приближая Победу. В 1946 году она была награждена медалью «За доблестный и самоотверженный труд в Великой Отечественной войне». Работала в столовой военной

Ансамбль струнных инструментов. Виктор и его избранница Мария (в переднем ряду слева). Середина 1920-х годов

Комсомольский билет Марии Александровны Филатовой. 1920-е годы

Мария и Виктор Филатовы. 1920-е годы

Столовая военной базы №38. 1960-е годы

Удостоверение к медали, из семейного архива А.В.Филатовой. 1946 год

базы №38 буфетчицей, а затем, до 1961 года, продавщицей в магазине №7 Павловского сельпо.

Ее муж, Виктор Александрович Филатов, в июле 1941 года был призван в ряды Красной Армии, а впоследствии Мария Александровна получила извещение, что он пропал без вести в феврале 1942 года. Имя Виктора Александровича Филатова занесено на мемориальную стену в центре Павловской Слободы.

Я держу в руках пожелтевший листок самодельной открытки, любовно украшенной незатейливыми рисунками на осеннюю тему. Это трогательное послание со словами поддержки получила в октябре 1944 года жительница Павловской Слободы Антонина Викторовна Филатова.

Поздравительная открытка из Москвы. 1944 год

Антонина Викторовна Филатова. 1980-е годы

Из Москвы ее родственник писал: «Поздравляю с днем рождения! Поздравляю с семнадцатилетием! Желаю полного здоровья, успехов в учебе и успеха в личной жизни. Пусть твоя жизнь будет полна радости и счастья, даже в такое тяжелое военное время, как сейчас. Сожалею, что не смогу провозгласить здравницу на

вечере в честь твоего дня рождения и выпить чарку за твое здоровье. Очень хотелось бы погулять по лесу, и, особенно, на нашем любимом месте, а сейчас, во времена золотой осени, там, очевидно, рай. Думаю в ближайшее воскресенье приехать. Вот тогда сходим и сфотографируемся. Значит, постараюсь приехать в воскресенье 8-го, приготовься к съемке. Тоня, передай привет всем домашним, а бабушке особенный. Я очень доволен ее богатым урожаем, и очень сожалею, что не могу ее отблагодарить, так как знаю, что большую

Первоклассники Павловской школы. 1936 год

Антонина Филатова с младшим братом Александром и бабушкой. 1937 год

Антонина Викторовна Филатова за работой в конструкторском бюро НИИ имени Карбышева. 1950-ые годы

часть забот и хлопот затрачивается из-за меня. Значит, Тоня, ты решила заканчивать учебу у себя? Мне казалось, что лучше бы, если ты поступила сюда, в Москву. Но теперь уже поздно, а потому и нечего сожалеть. Могу только еще раз пожелать успеха в учебе. До свидания, Сергей».

Мало, что удалось узнать об Антонине Викторовне Филатовой: родилась в 1927 году, училась в Павловской школе. Окончила первый класс в 1936 году. В 1941 году Тоню с семьей эвакуировали в Кировскую область и весной 1942 года они вернулись в родное село. Окончив среднюю школу в 1946 году, Антонина работала в конструкторском бюро НИИ имени Карбышева конструктором. На фотографиях из семейного архива Антонина Викторовна запечатлена в разные годы.

Антонина Викторовна Филатова в доме на улице Карла Маркса. 1960-е годы

Антонина Викторовна Филатова (вторая справа) с сослуживцами в Москве. 1970-е годы

Она прожила, может быть, на чей-то взгляд, незаметную, «не героическую» жизнь, но главное, что она сделала, за что мы все должны быть ей благодарны — оставила сельчанам замечательный архив старых фотографий, снятых в Павловской Слободы. Антонина Викторовна тщательно берегла и сохраняла его все эти нелегкие годы. На многих фотографиях приведены точная дата съемки и поясняющие подписи. Некоторые фотографии из архива Филатовой размещены в качестве иллюстраций к рассказам в настоящем сборнике. Большое ей за это спасибо!

Родной брат Антонины Викторовны, Александр, родился в 1937 году в Павловской Слободы. В 1946 году поступил в Павловскую среднюю школу и окончил 10 класс в 1957 году. Затем проходил службу в рядах Советской армии в должности механика самолетов и радиолокационного оборудования. В декабре 1960 года поступил в войсковую часть №67714 радионастройщиком и проработал там до пенсии.

Александр Викторович Филатов (слева) во время службы в армии. Конец 1950-х годов

Александр Николаевич Гольцев
Фото из семейного архива Филатовых

«Это чудесное звание – учитель»

К столетнему юбилею Павловской средней школы в 1975 году многие ее бывшие ученики поделились своими воспоминаниями о школьных годах и своей последующей жизни. В музее Павловской средней школы сохранилась рукопись воспоминаний Лидии Ивановны Сухаревой.

В Павловскую среднюю школу я поступила в 5 класс в 1935 году и окончила 10 класс в 1940 году. Запомнились на всю жизнь учителя школы: литератор Иван Георгиевич, географ Василий Георгиевич Налепин, математик Иван Иванович Вдовин, химик Августа Дмитриевна Головина и наша классная руководительница Ирина Кондратьевна. Наш класс был очень дружный и сильный по успеваемости.

Много занимались спортом: волейбол, лыжи, коньки. Для спортивных мероприятий были прекрасно оборудованы стадион и парк. На этом участке трудился Федор Иванович Горчилин, который для меня на всю жизнь остался сильным, требовательным спортсменом и отличным воспитателем. С ним мы постоянно встречались, и в слесарной мастерской он очень многому нас учил на уроках по труду. Помню богатейшие литературные чтения, очень хороший драматический кружок и художественную самодеятельность.

Из этого периода жизни невозможно забыть очень интересную жизнь деревенских ребят в школьном интернате. Большое спасибо Петру Сергеевичу Тюрину. Он нам всегда заменял родителей длинными зимними вечерами, когда так нужна была нам забота и внимание. Мария Николаевна Беляева запомнилась в столовой интерната. Как мать, согревала не только чаем и горячими щами, но и своей любовью к нам. Учитель столлярного труда жил с нами и всегда заменял нам старшего брата, друга, руководил нашими походами по вечерним улицам Павловской Слободы.

Выпускники нашего класса оказались все на нужных для страны работах. В первые дни войны ушли на фронт Михаил Шабанов и Валерий Найдышев. К сожалению, они погибли. В годы войны я работала на артиллерийской базе вооружений №38. Узнали мы о начале войны 22 июня утром. В 8:00 у ворот базы состоялся митинг, на котором было официально объявлено о начале войны, прозвучали призывы встать единым строем на защиту Отечества. Все понимали, какая беда пришла в наши дома, но каждый был уверен, что советский народ победит фашистскую чуму.

В первые дни войны с базы ушли на фронт молодые офицеры и рабочие (всего 26 человек). Большинство же осталось работать. В годы войны значимость базы резко возросла, рабочие и служащие в дальнейшем были объявлены участниками войны. На базе осуществлялось хранение оружия и его ремонт – поистине ковалась наша победа над фашистами.

С первых дней войны была организована работа в две смены (каждая по 10-12 часов) – в целом работа велась круглосуточно. Усилили охрану базы: на крышах установили дежурство. С 15 октября началась эвакуация базы в поселок Вахруши Слобод-

ского района Кировской области. К концу ноября на базе осталась лишь небольшая группа офицеров и рабочих. База была заминирована. Группа саперов во главе с Константином Салангиным должна была взорвать базу в случае занятия Павловской Слободы фашистами.

Вернулся завод из эвакуации весной 1942 года. Первый эшелон с оборудованием и оружием пришел 15 марта. Рабочие, служащие, военнослужащие не щадили своих сил для победы в войне. Прекрасные люди работали на базе: командир базы – Евгений Иванович Музычук, секретарь партийной организации – Дмитрий Федорович Холодов, председатель профкома, член парткома – Клавдия Алексеевна Чужакова, активная комсомолка, общественница – Анна Никифоровна Коротеева и другие.

С 1941 по 1945 года я была секретарем комсомольской организации военной базы. В 1944 г. ЦК ВЛКСМ наградил меня Почетной грамотой за хорошее руководство комсомольскими организациями и мобилизацию комсомольцев на перевыполнение производственного плана.

Так и не ушли из стен школы Зоя Гущина, Валентина Смирнова, Антонина Чистова. Владимир Соловьев и Николай Шилов нашли себя на юридическом поприще. Елизавета Чистова, Василий Шаронов и многие другие отлично трудились на производстве. А мне пришлось пройти дорогой трудной солдатской жизни, поэтому жила в разных местах от послевоенных Гороховетских землянок до заграничных квартир. Жили там, куда начальство посылало мужа. Имею специальность юриста, работала в течение 25 лет на разных должно-

Почетная грамота ЦК ВЛКСМ Коршуновой Лидии Ивановне. 1944 год. Из архива Надежды Сергеевны Конюховой

Анна Семеновна Волченко (вторая слева) и Лидия Ивановна Сухарева (справа). Конец 1950-х годов. Из архива Раисы Иосифовны Седельниковой

стях и всюду мне оченьгодились знания, полученные в школе. Работать значительно легче, когда имеешь крепкие знания.

Второй период в моей жизни связан с работой в родительском комитете Павловской средней школы с 1957 года по 1965 год, когда там училась моя дочь Надежда Сухарева. Это уже организация новогодних праздников, работа с детьми по подготовке подарков к торжественным дням, занятия с отстающими и беседы с их родителями, утомительные заседания родительского комитета.

За этот период я очень благодарна Анастасии Сергеевне Косьминской, у которой всему каждый день можно было учиться, необыкновенно трудолюбивой, любящей детей Анне Семеновне Волченко (особенно много мне пришлось работать с ней, когда она была завучем) и Раисе Иосифовне Седельниковой, которая выпускала из школы класс моей дочери. И теперь я каждый день мысленно и практически живу делами нашей школы, моей школы потому, что вырастила и отдала школе свою дочь на очень трудную, но благородную работу учителя.

Вам, учителям, в этот знаменательный для школы юбилейный год желаю добрых, долгих лет жизни, и чтобы всегда каждый помнил и высоко нес это чудесное звание – учитель.

*Лидия Ивановна Сухарева
1975 год*

«Ощутила весь ужас страшной войны»

Мое детство пришлось на тяжелое военное время. Родилась я в 1937 году в Липецкой области. Немцы не дошли до нашего села Подлесное-Хрушево всего полтора десятка километров. А в селе стояли советские войска. Они были расквартированы по домам. В горнице у нас размещался хозяйственный взвод. Портные приводили военную форму в порядок, сапожники ремонтировали обувь. Всегда было многолюдно. Еду солдатам приносили в ведрах, и нас, детей, также поставили на довольствие.

В небе часто летали самолеты. Однажды низко над землей пролетел горящий самолет и упал за селом. Все бегали смотреть. Для меня это время было невыносимо горьким. В три года я получила тяжелую травму. С движущейся телеги я прыгнула за маленьким жеребенком, который бежал параллельно. Ходить после этого я уже не могла.

В доме напротив, у дедушки, размещался штаб. Маму уговорили временно быть связной, чтобы меня положить в госпиталь. Здесь я в свои детские годы ощутила весь ужас страшной войны. Меня заковали в гипс от пят до шеи, положили рядом с солдатами у стенки в большом помещении, похожем на цех. Раненых привозили и днем, и ночью. Я постоянно слышала стоны и крики, видела окровавленные ноги и руки, забинтованные головы. Было очень страшно и больно. Плакала вместе с ними. Лишь через месяц меня выписали.

Мои старшие сестры, 13-летняя Таня, 11-летняя Сима и 9-летняя Валя в летние каникулы вместе с другими детьми работали в колхозе. Когда сняли гипс, мне из досок сколотили тачку, и я на ней находилась в поле вместе с сестрами, так как оставлять меня одну дома было нельзя. Мама работала в колхозе, папа был на фронте. Дети занимались прополкой свеклы, проса, гречки. А самой тяжелой работой было для них дергать спелый горох в августе. Детские руки были все в кровавых мозолях. Они часто плакали. Лекарств не было, лечить было нечем. Только прикладывали травы.

Я очень благодарна военному врачу – я немного оправилась и в сентябре 1943 года, в шесть лет, пошла в школу вслед за старшими сестрами. Мама меня не пускала, так как я была еще слаба, боялась за меня. Но моя первая учительница Зинаида Дмитриевна Булавина уговорила маму: «Вот она походит, походит, устанет и бросит». Но я не бросила и училась отлично. В школе мы писали на газетах и книжках между строк: бумаги не было. Было голодно, но нас в школе кормили. На перемене давали суп, в котором плавало несколько кусочков картошки.

Семья Турусиных с детьми. Нина крайняя справа. Начало 1940-х годов

В мае 1945 года я училась во втором классе. Вместе с другими школьниками, идя домой, мы проходили мимо разрушенной, но когда-то очень красивой церкви и увидели много народа. Люди пили, плакали, целовались, радовались. Это была долгожданная Победа. У стены церкви из досок был сбит ларек, в котором выдавали по карточкам хлеб. Нам выдали всем по куску теплого мягкого хлеба. В своем стихотворении я рассказала о боли того времени. Вот отрывок из него:

Я с детства познала всю горечь страданий.

По нашей земле шла злая война.

Закована в гипс, в лазарет я попала,

От боли и страха сказать не могла.

А рядом со мною лежали солдаты,

С боев их, из пепла сюда привезли

И видела рваные раны на теле,

Их стоны, и крики, и слезы текли.

Но вот и пришел наш денек долгожданный!

Нина Григорьевна
Турусина. 1950 год

Нина Григорьевна Турусина. Современное фото

Узнав о Победе, из школы мы шли.

И всем нам раздали теплого хлеба,

И радость, и слезы, и песни в пути.

В 1948 году наша семья переехала в Истринский район. Нас было уже семеро детей. Свою трудовую деятельность я начала в Истринской редакции радиовещания. Была принята на испытательный срок машинисткой, но вскоре была переведена на должность литературного сотрудника.

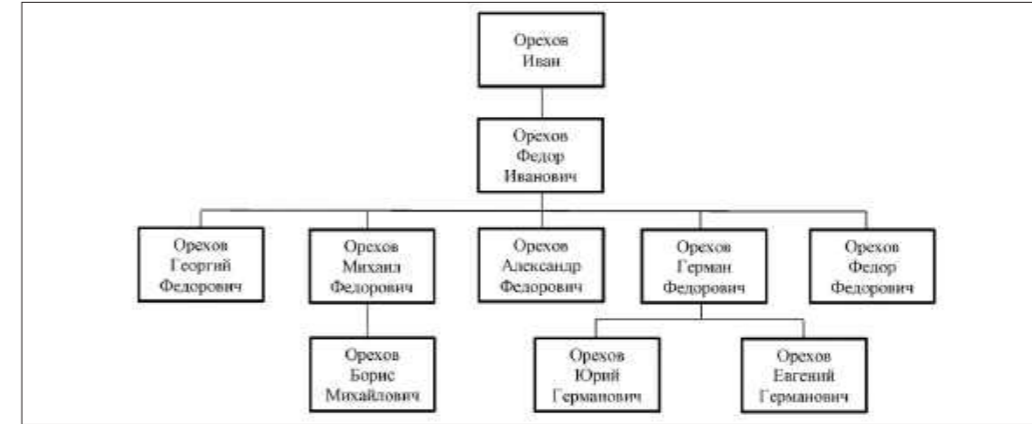
Последние четверть века моей трудовой деятельности прошли в научно-исследовательском институте электротермического оборудования

(ВНИИЭТО) в Истре. И все же, несмотря на все пережитые страдания, детство остается незабываемым, близким и дорогим.

Нина Григорьевна Турусина
Фото из семейного архива автора

«За десять дней до войны»

Евгений Германович Орехов родился в Павловской Слободе 12 июня 1941 года, за десять дней до войны. Его отец, Герман Федорович, работал на артиллерийском складе №38 главным счетоводом, сейчас бы назвали – главным бухгалтером.

Фрагмент родословной семьи Ореховых

Герман Федорович Орехов

Прадед Евгения Германовича – Иван Орехов во второй половине XIX века был кузнецом в Павловской Слободе. Дед, Федор Иванович Орехов, работал в колхозе «Серп и молот» агрономом. Все это было перед Великой Отечественной войной. Хотели семью раскулачить, но дед поехал в военкомат, отвез справки: два его сына служили в Красной Армии – Георгий Федорович Орехов и Михаил Федорович Ореховы.

Михаил окончил в Польше Варшавскую ветеринарную военную академию, был офицером. Вернувшись из армии, работал в колхозе зоотехником. Алексей Федорович Орехов – музыкант, настраивал музыкальные инструменты до войны. Во времена немого кинематографа сопровождал показ фильмов в сельском клубе Павловской Слободы игрой на пианино (был тапером). Клуб располагался на углу улиц Калинина и Луначарского. Там до войны показывали фильмы и играли самодеятельные спектакли. Во

Федор Иванович Орехов

Георгий Федорович Орехов

Александр Федорович Орехов во время учебы в МГУ. 1914 год

Занятие физического кружка в Павловской школе под руководством Александра Федоровича Орехова. Середина XX века

Учитель начальных классов Александра Ивановна Орехова (пятая слева во втором ряду). Середина XX века

Евгений Германович Орехов во время службы на флоте

Дом Ореховых на улице Луначарского. 2017 год. Фото А. Н. Гольцева

Михаил Федорович Орехов с супругой

время войны в дом попала бомба, и его больше не восстанавливали.

Александр Федорович Орехов окончил в 1914 году МГУ имени Ломоносова, но был слабого здоровья. Он завел себе охотничью собаку и бродил с ней по окрестным лесам с хорошим бельгийским ружьем за плечом. Ружье ему досталось от отца. Всю свою жизнь он преподавал математику в Павловской средней школе, вел кружок физики. Его жена, Александра Ивановна, также была учителем, преподавала в начальных классах.

Племянник Александра Федоровича, Евгений Германович Орехов, хорошо их помнит, все они жили в одном доме на улице Луначарского. Старинный дом постройки начала XX века, родовое гнездо семьи Ореховых, сохранился до настоящего времени.

Михаил Федорович после женитьбы жил в Новгородской области, затем в Ленинграде, но потом вернулся в Павловскую Слободу, в родной дом. Работал в колхозе,

затем на артиллерийском складе заведовал конюшней.

Его сын, двоюродный брат Евгения Германовича, Борис Михайлович Орехов, 1928 года рождения, также жил в этом доме — родовом гнезде Ореховых. Он родился в Павловской Слободу, поступил во МГИМО, стал журналистом-международником, в советское время много лет вел популярную передачу «Международная панорама» по телевидению. В те годы было всего пара телевизионных каналов, поэтому передачу смотрели многие, некоторые помнят до сих пор. Он изучил английский, китайский и корейский языки. Во времена войны в Корее представлял там газету «Правда». В настоящее время живет в Москве, а его сын Вячеслав Борисович — в Павловской Слободу.

Самого младшего дядю — Федора, который был ремингтонистом (печатал на пишущей машинке), за высказывание о советской власти репрессировали. Он после ареста попал на

стройку в Комсомольск-на-Амуре, там заболел туберкулезом и вскоре умер.

С началом войны отец Евгения получил бронь как работник оборонного предприятия, но в 1942 году его призвали на фронт, а через год после запросов в военкомат, пришло письмо, что он пропал без вести. Воевал на «Невском пятачке». Говорили, что там больше шести часов никто не жил. Было подсчитано количество убитых на квадратный метр — 18 человек! Важность этого участка была такова, что если бы противник занял этот плацдарм, был бы возможен прорыв обороны Ленинграда.

Семью эвакуировали вместе со всеми в поселок Вахруши Кировской области. Евгения там крестили, а уже в начале 1942 года семья вернулась в Павловскую Слободу. Из Кировской области приехало много местных жителей, для них построили бараки, которые называли рабочими домами. Ни один из них до наших дней не сохранился.

Переселенцы стали работать на базе. Филиал базы остался на Урале и продолжало работать основное производство в Слободу. Когда семья Ореховых вернулась из эвакуации, дом оказался полностью разграблен. До отъезда в доме была большая библиотека в несколько тысяч томов. Дед был грамотный, всю свою жизнь собирал книги. До революции он работал волостным писарем в селе Павловское, как прежде называлась Павловская Слободу.

Мама устроилась работать на базу, на Евгения и его сестру получали пособие — 204 рубля. Евгений вспоминал, как день зарплаты на базе (бухгалтерия и касса базы были в здании, где сейчас располагается православная гимназия «Ладанка»), стояли огромные очереди в магазинах.

Брат Юрий был радиоинженером и сначала работал над решением серьезных оборонных задач — разрабатывал различного назначения антенны, фазовые решетки и тому подобное. Потом был направлен в Ленинград на ремонтный завод, впоследствии он стал кандидатом наук, доктором и работал в Мониине над космическими проблемами.

Один из рабочих домов в Павловской Слободу. Середина XX века. Из архива Д. М. Павленко

Юрий Германович Орехов (слева) на берегу реки Истра

Евгений предположил, что постоянное общение в детстве с учителем математики в Павловской школе Иваном Ивановичем Вдовиным, с которым Юрий часто играл в шахматы, помогла ему в дальнейшем развить в себе любовь к математике, сформировать интерес к науке и стать ученым.

В детстве после войны было голодно, ребяташки с матерью ходили в лес, где она выкапывала какие-то корешки, собирала растения. Перед работой она успевала, встав в пять утра, набрать грибов в лесу, а к восьми уже шла на работу, оставив дочери записку: вымыть и почистить грибы, а вечером их готовила. В хозяйстве была коза. Евгений вспоминал, что когда уезжали в эвакуацию, козу мама ненадолго отдала своей сестре в деревню Тимошкино, а потом сестра не хотела нам ее возвращать. Пришлось забрать козу-кормилицу хитростью. Была и другая живность.

Кто не ленился, работал и держал хозяйство, все же меньше страдал от голода. Но и избыток особого не было, поскольку развернуть хозяйство власть не давала, да и душила налогами: на деревья, на животных. Нужно было сдавать шкуры свиней, шерсть коз, масло. Порой, масло покупали в магазине и сдавали как натуральный налог, даже до такого доходило.

Брат Юрий рассказывал, как весной 1942 года слободские ребята ходили за село на места прошедших боев. Там оставалось много бутылок с зажигательной смесью — «коктейль Молотова». Их вскрывали, смесь сливали, а дорогостоящие бутылки из-под шампанского сдавали. Было это делом очень опасным, горючая смесь у некоторых детей в руках самовозгоралась. Много было оружия, металла на свалках. Игры с оружием и боеприпасами, порой заканчивались печально. Неразорвавшихся боеприпасов в лесу было очень много.

Евгений пошел в первый класс Павловской школы на улице Октябрьская, доучился до четвертого класса, но в результате трагического несчастного случая получил тяжелую травму головы. Его долго лечили, но последствия сказывались. Жене было трудно учиться в школе, ослабла способность запоминать (судя по тому, что он рассказывал о своем детстве и своей дальнейшей жизни — память восстановилась). Окончив семилетку, продолжил обучение в Красногорском ремесленном училище. В училище его взяли как ребенка, растущего без отца, как трудного подростка. В ремесленном училище получил специальность токаря-универсала.

Еще в 6 классе Евгения приняли в местный оркестр, который существовал тогда при старом клубе военной базы №38 (бывшая большая конюшня) еще до постройки здания клуба базы. Евгений вспоминал, как интересно было, когда после показа фильма сдвигали скамейки к кинобудке, и начинались танцы. Пол там был слегка покатым, пары в процессе танца непроизвольно перемещались вниз. Постепенно образовался стабильный костяк духового оркестра. В него влились пришедшие с фронта оркестранты — Крапивнивец, Голубенкин, Максимов, Пушкин и другие. Начали играть на торжественных собраниях и митингах — гимн, интернационал, «Смело товарищи, в

ногу!» и другие революционные песни. Потом играли на танцах, в парке и в клубе, провожали под музыку слободчан в последний путь. Ездили на массовые гуляния в Ивановское и другие деревни.

В ремесленном училище Евгений Орехов продолжал играть в оркестре. Ребята участвовали в областных смотрах самодеятельности трудовых резервов, занимали первые места. Собрали даже сводный оркестр из всех оркестров ремесленных училищ области. Принимали участие в концерте в Большом театре. Он до сих пор хорошо помнит, как их оркестр в последнем заключительном номере исполнил песни «Сама садик я садила», «Фуражечка» и классическое произведение Моцарта «Турецкий марш». Играли в Лужниках, Колонном зале. Так он играл до сорока лет — партии баритона и баса, пока позволяла холостая жизнь. Когда пошел служить во флот, играл в духовом оркестре войсковой части.

Евгений работал токарем, затем слесарем. После повышения квалификации на различных курсах росло мастерство, переквалифицировался в электрики, затем стал механиком по ремонту торгово-технологического оборудования, окончил техникум гостиничного хозяйства и тридцать лет отработал в гостиницах «Националь» и «Метрополь». В настоящее время Евгений Германович на заслуженном отдыхе, интересуется историей родного села, активно участвует в работе краеведческого клуба «Слобода заповедная».

*Александр Николаевич Гольцев
Фото из семейного архива Ореховых*

Массовые гуляния молодежи в деревне Ивановское. Середина XX века. Из архива Нины Александровны Лелягиной

Взгляд из прошлого

На этой фотографии – в классе я сижу,
Тревожно жду урока, как будто вдаль гляжу.
Моя подруга рядом сидит и что-то пишет,
Готовится к уроку: меня она не слышит.
Учитель очень строгий, фамилия Григорьев.
Мы так его боялись, и с ним никто не спорил.
Конечно, уважали, с ним вежливыми были.
Уроки математики тогда не все любили.
А вот литература – любимый мой предмет,
Диктанты, сочинения, писала много лет.
На дальнем плане фото – девочки сидят,
Обсуждают что-то, о чем-то говорят.
И сколько б ни минуло, как ни туманься взгляд,
На нас десятиклассницы из прошлого глядят!

Любовь Фомина в школе. 1950-е годы.
Из семейного архива автора

Любовь Дмитриевна Фомина

«Удивительная вещь – человеческая память»

Несмотря на возраст и недуги, ему часто вспоминалась прожитая жизнь, некоторые события помнятся подробно. Иван Кириллович Захаров рассказывал: «Родился 8 марта 1923 года в селе Бабино-Булыгино Касимовского района Рязанской области в семье крестьянина. Отец Кирилл Алексеевич, мать Екатерина Федоровна. Нас детей было семь человек. Отец работал в колхозе. До войны жили неплохо. Все по-разному, но наша семья была трудолюбивая, много работали. Не пьянствовали, содержали корову, быка, овец. По весне набивали мясом ледник. Восемьдесят лет назад была засуха, голод, но вспоминаются и детские забавы, и нехитрые игры. Однажды на чердаке мы нашли в сундуке клад. Оказалось, что там полно царских бумажных денег».

Иван Кириллович рассказывал о годах своей молодости: «В 1938 году окончил 8 класс, поступил на вечернее отделение в техникум речного транспорта в городе Касимов. Там готовили на помощника капитана (штурмана). В 1940 году был вызван в военкомат и мне предложили учиться в авиационном училище, однако вместо училища направили от военкомата на курсы, где стали учить на легкого водолаза. Полностью курс подготовки мы не прошли, так как руководителя призвали в армию.

22 июня 1941 года началась война, а 15 сентября нас вызвали в военкомат, сутки прожили там, затем отпустили по домам, а 29 октября 1941 года призвали вновь и направили на пересыльный пункт, расположенный в Рязанской области. В ноябре 1941 года приехали моряки с Тихого океана, отобрали около 150 человек. Капитан первого ранга обратился к старшему нашей команды, чтобы привезли продукты из дома. Нас 20 человек отправили за продуктами, а когда мы вернулись, то узнали, что всех ребят отправили на пополнение войсковых частей. Нас же направили на формирование полка в Чувашию.

Наш полк прибыл на передовую в конце июня 1942 года, в бой вступили 6 июля, наступали на Воронеж в составе Воронежского фронта. Я был разведчиком 76-мм полковой батареи 796-го стрелкового полка 141-й стрелковой дивизии. После освобождения Воронежа полк продолжал вести бои, приближаясь к Курску. Это был уже Центральный фронт. Мне приходилось выполнять не только свои обязанности как разведчика, но и помогать расчетам, подносить снаряды к пушкам, невзирая на опасность для жизни, за что был награжден медалью «За боевые заслуги».

В 1943 году Ивану Кирилловичу присвоили звание младшего сержанта и назначили командиром отделения разведки 76-мм полковой батареи. В боях на Курской дуге за населенный пункт Дмитровка держал связь с подразделениями строевых рот, когда позвонили и сообщили, что немцы идут в атаку. Увидел, что враг от нашего переднего края всего в

Иван Кириллович Захаров
в начале военной службы.
1940-ые годы.
Из семейного архива
И.К.Захарова.

И.К.Захаров
после войны.
Из семейного архива
И.К.Захарова

800 метрах. Позвонил командиру батареи, его нет. За него никого не было, тогда принял решение и стал корректировать огонь батареи. Немцы переходили в контратаку, но все их атаки были отбиты. За этот бой Ивана Кирилловича наградили медалью «За отвагу». В августе 1944 года, находясь на наблюдательном пункте, сержант Захаров обнаружил батарею немцев, которая вела огонь по нашим окопам. Наша батарея открыла ответный огонь. Немцы были уничтожены. За это Ивана Кирилловича наградили второй медалью «За боевые заслуги».

Все время службы Иван Кириллович оставался на передовой. Освоил разные военные профессии – был помощником наводчика, подносчиком снарядов, наблюдателем на наблюдательном пункте, обеспечивал связь батальона с ротами. Помогало умение хорошо рисовать и чертить, так как часто необходимо было изобразить на бумаге передний край, который наблюдался в стереотрубы. Два с половиной года воевал на Воронежском, Центральном фронтах, на Курской дуге, участвовал в освобождении Киева. Некоторое время вел записи о происходивших военных действиях, хотя это и не приветствовалось в армии, но однажды шальной снаряд попал в обоз, где находились вещи и личный дневник Ивана Кирилловича.

Форсирование Днепра. Панорама из музея 112 Башкавдивизии, г.Уфа, из сети интернет.

В суматохе военных лет были и спокойные часы, счастливые случаи, благодаря которым и остался жив. Неоднократно был ранен, контужен, заваливало при обстрелах, стал плохо слышать. Но, к счастью, с войны вернулся живой. Не всегда артиллерию сопровождали лошади – их часто убивали, и приходилось на себе тащить пушки и снаряды. Большую роль на войне играл страх. Немцы специально запугивали наши войска, включая при пикировании самолетов сирены, сбрасывая с высоты дырявые пустые бочки, устраивали карусель, когда бомбили передовую. Страшное впечатление на всех бойцов произвели залпы, когда впервые услышали работу наших «Катюш».

Удивительная вещь – человеческая память. Отдельные события более, чем 70-летней давности ему четко вспоминаются сегодня. Освобождение Киева. В течение шести дней готовились к форсированию Днепра. Железнодорожный мост через реку взорван. Пускали дымовые завесы в трех местах, там немец и бомбил, а переправились ночью взвод разведчиков и рота автоматчиков в районе моста. Закрепились на плацдарме и корректировали огонь артиллерии.

Иван Кириллович продолжал рассказ: «В начале октября 1944 года я был вызван в штаб полка. Начальник штаба майор Комаров предложил мне отправиться в разведывательное училище в Томск. Но, в конце концов, нас повезли в Тамбовское летное училище. Когда наш поезд подошел к платформе в Тамбове, мы услышали звучание духового оркестра. Стоял генерал-лейтенант у знамени. Позднее оказалось, что такой почет оказывают Герою Советского Союза. Нас построили и привели на аэродром. Курсанты летного училища летали самостоятельно на самолетах Ил-2. Одно звено отлетало, поднялось другое звено. При выполнении атаки один самолет упал, курсант погиб. Мы все решили вернуться на фронт, считая, что там хоть есть, за что умирать.

Нас окружили офицеры с артиллерийского училища, уговорили. Мы согласились. Сдали экзамены. С 10 октября 1944 года по октябрь 1946 года учился. После окончания училища был направлен в Калининград, где служил в отделе хранения военной техники. В 1949 году отказался ехать на Дальний Восток, на Курилы. Вынужден был уволиться. В декабре 1951 года был призван в армию и направлен в село Павловская Слобода в войсковую часть №67714, где назначили техником отдела хранения вооружения».

Семья И.К.Захарова, 1960-ые годы. Из семейного архива И.К.Захарова.

И.К.Захаров на службе в в/ч №67714 в Павловской Слободе. 1960-ые годы. Из семейного архива И.К.Захарова.

После этого Иван Кириллович был начальником пункта, начальником участка, старшим помощником начальника отдела хранения и начальником отдела хранения. В ноябре 1972 года уволился в запас в звании майора, в 2002 году ему присвоили звание подполковника. С ноября 1972 года по март 1998 года был начальником команды вневедомственной охраны войсковой части в Павловской Слободе. С конца 1990-х годов и до последних лет Иван Кириллович проявлял завидную активность в работе территориальной ветеранской организации, был постоянным участником мемориальных мероприятий, выступал с воспоминаниями о военном прошлом перед учащимися Павловской школы.

И хотя Иван Кириллович попал на фронт еще очень молодым, он с сочувствием рассказывал, насколько тяжело на войне было детям: «В 1943 году в Курской области взяли село, отбили от немцев, командир батареи приказал: «Ребята, занимайте дома, ноче-

вать здесь будем”. Зашли в один дом, сидят хозяин, хозяйка и двое детей. Все сидят за столом и едят что-то похожее на хлеб цвета сажки, непонятно из чего выпеченное. У меня с собой было три больших буханки немецкого трофейного хлеба. Оставили им две буханки и большую банку тушенки. У хозяйки так и не удалось выведать секрет изготовления хлеба цвета сажки, видно, стеснялась признаться».

Дети были так или иначе вовлечены в происходящее, поскольку кругом шла война, даже если им самим не приходилось стрелять. Один житель на Украине рассказал Ивану Кирилловичу такую историю. Отец был председателем колхоза. Дед составил для немцев список местных коммунистов. Отдал внуку семнадцатилетнему – отнеси немцам. Парень сообразил, чем это грозит, и отнес список своему отцу. Председатель колхоза собрал всех жителей, решили уходить в лес. Когда село заняли наши войска и пришел председатель, на которого отец написал донос, он был первым в списке, капитан из особого отдела разбирал этот случай и сказал, что доносчику – высшая мера – расстрел, сын возразил, что хватит и веревки! Таковы были жестокие нравы.

Еще одна история, рассказанная Иваном Кирилловичем: «Украина. Красноармейцы заходят в деревню – сидят грязные дети, плохо одетые. Отца в 1940 году забрали в армию – готовились к войне. Мать работала в колхозе, они остались, за детьми присматривала вполглаза какая-то бабуля. Ясно, что дети не ухожены и не кормлены. Пришла с работы мать. Наши бойцы достали из своих вещмешков консервированный колбасный фарш и остальные припасы. Я всегда передвигался на лошади и, по возможности, возил с собой запас продуктов. Выложил шесть банок на стол. Покормите ребят и сами поешьте. Открыли банку штыком, дети аж затряслись, увидев американское чудо – тушенку. В другом украинском селе, когда в него вошли, праздновали Пасху и один житель заявил: “Господин Гитлер оставил наше село нетронутым!” Это сильно разозлило, и я его спросил: “А Вы молились на господина Гитлера?”»

Во время боевых действий красноармейцы часто встречались с жителями в освобожденных от немцев селениях, почти всегда там были и дети, в большинстве случаев – на грани выживания. Всегда бойцы приходили на помощь, делились, чем только могли. Понимали, что у них дома остались такие же голодные дети; может быть, и им кто-нибудь так же поможет. «Садись за стол, а на тебя глядели несколько пар голодных глаз, бывало, сам немного поешь, все остальное оставляешь детям», – закончил свой рассказ этот заслуженный человек, которого знают многие жители Павловской Слободы.

К сожалению, в начале 2017 года Ивана Кирилловича Захарова не стало, но память о нем хранят многие жители Павловской Слободы.

Александр Николаевич Гольцев
Фото из семейного архива Захаровых

История семьи Мирук

Галина Анатольевна Колоскова (Мирук) родилась 18 декабря 1956 года в Павловской Слободы. Она трепетно относится к истории своей семьи, хранит фотографии и документы своих предков, собирает и изучает архивные материалы, чтобы узнать о своих родных больше. В этом рассказе, как в зеркале, отражаются некоторые важные этапы, которыми прошли семья Мирук, наше село и наша страна в прошлом столетии. Речь здесь пойдет о детях Первой мировой и Великой Отечественной войн. В этой семейной истории в селе Павловская Слобода в 1928 году пересеклись две линии, когда встретились Александр Максимович Мирук и Зинаида Федоровна Галишева.

Линия отца Галины Анатольевны прослеживается, начиная с ее бабушки, Зинаиды Федоровны Герасимовой, 1906 года рождения. Оставшись сиротой, маленькая Зинаида была удочерена Иваном Антоновичем Рожинским и его супругой Пелагеей Григорьевной (в девичестве Никифоровой). Бездетные приемные родители заботи-

Галина Анатольевна Колоскова (Мирук).
Конец XX в.
Из семейного архива Г.А.Колосковой

Фрагмент родословной семьи Мирук

лись о сироте, как о родной дочери. Иван Антонович участвовал в Первой мировой войне, и в июне 1915 года он написал супруге письмо из действующей армии. В нем он сообщал о своем здоровье, посылал ей денег и просил купить на них Зине платье.

Многие жители Павловской Слободы помнят, как еще несколько лет назад на пересечении улиц 3-го Интернационала и 1 Мая располагался старый, но ухоженный дом с постройками и огородом, а рядом – дом №9, где жили учителя Павловской школы. Теперь на этом месте стоит девятиэтажный дом.

Дом №1 по ул.3-его Интернационала. 1970-ые годы.
Из семейного архива Г.А.Колосковой

Рожинская П.Г.. 1940 – 1950-ые годы.
Из семейного архива Г.А.Колосковой

Дом №1 на улице 3-го Интернационала был построен еще до войны, и первой хозяйкой его являлась Пелагея Григорьевна Рожинская (в девичестве Никифорова). Муж ее, Иван Антонович Рожинский, родился в 1888 году в Келецкой губернии (Польша, Российская Империя), по профессии плотник. Из книги Сергея Мамаева «Павловская Слобода. Век перемен» мы узнали, что он был «арестован 2 октября 1937 года. Обвинялся в контрреволюционной антисоветской агитации, связи со шпионами и шпионско-террористической деятельности. Расстрелян 3 ноября 1937 года в Бутове. Реабилитирован в ноябре 1989 года».

Семьи Рожинских и Мирук встречают новый 1936 год. Из семейного архива Г.А. Колосковой

Пелагея Григорьевна была неграмотной, и документы за нее подписывали другие. Судя по сохранившимся письмам, Иван Антонович владел лишь основами грамоты, но своей дочери приемные родители дали возможность получить семилетнее, хотя и незаконченное образование. С 1923 по 1928 год Зинаида Ивановна работала на прядильно-ткацкой фабрике в Дедовске ватерщицей (работницей на прядильной машине, где происходит вытягивание ниток, их скручивание и навивание) В 1928 году она вышла замуж за Александра Максимовича Мирука.

Ей было 22 года, ему — 25. В 1929 году у них родился сын Анатолий — будущий отец Галины Анатольевны. В 1937-1938 годах Зинаида Ивановна работала в колхозной артели «Серп и молот». На сохранившихся фотографиях тех лет видно, как трудились колхозники в артели. С 1939 года и до самой пенсии Зинаида Ивановна работала в артели «Славкожизделия» в Павловской Слободе.

Муж Зинаиды Ивановны, Александр Максимович Мирук, родился в 1903 году в Виленской губернии. Из сохранившегося членского билета следует, что в 1923 году Александр вступил во Всероссийский союз металлистов (указана профессия — электро-

Колхозники артели "Серп и молот" на уборке овощей, 1930 — 1940-ые годы. Из семейного архива Г.А. Колосковой

Коллектив артели "Славкожизделия" в Павловской Слободе. 1939 год. Из архива А.В.Филатовой

монтажник). С января 1936 года он работал на электростанции Артсклада №38 в должности электромонтера. В феврале 1937 года его обвинили по статье 58 части 6 и 9 Уголовного кодекса РСФСР. Комиссией НКВД и Прокурором СССР решением от 28 мая 1938 года ему была назначена высшая мера наказания и 7 июня 1938 года — приведена в исполнение. Позднее дело против него было прекращено, а приговор отменен, в связи с отсутствием состава преступления посмертно.

После смерти мужа Зинаиде Ивановне пришлось пережить трудные годы. Вся ее жизнь проходила в постоянном тяжелом труде, воспитании детей и хлопотах по хозяй-

Ученики Павловской начальной школы, 19 мая 1941 год. Из семейного архива Г.А. Колосковой

Выпуск 7-ого класса Павловской средней школы. 1945 г. Из семейного архива Г.А. Колосковой

ству. Бабушка Галины Анатольевны жила с Александром Нагорным. Он был конюхом на Артскладе.

«Мой папа — рассказывала Галина Анатольевна, — остался без отца в 9 лет, а когда ему исполнилось 12 лет, началась война. В годы войны папа продолжал учиться в Павловской семилетней школе. В семейном архиве сохранилась фотография, сделанная за месяц до начала войны, где папа сидит среди своих одноклассников. О том, как учился, папа всегда отшучивался: "Три класса, четыре коридора". Но в победном 1945 году он окончил Павловскую семилетнюю школу и получил свидетельство об этом».

С 1950 по 1953 годы отец Галины Анатольевны служил в армии. Демобилизовался в звании младшего сержанта. Вначале работал на Красногорском оптико-механическом заводе имени Зверева, затем, в 1962 году, поступил работать слесарем механо-сборочных работ на военную базу №38 в Павловской Слободе, где проработал до пенсии. Был рационализатором, за свои производственные успехи неоднократно награждался руководством войсковой части №67714.

Мама Галины Анатольевны, которую тоже звали Зинаида Ивановна, рассказывала дочери, что в ее семье жили очень бедно, ходили босиком. Одна пара ботинок была на

Свидетельство о получении 7-го образования. 1945 г. Из семейного архива Г.А. Колосковой

Удостоверение на рационализаторское предложение. 1977 год. Из семейного архива Г.А.Колосковой

Дядя Паша и тетя Ариша (Ирина) Лавровы. 1950-ые годы. Из семейного архива Г.А.Колосковой

Супруги Лавровы. Начало 1950-ых годов. Из семейного архива Г.А.Колосковой

всех — ходили по очереди. Одежда — шитая-перешитая, одно пальтишко на всех, переделанное из старой шинели. Семья большая, жили впроголодь, ели одну картошку, а когда бабушка делала лепешки из лебеды, то это был праздник! Зина была самой маленькой среди детей, и ей бабушка потихоньку давала самый лакомый кусочек.

Когда началась война, Зинаиде Галишевой было 7 лет. Она уроженка деревни Барятино Сафоновского района Смоленской области. В 1941 году ее отец ушел на фронт. В ноябре 1943 года пришло извещение, что красноармеец Иван Трофимович Галишев пропал без вести. Наступающие на Смоленск фашисты вошли в Барятино. Деревню сожгли, в том числе и маму Зины. Сама Зина в тот момент была в соседней деревне у бабушки и двоюродных сестер, поэтому осталась жива. После войны Зинаиду Галишеву эвакуировали к родственникам в деревню Холщевики Истринского района. Там ее воспитали приемные родители дядя Паша и тетя Ариша Лавровы.

Жили в доме на две семьи. У каждой семьи было по комнате и общая кухня. Дядя Паша был секретарем партийной организации Глебовской птицефабрики. Это был авторитетный человек, служил на флоте всю войну и в послевоенное время. Много времени уделял работе. Дядя Паша и умер прямо в своем кабинете. Приемная семья мамы Галины Анатольевны была тру-

долюбивая, дружная. Тетя Ариша — добродушная женщина, поссориться с ней было невозможно.

«Что касается моей мамы, — продолжала свой рассказ Галина Анатольевна, — то война, потеря родителей, оставили неизгладимый отпечаток в душе ребенка. В течение всей последующей жизни мама была чрезмерно строгой, очень волевой и не улыбчивой, ласкового слова от нее не услышишь. В 1950 году она окончила Брыковскую семилетнюю школу с хорошими оценками. После этого недолго поработала воспитателем в детском саду при Глебовской птицефабрике. Мама рассказывала, как с первой зарплаты купила себе крепдешиновое платье, которое потом долго берегла.

С октября 1951 года по июль 1952 года училась в Ногинской школе киномехаников, после чего ее распределили в Павловскую Слободу. Мама сняла комнату в частном доме №4 на улице 1 Мая. Здесь жил первый агроном-садовник колхоза «Серп и молот» Никифор Акимович Солтыс с женой Ольгой Мартыновной и двумя детьми. Потом меня, трехлетнего ребенка, опекала Ольга Мартыновна, так как родители мои работали, а в детский сад была большая очередь».

Супруги Солтыс. Начало 1950-ых годов. Из семейного архива Г.А.Колосковой

Молодой специалист Зинаида Ивановна Галишева работала киномехаником и демонстрировала кинофильмы в колхозном клубе (улица 3-го Интернационала, дом №2). Это было деревянное двухэтажное здание с балконом на западную сторону (не сохранилось, ныне на этом месте многоквартирный дом №9А на улице 1 Мая). Первоначально оно принадлежало помещику Бояринцеву. Когда его раскулачили, здесь стали жить священники и в народе называли этот дом церковным, а уже потом в нем организовали колхозный клуб. Кинозал располагался на первом этаже.

«Помню, крутили фильм «Тарзан», — рассказывала дочери Зинаида Ивановна. — Помещение было небольшое, мест не хватало, а желающих очень много. Взрослые сидели в проходах прямо на полу, а дети подсматривали в окна». Зинаида Ивановна успевала не только вечером показывать фильмы, но и днем работать в колхозном подсобном цехе на втором этаже того же здания, где изготавливали асбестовые фитили для очень нужных тогда населению керосинок и керогазов. Позднее она стала работать в артели «Славкожизделия», где и трудилась до пенсии бригадиром, начальником цеха. Была общественной, часто избиралась в состав местного Совета депутатов.

Мирук З.И. за демонстрацией фильма. 1950-ые годы. Из семейного архива Г.А.Колосковой

Колхозный клуб. Середина XX в. Из семейного архива Г.А.Колосковой

«В 1954 году, — продолжала Галина Анатольевна, — мама встретила свое счастье — Анатолия Александровича Мирука — и они стали вести хозяйство в доме Рожинских. Несмотря на небольшой размер земельного участка, семья завела крепкое хозяйство: огород, домашних животных (в разные годы — кур, кроликов, поросят, коз)».

Беспокойное хозяйство семьи Мирук.
Конец XX - начало XXI вв.
Из семейного архива Г.А.Колосковой

В 1957 году у них родилась дочь Галина. Родители воспитывали ее на своем примере, приучая к постоянному труду, любви к земле, животным. И сегодня Галина Анатольевна не расстается с привычным сельским трудом, выращивая овощи и фрукты. Она активно сотрудничает с краеведческим обществом «Слобода заповедная», помогая восстанавливать богатую историю села Павловская Слобода.

В заключение хочется заметить, что жестокая среда (война, политические репрессии и тому подобное), казалось бы, не позволяла выжить не только детям, но и взрослым, однако, в реальной действительности, детей спасала любовь приемных родителей. Дети не только выживали, но и вырастали достойными людьми, и из истории семьи Мирук это видно в полной мере.

Александр Николаевич Гольцев
Фото из семейного архива Колосковых

Жизнь, отданная детям

Мария Георгиевна Соколова (Тарасова) родилась в 1929 году в селе Веселкино Зарайского района Московской области. Когда началась война, ей было 12 лет. Узнали о начале войны только к полудню. Радио ни у кого не было, телефон только в сельсовете. В селе было 70 домов. Отец Марии работал бухгалтером в колхозе и был единственным грамотным человеком с семилетним образованием, затем окончил бухгалтерские курсы. Вел бухгалтерию и в магазине сельпо, так как больше было некому.

Началась война. Старшему брату Алексею было 16 лет, остальные пятеро — от 2 до 12 лет. В январе 1942 года Алексея призвали, и в 18 лет он уже погиб. *«Боевых действий у нас не было, — рассказывала Мария Георгиевна. — Немцы не дошли до села четыре километра, но под бомбежку мы, дети, попали, когда пошли в лес за сухим хворостом. Вражеские самолеты отбомбились и сбросили большие пачки агитационных листовок. Я обрадовалась, что будет теперь, чем разжигать печь, и принесла вместе с хворостом эту пачку домой. Легко представить, как на это отреагировали взрослые! Всю весну и осень до октября 1942 года работали в колхозе, потом только пошла в школу.*

Однажды увидели, как гнали колонну пленных немцев. В сильный мороз, в легких шинельках, обмотанные какими-то тряпками, грязные, они еле-еле шли. Но командовал ими строгий офицер. Порядок в строю наводил быстро с помощью кулака. Тетка рассказывала, как их маленькую деревню в двенадцать изб, всю занесенную снегом, зимой 1941 года немецкие войска прошли мимо и не заметили, поскольку жители сидели тихо и никуда не ездили.

Мимо нашего села проходил большой тракт (шоссе). Хорошо запомнилось, как по дороге возили раненых. Декабрь, лютый мороз, стоны и крики замерзающих людей. Двери в избах запирать запрещалось. Заходили водители грузовых машин, просили попить и оставались «на минутку» — обогреться. А в это время в открытых кузовах полторок лежали бойцы в окровавленных бинтах, и никто из них не знал, доедет ли до госпиталя.

Я была самой маленькой в классе. Уже была в пятом классе и с 13 лет работала в колхозе. Школа находилась в шести километрах от села. В 1943 году мама заболела и лежала на печке три месяца. В колхозе я научилась запрягать лошадь, пахать плугом и трудилась наравне со взрослыми. Вставали в 4 часа утра и шли косить. В 1944 году окончила 7 класс, а школа рядом только семилетняя».

Отец писал с фронта домой и наказывал, чтобы дочь Мария обязательно окончила десятилетку. Средняя школа находилась в полутора десятках километров от села. Учились там во вторую смену. Повезло, что в городе жила хорошая знакомая семьи в комнате с четырьмя своими маленькими детьми. Она и приютила Марию. В субботу в 7 часов вечера, когда заканчивались уроки, она одна шла пешком до своего села и подходила к дому в 11 часов вечера. А в понедельник утром отправлялась в обратный путь. И так три года.

Когда отец пришел с фронта, продали все хозяйство и купили небольшой дом в Зарайске. Жили очень бедно. Не было даже денег, чтобы доехать до Москвы и продолжить учебу.

«В трех десятках километров от нас находился не педагогический, а учительский институт, — продолжила свой рассказ Мария Георгиевна. — Он давал право после двух-летнего обучения преподавать в 5-7 классах». По окончании учительского института распределили меня в село Струнна Зарайского района. Над школой шефствовала очень серьезная организация — Союз писателей СССР. Какие книги они привозили в местную библиотеку!»

Мария Георгиевна отработала три года в селе в шести километрах от Зарайска, жила в общежитии только на стипендию. Случайно встретила Елену Сергеевну Алмазову, впоследствии ставшую Гвоздевой, с которой дальнейший жизненный путь уже оставался совместным. Поехали вместе с ней в Москву. В областном отделе народного образования работница долго уговаривала, чтобы не бросали учительскую профессию, учителей мало, работать некому. Направили в поселок Нахабино Истринского района.

«Был 1952 год, — вспоминала Мария Георгиевна, — когда мы приехали по месту распределения. Оказалось, что в Нахабинской школе надобности в преподавателях математики и биологии нет; поехали в Павловскую Слободу. Жили вместе с Еленой Сергеевной в маленькой каморке с одной кроватью и маленьким столиком частного дома (не сохранился) в начале улицы 3-го Интернационала. Через два месяца переселились в более приличное жилье в деревне Лешково».

В 1953 году Мария Георгиевна поступила на заочное отделение Московского областного педагогического института. Преподавала в Павловской школе и училась три года на вечернем отделении института. Приходилось ездить 2-3 раза в неделю в Москву и, возвращаясь, ходить из Нахабина пешком. К концу третьего года обучения осталось совсем немного студентов. Свой первый десятый класс Мария Георгиевна выпустила в 1956 году.

Ученики и учителя Павловской школы. 1950-е годы.
Из архива Раисы Иосифовны Седельниковой

Студенты и преподаватели Московского областного пединститута на практике в Павловской школе.
Середина XX века

Восемь месяцев вместе с мужем участвовала в строительстве дома в районе кладбища, чтобы получить квартиру. Военная база предоставляла строительные материалы,

а работали там будущие жильцы. Долгие годы Мария Георгиевна проработала в Павловской средней школе, выпустила в жизнь сотни учеников.

В 2016 году Мария Георгиевна участвовала в юбилейной встрече своих выпускников, которые окончили школу полвека назад. Но и сегодня Мария Георгиевна Соколова не отдыхает — воспитывает внука Артема.

Выпускники Павловской средней школы. 1956 год.
Из архива Раисы Иосифовны Седельниковой

Встреча выпускников 1966 года Павловской средней школы. 2016 год. Фото
А. Н. Гольцева

Мария Георгиевна Соколова
с внуком Артемом. 2016 год.
Фото А. Н. Гольцева

Александр Николаевич Гольцев

«В плохих местах аисты не вьют гнезд»

Анна Петровна
Бурцева. Начало
1930-х годов

Станислав Николаевич Иванов.
1951 год

Моя бабушка, Анна Петровна Бурцева, родилась в 1914 году. Она попала в Павловскую Слободу после эвакуации из Ленинграда. Муж ее, Николай Николаевич Иванов (мой дедушка), умер во время блокады, работая на военном заводе. Мой папа, Станислав Николаевич Иванов, родился в 1937 году. Когда прорвали окружение, бабушка с ребенком на руках (моим отцом) по Ладожскому озеру смогла спастись. В Павловской Слободы они снимали комнату, голодали, холодали. Но выжили! Закончилась война.

Выпускники 7 класса Павловской школы. 1952 год

Бабушка рассказывала мне, что папа учился хорошо, был тихим и любознательным. В семейном архиве сохранилась фотография его выпускного класса Павловской средней школы 1954 года.

Бабушка работала на военной базе №38 в Павловской Слободы в отделе технического контроля. Вышла замуж за Петра Ивановича Бегункова, который тоже работал на этом же предприятии. И

папа рос с отчимом. Петр Иванович был хорошим человеком, жили они дружно. Пришла пора, папу призвали в Советскую армию. Он служил танкистом, был стрелком.

Он мне рассказывал такой случай из армейской жизни. Когда он еще ничего не знал об устройстве танка, то старшие товарищи над ним посмеялись, попросив его принести «ведро трансмиссии». Служил он с удовольствием и рвением. Заслужил несколько значков, в том числе «Отличника боевой и политической подготовки», сдал нормативы военно-

спортивного комплекса (ВСК). В дальнейшем стал заместителем командира взвода учебно-танковой роты. Дальше остался служить сверхсрочно до 1960 года на острове Сахалин. Там и познакомился с моей мамой Марией Федоровной Ивановой. Демобилизовался, уехал домой в Павловскую Слободу, но писал ей письма целый год. Затем прислал деньги на билет, чтобы прилетела к нему. Она так и сделала. Они поженились, затем родилась я в 1963 году.

Папа учился на заочном отделении авиационного техникума. Работал на авиационном заводе в Тушине. Мама училась в педагогическом институте в Москве. Но с

Станислав Николаевич Иванов (слева)
с товарищем на танке Т34-85. Конец 1950-х годов

рождением ребенка не смогла продолжить обучение. Папа успешно работал и учился дальше в Московском авиационном институте (МАИ). Защитил даже кандидатскую диссертацию на факультете экономики.

На сохранившемся в семейном архиве фотоснимке Петр Иванович Бегунков выглядывает из окна, а под окном на лавочке устроились моя бабушка, Анна Петровна Бегункова, мама, Мария Федоровна Иванова, и Александра Николаевна Иванова — сестра погибшего в Ленинграде первого мужа бабушки, то есть моего деда.

Станислав Николаевич
и Мария Федоровна Ивановы с
дочерью Ириной. 1963 год

Петр Иванович Бегунков (в окне)
с супругой Анной Петровной
(слева). Середина XX века

Кружок художественной самодеятельности
при клубе военной базы №38. Середина XX века

Анна Петровна Бегункова
с гитарой. 1970-е годы

Бабушка Анна Петровна была очень веселая и добрая, хорошо играла на гитаре, всегда участвовала в постановках художественной самодеятельности в клубе военной базы. В Павловской Слободы жил и ее родной брат Николай Петрович Бурцев.

В семейном альбоме сохранилось несколько его фотоснимков, в том числе — проводы в армию. Николай учился в летном училище в городе Чкаловск. С ним мы виделись по праздникам. Он

приходил в гости, и бабушка всегда с ним тепло обнималась и целовалась. Он был хороший человек. Я ничего больше не знаю о нем, была мала в то время. У бабушки было еще две сестры (Зинаида и Ирина), они с семьями жили в поселке Снегири.

Бабушка до пенсии работала на военной базе в Пав-

Николай Петрович
Бурцев.
Середина XX века

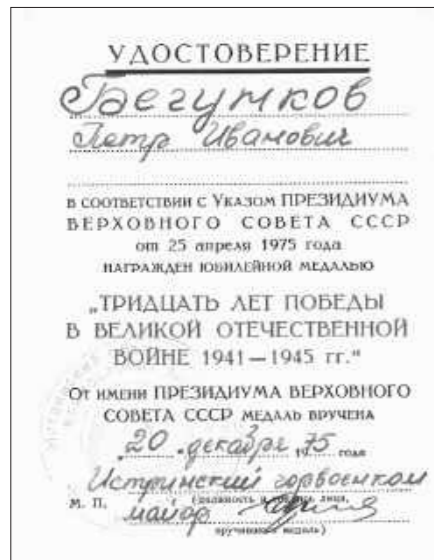
Проводы в армию Николая Бурцева. 1937 год

Петр Иванович
Бегунков.
1970-е годы

ловской Слободе, стала ветераном труда. Дедушка, Петр Иванович Бегунков, тоже удостоился звания ветерана труда и награждался медалями за участие в Великой Отечественной войне и за отличные достижения в труде.

С 1965 года я с родителями жила в Дедовске, а теперь со своей семьей мы снова переехали в Павловскую Слободу. Здесь мои родные места, здесь похоронены мои родственники. Красивые живописные окрестности: природа, речка, церковь. Моих родителей и бабушки уже нет в живых, но память о них я передаю своим детям. Сама я пошла по стопам отца: окончила МАИ

Удостоверение к юбилейной медали.
1975 год

Ирина Станиславовна Григорьева
с детьми. Современное фото

Благовещенский храм в Павловской
Слободе. середина XX века. Из фондов
музея Павловской СОШ

по экономической специальности, работала экономистом и бухгалтером. У меня трое детей: сын и две дочери. В моей детской памяти осталось воспоминание, что церковь была разрушена, но рядом на старом дереве аисты свили гнездо. Для меня это было чудо! Ведь в плохих местах аисты не вьют гнезд...

Ирина Станиславовна Григорьева
Фото из архива автора

«Три дня они сидели в окопах»

Моя мама, Анфиса Семеновна Шарова (в девичестве по отчиму Агафонова, по родному отцу Теняева), родилась 4 августа 1924 года в селе Павловская Слобода. Ее отец (мой дедушка), Семен Федорович Теняев, был мещанином. В 1932 году его арестовали как кулака, отправили в лагерь в Мордовию, где он и умер. Моя бабушка, Елена Сергеевна Теняева, вышла второй раз замуж за вдовца Илью Федоровича Агафонова. У нее было двое детей: дочь Анфиса и сын Борис, а у него сын Константин, на полтора года старше моей матери.

Прожив три года в деревне Воронино, она переехала на постоянное место жительства в Истру, где ее и застала война. Мама к началу войны окончила Павловскую школу-семилетку и работала учеником счетовода. В 1941 году ей исполнилось 17 лет. В начале войны сына отчима призвали в армию. Известий о нем и писем семья не получала, домой он не вернулся. Вероятнее всего, шедший на фронт поезд разбомбили и он погиб.

О захвате Истры немцами мама вспоминала часто. По улице Чехова, где стоял ее дом, в ноябре 1941 года в сторону Москвы пошли немецкие машины с солдатами и техникой. Движение поражаало организованностью и четкостью. Начались бои около города. Семья мамы, ее соседи начали собирать и прятать вещи, закапывать в ямы картошку, готовиться к оккупации. Через несколько дней немцы пошли обратно. Не имея никаких официальных источников информации, люди, тем не менее, поняли: немцы бегут, поскольку солдаты и техника двигались крайне беспорядочно.

Шли ожесточенные бои, отступая, фашисты сжигали частные дома. Они передвигались по улицам на машинах и забрасывали избы зажигалками. Весь город пылал. Бабушка с детьми и их соседи бросились спасаться в лес. Когда бежали через поле, убили молодую женщину, их соседку. Три дня они сидели в окопах. Вокруг шли бои, в окопы приходили фашисты — обыкновенные солдаты из полевых частей. Так как мама их очень боялась и часто плакала, они спрашивали: почему «фройляйн» плачет, но не обижали ребенка, иногда давали еду. После ухода немцев люди начали возвращаться в город, где вместо домов их встретили пожарища, а все, что было закопано, пропало.

Анфиса Семеновна Шарова (вторая слева в первом ряду)
среди работниц Павловского сельпо. 1950-е годы

Анфиса Семеновна Шарова (слева)
в хозяйственном магазине
Павловского сельпо. 1970-е годы

Анфиса Семеновна Шарова.
1960-е годы

Вернулись в Павловскую Слободу, где жили две бабушкины сестры: Анна Сергеевна Некрасова и Мария Сергеевна Голубенкова. Жили сначала у одной, потом у другой. При поступлении на работу у мамы возникли трудности: она три дня была в оккупации. Нужно понять положение людей, побывавших в оккупации и в плену во время войны, даже если это продолжалось всего три дня. Наверное, только горькие слезы и юность моей мамы спасли ее от сурового наказания. С апреля 1942 года по январь 1946 года она работала на базе вооружений №38, что приравнивается к участию в Великой Отечественной войне, а после моего рождения – в Павловском сельпо Истринского райпотребсоюза. В 1950 году она стала продавцом в магазине хозяйственных товаров, затем там же заведующей.

Мой отец, Иван Алексеевич Шаров, во время войны был эвакуирован вместе с военной базой, так как был шофером. Он вспоминал, что там, куда была эвакуирована база, находились окруженные колючей проволокой лагеря политических заключенных. Я никогда об этом не знала, в школе об этом не рассказывали, и с трудом могла представить, что в Советском Союзе были политические заключенные, несмотря на то что дед по материнской линии погиб в лагере, а по отцовской – раскулачен и лишен дома и всего имущества. Об этом боялись даже лишний раз упоминать.

Как участник войны, мама была награждена орденом Отечественной войны II степени, а также медалями: «За доблестный труд», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне». В 1980 году моя мама ушла на пенсию.

Татьяна Ивановна Солодкова
Фото из архива автора

Учительница первая моя

Моей дорогой бабушке
Валентине Семеновне Пеговой

Трудно писать в прошедшем времени о человеке, который был и остается одним из самых близких и дорогих в жизни. Два года назад не стало моей бабушки, Валентины Семеновны Пеговой. Долгий жизненный путь – 92 года, на котором было все: любовь, война, потери близких людей, дети, внуки, правнуки и, конечно, любимая работа. Она была и в первую очередь, и во вторую, и в третью – Учитель. Учитель – в прямом смысле этого слова, с самой большой буквы, как ни избито это звучит.

Поколение бабушки – уникальное, неповторимое, преданное школе до самозабвения. В любых условиях, порой в ущерб семье, своему здоровью – ученики превыше всего. Глядя на старые, пожелтевшие от времени фотографии, они и через 50 лет помнили всех до единого: как учился, кем стал, какой предмет не давался. Кого любили больше и вспоминали чаще? Конечно, двоечников и всех «проблемных». Не в обиду нынешнему поколению сказано, но теперь таких учителей нет! И в 90 лет бабушка говорила, что хоть сейчас бы снова в школу.

Но все началось намного раньше. Без истории ее предков не может быть бабушки, в них вся она. Валентина Семеновна Пегова родилась 23 февраля 1922 года в Павловской Слободе. Долгожданный, желанный и единственный ребенок в семье, она росла окруженная заботой и вниманием матери, бабушки, дедушки и совершенно безграничной безумной любовью отца. Родители бабушки имели дворянское происхождение. Мать, Зинаида Семеновна, происходила из старинного московского рода Тагунцевых, отец, Семен Иванович Смирнов, – офицер царской армии, служил в Могилеве.

Революция кардинально изменила жизнь Зинаиды и Семена. Гражданская война, разруха в стране, никто не мог дать ответа, что делать. Многие наши родственники были убиты, кому-то удалось уехать в эмиграцию, бабушкины родители стояли на распутье. В этот момент и состоялась судьбоносная встреча прадеда с его лучшим другом Михаилом Тухачевским, воспользовавшись рекомендациями которого, дед перешел на сторону красных.

Служил затем в Наркомате связи: многие улицы Москвы, города Архангельской, Вологодской, Тверской областей телефонизированы по его проектам. Везде и всюду за ним следовала его любимая жена, Зинаида Семеновна разделила с мужем всю тяжесть кочевой жизни, работала в сфере связи, и мало кто знал, что у нее было педагогическое образование и специальность учителя географии.

А дома в Павловской Слободе их возвращения из долгих командировок ждала дочь Валентина. Заботы о внучке на это время ложи-

Зинаида Семеновна
и Семен Иванович Смирновы.
Начало 1920-х годов

лись на бабушку Екатерину Ефимовну и дедушку Ивана Ивановича — отца Семена Ивановича.

1938 год. Черные воронки на темных улицах. Ночь пыталась скрыть от людских глаз одно из величайших преступлений человечества. Павловская Слобода — не исключение. И здесь шли аресты. Моя бабушка шестнадцатилетней девушкой видела в открытую дверь, как родители бросали в печь книги, фотографии, письма Тухачевского, Блюхера, Якира. Семейные реликвии и происхождение могли стоить всей семье жизни.

Валентина Семеновна
Смирнова. 1940-е годы

Иван Михайлович
Вишневский.
Начало 1940-х годов

Семену Ивановичу удалось уехать на год в Польшу. Из этой командировки он вернулся больным и вскоре скончался. Оставшись одни, мать и дочь были раздавлены и растеряны. Семен Иванович — опора и основа всего, все решения в доме принимал он. Очень хотел, чтобы Валюша стала врачом, как его предки, поступила в медицинский институт. Будь он жив, так бы и случилось. Ведь послушаться отца было невозможно. Но Семена Ивановича уже не было, и Валентина сдала документы туда, куда звало ее сердце, о чем мечтала — в Педаго-

гический институт имени Карла Либкнехта, на филфак. Вступительное сочинение она писала по «Делу Артамоновых» Горького, после экзамена ее вызвали к ректору. «*Эта девушка принята и больше ничего сдавать не будет*» — таково было решение приемной комиссии. В 1940 году Валентина Смирнова стала студенткой.

Училась она с удовольствием, обладала абсолютной врожденной грамотностью и великолепными литературными способностями, изучала латынь, писала стихи, эссе. Точные науки не любила, они давались ей с большим трудом. Пока дочка постигала в Москве русскую литературу, ее мать, Зинаида Семеновна, собирала в свой дом оставшиеся без крова семьи пострадавших от репрессий. Ничего не боялась, женщина необычайной доброты и ума, помогала всем, чем только могла.

После ареста начальника почты была назначена на его место, где и трудилась до выхода на пенсию. Новые, еще более суровые испытания внесла в их судьбу война. Бабушка много рассказывала о событиях осени 1941 года, как она с друзьями перегоняла колхозное стадо, но дойдя до городка Петушки Владимирской области, получила телеграмму от матери: «*Немцев отогнали*». Пешком возвращалась в Москву, переночевала у родственников на Покровке и — в Павловскую Слободу. Транспорта не было, подводы не брали — так и шла.

В ноябре 1941 года немцы были на окраине Павловской Слободы, сельсовет поручил бабушке и ее приятелю Анатолию Рыбкину перевести на станцию Дедовск важные документы. Дали подводу и старичка в сопровождение. С огромным трудом им

удалось переправиться через реку Истру в районе села Рождествено. В Дедовске нужно было сдать ящики с документами в эшелон, но едва Валентина и Анатолий отошли от подводы, как начался авианалет на город, их отбросило в канаву, придавило забором, засыпало землей. Добираясь домой, говорили об одном — о страхе пережитого.

Бесконечно я могла слушать ее рассказы, снова и снова представляя себе молоденькую девушку, отправившуюся в «ботах на каблуках» рыть окопы под Истру, пытающуюся потом в этих ботах ночью перейти реку по двум жердям. Молодость брала свое: войну воспринимали порой как приключение.

«*Знаешь, я такая счастливая!*» — писала Валя двоюродной сестре в эвакуацию. Еще перед войной, будучи студенткой, она познакомилась с капитаном Иваном Михайловичем Вишневским, слушателем Военной Академии имени Куйбышева. Они очень полюбили друг друга и решили, что если поженятся сейчас, назло обстоятельствам, то непременно останутся живы.

Любовь. Война. Пропал без вести. Похоронка. Капитан Вишневский выполнял задания чрезвычайной секретности, обстоятельства его гибели долго оставались неизвестными. Память о нем бабушка пронесла через всю жизнь, много лет никому не рассказывала, а когда заговорила, то уже мы, ее внучки смогли рассказать ей, каким героем был ее муж. Огромное спасибо Архиву Министерства обороны Белоруссии, за помощь в поиске братской могилы, в которой похоронен Иван Михайлович, и раскрытии неизвестных страниц его биографии.

После похоронки Валя несколько недель не выходила из дома, не разговаривала, но нужно было жить дальше, шла война. Бабушка работала в сельском совете, когда неожиданно ее вызвал председатель Леонтий Михайлович Яковлев и, не принимая отказа, предложил ей пойти работать в школу. Учителей не хватало, многие педагоги на фронте.

«*Кончится война — доучишься!*» — успокоил Яковлев бабушку на ее слабые попытки возразить, что она лишь студентка третьего курса. Вот так в конце 1943 года и начался педагогический путь учительницы русского языка и литературы Валентины Семеновны Вишневской.

Валентина Семеновна рассказывала мне: «*Утром пили кипяток и шли: мать на почту, я в школу. В обед в школе — опять кипяток и иногда сухарь. Вечером придем домой, картошки в мундире наварим. На уроках дети сидели одетые, закутанные в платки: было очень холодно, чернила застывали в чернильницах...*»

Вот так тяжело выживали мои любимые бабушки, как большинство тружеников тыла, всеми силами помогая фронту приближать долгожданную весну сорок пятого. Вместе с Валентиной Семеновной пришли работать в Павловскую среднюю школу Антонина Григорьевна Субботина и бабушкина школьная подруга, одноклассница Зоя Сергеевна Гущина. С первого класса вместе в родной школе.

Это был великолепный союз не только подруг, но и коллег-педагогов. Зоя Сергеевна была не просто бабушкиной подругой, она была членом нашей семьи. Детей у нее

Ученики 7 класса с педагогами Павловской школы. 1948 год

не было, и свою нерастрченную любовь и ласку она щедро дарила своим ученикам и нам. До последних дней своей жизни, уже практически слепая, занималась с детьми. Как и бабушка, всегда спокойная и выдержанная, подходила, обнимала ребенка за плечи, и начинался тот волшебный процесс, который и называется настоящей педагогией. Не учат этому в пединститутах, это то, с чем надо родиться. Павловской школе очень повезло с такими учителями: Татьяна Арсентьевна Кузнецова, Антонина Григорьевна Субботина, Лидия Николаевна Горчилина, Любовь Ивановна Чикина, Анна Максимовна Кашина, Валентина Григорьевна Чистова, Анна Андреевна Хрусталева.

Алексей Михайлович Пегов на политзанятии. 1960-ые годы

Война положила начало не только профессии, но и семье. С фронта прибыл в войсковую часть молодой офицер, старший лейтенант Алексей Михайлович Пегов. Он воевал на Южном фронте, участвовал в Сталинградской битве, был тяжело контужен. Пеговы стали удивительно красивой парой, пройдя вместе 57 лет, они навсегда останутся для своих дочерей, внуков и правнуков образцом семьи во всех ее гранях, мерилom многих человеческих поступков. Дедушка — замполит, секретарь партийной организации, также всего себя отдавал работе с людьми: солдатами, офицерами, их семьями, сотрудниками военной базы.

Семья и школа стали практически неразделимы. Дедушка часто приходил в школу проводить мероприятия, посвященные Великой Отечественной войне, Дню Советской армии, организовывал экскурсии в войсковую часть. Много ребят, окончивших Павловскую среднюю школу, получили от него рекомендации в военные училища. С удовольствием помогал он бабушке в обустройстве кабинета, стендов, стенгазет. Мимо него не проходило ни одно дело в классе. Алексея Михайловича Пегова знала и уважала вся школа.

Бабушка так и не смогла окончить институт: в 1944 году родилась старшая дочь, в 1952 году — младшая. Ее филологическое образование осталось неоконченным, но дар преподавания русского языка, чуткое отношение к слову, смогли научить многих ее

учеников понимать и любить русскую литературу, поэзию. Валентина Семеновна великолепно декламировала стихи, иногда писала сама. С книгой была неразлучна, учила читать с карандашом в руках, подчеркивая и выписывая все интересное для себя. Благодаря ее методике написания сочинений, это занятие становилось интересным и увлекательным.

Через несколько лет Валентина Семеновна перешла работать в начальную школу. Труд учителя начальных классов, наверное, самый тяжелый. Ему, первому учителю, дано великое право раскрыть перед маленьким человеком первые страницы книги, которая называется «Жизнь». И от того, как он это сделает, зависит очень многое: каким откроется нам этот мир, с каким багажом знаний и жизненных ценностей пойдет ребенок во взрослую жизнь.

Бабушка работала во вторую смену, но приходила в школу к первому уроку, садилась за последнюю парту и училась учительскому мастерству у одного из самых известных и сильных педагогов — Анастасии Сергеевны Косминской. Анастасия Сергеевна стала настоящей наставницей бабушки и первой учительницей моей мамы.

С семилетнего возраста (с этого момента я жила с бабушкой и дедушкой) я была окружена обсуждением методик преподавания, решения вопросов о воспитании учеников, работы с родителями. Слово «педсовет», написание планов уроков, проверка тетрадей и прочие атрибуты учительской жизни прочно вошли в мой маленький детский мир, не оставляя сомнений в выборе профессии. Мне посчастливилось узнать, каким педагогом была бабушка, не только со слов ее коллег и учеников. Она стала и моей первой учительницей.

Неизгладимое воспоминание: здание старой «маленькой» школы, одноэтажное, окруженное березками. Очень светлый, огромный для первоклассников кабинет, парты тоже огромные, старые, деревянные, и бабушка у доски. Статная, красивая, всегда в платье, с аккуратно уложенными волосами, весь ее облик излучал добро, свет и любовь. Очень женственная, интеллигентный и мягкий человек, она была в то же время очень сильной и жесткой в своих убеждениях.

Валентина Семеновна была требовательная, но всегда справедливая, у детей пользовалась неоспоримым авторитетом. Терпению, с которым она возилась с трудными учениками, можно было только удивляться. И все с великой любовью к своему делу! С ней мы написали первые буквы, сложили первые слова, она обладала талантом — учить! Учить легко, у нее всегда все было понятно нам — детям. Тонкий внутренний мир ребенка редко кому удастся так чувствовать, как чувствовала бабушка, это я тоже говорю не как внучка, а как ученица. Бабушка находила подход к каждому.

Никогда за три года учебы у нее в классе не было случая, чтобы она кричала, ругала или отчитывала. Всегда строго, но при этом тактично и мягко она старалась донести до наших детских душ, что есть хорошо и плохо, как будет правильно. Уважение к личности ребенка несмотря ни на что — это было ее внутреннее правило. Сколько мальчишек

учеников понимать и любить русскую литературу, поэзию. Валентина Семеновна великолепно декламировала стихи, иногда писала сама. С книгой была неразлучна, учила читать с карандашом в руках, подчеркивая и выписывая все интересное для себя. Благодаря ее методике написания сочинений, это занятие становилось интересным и увлекательным.

и девчонок она выпустила в «большую» школу. У Валентины Семеновны никогда не было прозвищ, ученики всех возрастов и выпусков ее всегда помнили и любили.

Идем по улице, вдруг огромный дядька бросается к ней, обнимает, целует и кричит: «Здравствуйте, Валентина Семеновна, вы моя самая любимая учительница!» Она стала для меня божеством, я и бабушкой-то стеснялась называть ее дома. Все, чему она учила нас, ее методы работы, я применяла сама, будучи учителем начальной школы.

23 февраля — день рождения бабушки и дедушки (они даже родились в один день, в свой любимый праздник — День Советской армии). Самый шумный и радостный день в нашей семье, с утра до ночи звонит телефон, съезжаются дети, внуки, друзья, приходят учителя, накрывается огромный стол, а места все равно не хватает. И еще дедушка любил петь, у него был прекрасный голос, и все подпевали их любимую песню: «Я люблю тебя жизнь, я люблю тебя снова и снова...» И еще, естественно, было много в этот день разговоров и споров о школе.

Алексей Михайлович и Валентина Семеновна Пеговы. 1960-е годы

Мы по-прежнему собираемся семьей в их квартире, сидим за столом, вспоминаем, говорим о них и знаем, что бабушка и дедушка всегда рядом, всегда готовы помочь и дать совет, будут радоваться и огорчаться, будут с нами всегда. Учителем немецкого языка стала старшая дочь Пеговых — моя мама, Татьяна Алексеевна Сладкова, так же как бабушка 45 лет она проработала в Павловской средней школе, на двоих у них с бабушкой 80 лет стажа. Учителем начальных классов и офицерской женой стала и я. Сейчас мой сын, а ее правнук оканчивает институт,

занимается с детьми английским языком и хочет работать только в школе. Знаю, бабушка была бы счастлива, услышав это.

Ничего не поделаешь, гены. Работать он думает именно в Павловской школе. И как хочется, чтобы хоть капелька многогранного гениального бабушкиного мастерства перешла бы ему! Я желаю Антону добиться своей цели быть достойным продолжателем династии.

Ольга Викторовна Тагунцева
Фото из семейного архива автора

Семейная история Хабаровых

Александр Павлович Хабаров родился 5 апреля 1939 года в Павловской Слободе. Родители, дедушки и бабушки тоже были местными. Прадед по матери и деду даже служил в Павловской артиллерийской бригаде, которая стояла в Павловской Слободе с 1860 года, а прапрабабушка, согласно семейному преданию, работала на суконной фабрике. Прапрадед по отцу родился в 1828 году.

На самом раннем из сохранившихся снимков в семейном архиве запечатлена Клавдия Александровна Хабарова (Курочкина). Отец Александра Павловича, Павел Яковлевич, 1893 года рождения, до призыва в царскую армию работал на электростанции напротив Московского Кремля. Участвовал в Первой мировой войне, где получил ранение. В конце 1920-х годов устроился на Павшинский завод точной механики и жил в общежитии, а в 1938 году получил комнату. Две его старшие дочери, Вера и Люба, переехали к нему жить из Павловской Слободы в Красногорск. К этому времени они окончили учебу в Павловской школе и начали работать на том же заводе. Позднее Вера вернулась в село и стала работать на военной базе №38.

В семейном архиве сохранилось общее фото Хабаровых, сделанное в конце 1920-х годов на фоне дома Либзона, который был подрядчиком при строительстве школы в Павловской Слободе в 1904 году. Ныне в этом доме располагается Павло-Слободская детская музыкальная школа (улица Комсомольская, дом 2А).

Сохранился и снимок начала прошлого века брата отца, Александра Александровича Курочкина. В юности он был отдан в портняжную мастерскую, где обучался мастерству до начала Первой мировой войны.

Клавдия Александровна Хабарова (справа). Начало XX века

Павел Яковлевич и Клавдия Александровна Хабарова с детьми. 1928 год

Вера Павловна Хабарова. Середина XX века. Из фондов музея войсковой части №67714

Александр Александрович Курочкин (стоит слева). Начало XX века

Александр Александрович Курочкин (справа). 1920-1930-е годы

Александр был слишком маленьким, когда началась война, чтобы что-то отчетливо помнить. Его старший брат рассказывал, как в июле 1941 года на улице Дзержинского упала бомба. Павловскую Слободу бомбили, люди гибли, и не только во время бомбежек. В 1942 году ребята пошли в Аносинский лес, там после боев осталось много для них интересного. В результате любопытство удовлетворили, но один мальчик погиб. Только с улицы Дзержинского, как говорили, пострадало трое детей.

Здание бывшей церковно-приходской школы на улице Луначарского. Середина XX века. Из фондов музея Павловской СОШ

Мать Александра, Клавдия Александровна Хабарова, в детстве полтора года проучилась в церковно-приходской школе. По ее словам, эта школа размещалась в деревянном одноэтажном доме №6 на улице Луначарского (не сохранился, ныне на этом месте парковка возле МУК «Павло-Слободский КДК» и площадка сбора твердых бытовых отходов).

С конца 1920-х годов, когда Павел Яковлевич стал работать на заводе в Павшине, семья его редко видела. Проживали Хабаровы на улице Дзержинского, в своем доме; держали огород, разводили живность. Особенно Александру запомнилась коза —

царица стада. Она всегда шла первая, среди домашних животных была в большом авторитете. Когда в конце октября 1941 года пришлось покинуть на десять дней Павловскую Слободу, мама оставила козочке корм, воду и ушла с детьми в Красногорск, где потом дети прожили у отца несколько лет, а маленького Александра вернули в Слободу. Когда опасность миновала, мать вернулась к своему хозяйству. Из всех животных только козочка Майка осталась жива.

В семь лет мама записала Александра в Павловскую школу, а отец перед школой забрал сына в Красногорск и поместил его в круглосуточный детский сад. Он пробыл там год до середины 1947 года. Летом был отправлен в пионерлагерь на все три смены. Вспо-

Александр Хабаров в детском саду (третий слева в первом ряду). 1946 год

Александр Хабаров. 1945 год

минал некоторые особенно яркие моменты лагерной жизни: походы, пионерский костер. Первого сентября сестра отвела Сашу в первый класс Красногорской начальной школы. В самом начале зимних каникул (полтора года он не видел матери!) сестра отвела брата на станцию Павшино, дальше он сам доехал до Павловской Слободы. В Крас-

ногорскую школу Саша уже не вернулся, пошел учиться к Александре Ивановне Ореховой в начальную школу около пруда на улице Советская.

Александр рано начал интересоваться книгами. В Павловском магазине «Военторг» был небольшой отдел, где продавали книги. Мальчик экономил на мороженом и кино и покупал книги. Купил книжку про вулканы и обсуждал ее с учительницей (как из жерла вулкана «вылетают бомбочки» — все ему было интересно). Став старше, каждую неделю ездил в Москву и покупал новые книги. В 5 класс пошел в двухэтажную школу на улице Луначарского (не сохранилась, ныне на этом месте многоквартирный дом №3 на улице Стадион). Учился Александр выше среднего, но не выбивался в отличники. Что касается отношения к учебе — скорее терпел, чем нравилось. Не рвался в первые ученики, но и не сидел на «камчатке».

Старшие брат и сестры уже работали и помогали семье, поэтому жилось не совсем голодно. Ярким воспоминанием из детства осталась картина взрыва льда саперами около деревянного моста через Истру, хотя близко он не подходил и смотрел на всякий случай издалека. Вспоминал еще, как в колхозе делали торфоперегнойные горшочки с помощью специального станка.

Учиться Александру помогала старшая сестра Вера. Окончил он 10 классов Павловской средней школы в 1957 году. Выпуск в том году был большой — три

Учитель начальных классов Александра Ивановна Орехова (пятая слева во втором ряду). Середина XX века

Александр Хабаров среди учеников 8 класса Павловской средней школы. 1955 год

Александр Хабаров (в центре в последнем ряду) среди выпускников Павловской средней школы. 1957 год. Из архива Раисы Иосифовны Седельниковой

Александр Павлович Хабаров (справа) в Тушинском техническом училище. Конец 1950-х годов

класса. Появились технические училища, в одно из них, Тушинское, Александр и поступил.

Отучившись полтора года и получив профессию слесаря-инструментальщика, два года до армии Александр отработал на Тушинском заводе. В 1961 году пошел в армию, служил на Севере вблизи мыса Челюскин электромехаником в радиолокационных вой-

Лагерь туристов на берегу реки Истры (возле Зеленково). 1970-е годы

сках. Демобилизовавшись, пошел к старшему брату в цех на Красногорский оптико-механический завод, где и проработал до 2013 года.

Александр Павлович вспоминал: «Любимым местом отдыха работников завода были берега реки Истры возле лав у деревни Зеленково. Большими группами любители спортивного туризма устраивали различные соревнования на противоположном берегу: ходили на байдарках, проводили мотокроссы».

Александр Павлович в 1970-х годах много снимал, используя продукцию род-

Празднование столетнего юбилея Павловской средней школы. 1975 год

ного завода — фотоаппарат «Зенит». Кроме сцен отдыха заводских туристов, осталось много кадров с празднования столетия родной Павловской школы.

В настоящее время Александр Павлович Хабаров увлекается историей родного села, участвует в деятельности местного краеведческого клуба «Слобода заповедная».

Александр Николаевич Гольцев
Фото из семейного архива Хабаровых

«Все ждали большую перемену»

Родилась я 15 сентября 1932 года в городе Починок в Смоленской области. Мне было два года, когда семья переехала в село Дарна Истринского района. Отец Пучков Иван Федорович работал полотером в Москве, мама дома воспитывала четверых детей. Жили небогато, но был свой дом. В 1941 году с началом войны отец ушел на фронт. Перед этим он выкопал в огороде землянку. Мы там часто прятались с соседями во время обстрелов и бомбежек.

Вспомнилась картина: у нас в доме соседи, мы с соседскими детьми сидим под столом. В дом заходит немец и что-то нашим мамам показывает руками. Нас одели, немец выгнал всех на улицу, затем загнали в церковь. Там уже было много людей, в том числе и из других деревень. Моя годовалая сестренка все время плакала. Затем нас перенесли в соседний с церковью дом. Сильно хотелось есть. Наши мальчишки бегали к немцам, где они готовили, и просили у них еду. В ведерке они приносили суп. У нас был полный дом людей, и доставалось немного. Некоторые из детей выглядывали на улицу, когда стрельба стихала, и видели много трупов немцев. Потом из дома нас перенесли в блиндаж. Целый день мы просидели на деревянных нарах в этом подземном сооружении с ледяным полом, стуча зубами — на дворе был декабрь! Два немца выгнали нас наружу. Дарна горела.

Нас погнали в сторону Истры. Справа и слева — горящие дома, а посередине, плача, шли мы. Когда прошли все село, побежали в лес. К счастью, сопровождавшие нас немцы, стрелять не стали. В холоде и голоде, просидели в лесу до вечера. Когда вышли, по селу уже шли наши солдаты, стрельба была далеко. Пришли на свое пепелище. Все стorerело, осталось одно корыто. Мама привязала к нему веревочку, положила в него младшую сестренку и мы пошли пешком по Волоколамскому шоссе в сторону Москвы.

Нас расселили в Нахабине. Жилось там очень плохо. Зимой ходили в лес по сугробам собирать хворост, чтобы топить печку, а весной на полях собирали полусгнившую картошку, чтобы печь лепешки. Никаких вещей не было, жили — кто что подаст. Из тряпок и ваты мама стачала нам бурки (разновидность сапог), на ноги мы надевали калоши. Наконец, мама устроилась работать на рынок, нам выдали карточки, стало жить немножко лучше. В школу в 1941-1942 годах дети не ходили, а когда пошли, все ждали большую перемену, где нам давали маленький кусок черного хлеба. Папа с войны не вернулся — пропал без вести в 1942 году.

В 1949 году я окончила школу фабрично-заводского ученичества по специальности портниха при швейной фабрике «Вымпел» в Москве, там и осталась работать. В 1969 году окончила Московский Политехнический техникум имени Моссовета по специальности «Технология швейного производства» и продолжала работать заведующей ателье до 1992 года.

Лидия Ивановна Пучкова.
1990-е годы.

Лидия Ивановна Пучкова Фото из семейного архива автора

«Краше нашего Подмосковья нет»

Я жила в деревне Тимошкино Истринского района. В 1951-1957 годах (с 5 по 10 класс) училась в Павловской школе. Раннее утро, 6 часов. Будильник и радио я слышала, но тут же засыпала. Вставала, разбуженная маминым голосом. Обычно в 7 часов собирались все: и старшеклассники, и ребята младших классов — посередине деревни и отправлялись в школу. От Тимошкина до Павловской Слободы пять километров. Дорог было много. А сколько было орехов! Ходили до Ивановского лесной дорогой.

Иногда мальчишки оставались в лесу, жгли костры, пропуская занятия. У девочек на такое решимости не хватало. Но зато в другом деле, рвать овощи на колхозных полях, они от мальчишек не отставали. На это была веская причина: уж очень хотелось есть. Мыли в реке Истре или в речушке Беляне морковь, огурцы, помидоры, капусту, турнепс и ели. Я даже сейчас помню, как аппетитно мы чмокали и хрустели. Но самое вкусное — яблоки в Ивановском саду — было для нас недоступно. Сад охранялся сторожем. Через три года после окончания школы я забрела как-то в этот сад. Он был уже заброшенный (никакие работы там не велись). Тихо падали листья, и я подумала: «Ой, как же не хватает мне нашей ватаги!»

И в морозы, и в метели мы бесстрашно добирались до школы. Дрались с мальчишками отчаянно, пихали их в сугробы, забрасывали снежками. Но нам, девочкам, до-

Мостик через реку Беляну у деревни Ивановское. 2015 год. Фото А. Н. Гольцева

ставалось, конечно, ужасно. Весной разливалась речка Беляна. Тогда мы переправлялись через широкую Истру на лодке и опаздывали на первый урок. А сейчас весной нет ни ледохода, ни разлива рек. В мае в роще от запаха цветущей черемухи можно опьянеть. Не забывается отдых на Истре и в роще. Собирали ягоды, грибы, орехи, цветы, купались и загорали. Краше нашего Подмосковья нет! Это уж точно я вам говорю.

В 5-7 классах на уроках много было всяких проказ и озорства. Особенно на уроках русского языка и литературы мальчишки досаждали Татьяне Григорьевне Лещинской. Один из тех мальчишек — Виктор Чугин — сейчас начальник Ильинского отделения полиции городского округа Красногорск, галантный и элегантный. Лентяй Заказнов грыз сахар (огромные куски) на всех уроках. В раздевалках часто был хаос: пуговицы и вешалки отрывались каждую неделю. А с 8 класса мы как-то сразу повзрослели. Работа в кружках, шефство над пионерами, комсомольские собрания, художественная самодеятельность, дружба с веледниковскими ребятами (Татьяной, Геннадием, Василием и Борисом Гусаровыми). Они пришли к нам из семилетней школы.

Разные бывают реликвии. У меня это школьная тетрадь. В ней два сочинения: «Образ Веры Павловны (по роману Чернышевского “Что делать?”)» и «Крестьянство после реформы 1861 года (по поэме Некрасова “Кому на Руси жить хорошо?”)». В двух

сочинениях четыре грамматических ошибки и три пунктуационных. Обидно. Я так добросовестно учила грамматику, а пишу с ошибками. Большое спасибо Татьяне Григорьевне Лещинской, Анне Семеновне Волченко, Марии Георгиевне Тарасовой (Соколовой) за прочные знания, которые я имела по литературе, географии и математике. Знания по этим предметам помогли мне на вступительных экзаменах и в процессе учебы в техникуме и институте, оказали большое влияние на мое интеллектуальное развитие. Поэзия Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Маяковского, Есенина, Твардовского, Рождественского и Гамзатова не знает равнодушных.

Одно из моих увлечений — туризм. Самолетом, теплоходом, поездом и пешком. Маршруты разные: города-герои (Ленинград, Волгоград, Минск, Севастополь), города по Волге и Каме (Ярославль, Кострома, Ульяновск, Горький, Казань, Пермь), города Сибири (Красноярск, Братск, Иркутск), реки (Волга, Енисей, Ангара), озеро Байкал, горы Северного Кавказа, Черноморское побережье Кавказа от Сочи до Батуми. Отпуск в 1975 году мечтаю провести в Прибалтике.

В 1957 году я окончила 10 класс Павловской средней школы. С 1957 года по 1964 год работала кассиром в колхозе «13 лет Октября» Истринского района. С 1965 года и по настоящее время работаю на предприятии по производству бактериальных препаратов института имени Мечникова. Сначала бухгалтером, сейчас экономистом. В моей работе нет ни научных открытий, ни романтики. Но я считаю ее важной. Найти пути снижения себестоимости продукции — основная моя задача.

В 1963 году я окончила Всесоюзный заочный сельскохозяйственный техникум по специальности «Учет и планирование», в 1974 году — Московский институт народного хозяйства имени Плеханова (вечернее отделение) по специальности «Финансы и кредит». Член КПСС с 1965 года. Общественная работа: член партбюро, руководитель школы коммунистического труда.

Выпуск 10А класса Павловской средней школы. 1957 год. Из архива Раисы Иосифовны Седельниковой

Зоя Тимофеевна Соколова
1975 год

«Родилась в подмосковной деревне»

Родилась в подмосковной деревне,
Там остался родительский дом.
С той поры утекло много времени,
Но я очень скучаю о нем.

Там прошло наше трудное детство —
Много горя мы видели в нем.
Никуда нам от детства не деться.
Я всегда буду помнить о нем.

Помню, летом купались на речке,
А зимою катались мы с гор.
И потом, согреваясь на печке,
Мы тихонько вели разговор.

Помню я, как когда-то с сестрою
Мы носили дрова на себе.
Все заботились, чтобы зимою
Потеплей у нас было в избе.

Вот подходим с сестрою мы к дому,
Положили дрова у ворот.
Рядом слышится голос знакомый —
То лесник к нам навстречу идет!

Как мы сильно тогда испугались
И от страха не чуяли ног.

Посмотрел он на
бледные лица —
Сам от слез удержи-
жаться не смог.

Надежда Николаевна
Самохвалова.
Из семейного архива автора

Вспоминаю — в далекие годы
Как мы грядки пололи с сестрой.
Солнце щедрое землю палило,
Нас душил изнуряющий зной.

Горько плакала я, пить просила,
А до речки еще далеко.
Ох, как трудно в ту пору нам было,
Вспоминать мне о том нелегко!

Рано утром под грузом корзинок
Мы протопали верст этак пять.
Лук несли для продажи на рынок,
Чтобы было налог чем отдать.

Босиком по дороге по пыльной,
Возвращались устало домой.
Берегли теплый хлеб, как святыню,
Ощущая его за спиной.

Были мы терпеливы, послушны,
Сознавали, как трудно всем жить.
Так хотелось, голодным, нам кушать,
Но не смели куска отломить.

Вспоминать я былое не брошу,
Слишком трудно досталось все нам.
И как тягостную эту ношу
Мы тянули с сестрой пополам.

Дети войны — мы все испытали!
Молодым нас сейчас не понять.
Мы страну из руин поднимали,
Берегли свою Родину-мать...

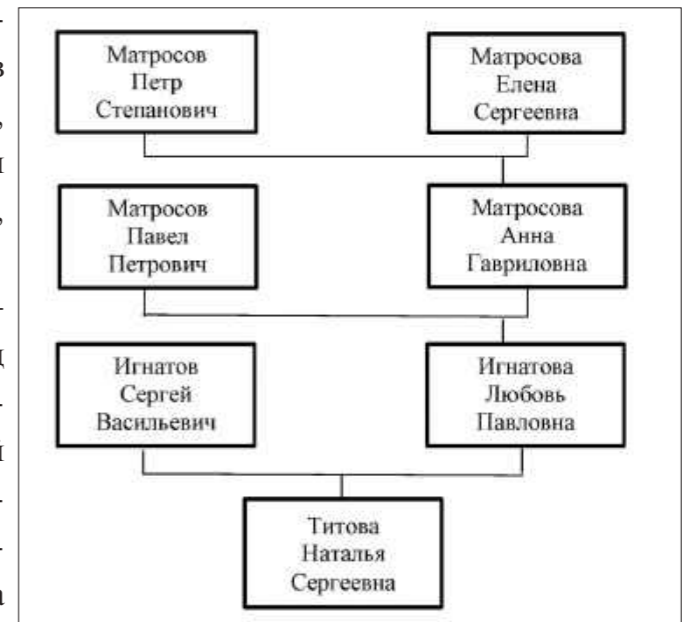
Надежда Николаевна Самохвалова

Перелистывая семейный альбом

Наталья Сергеевна Титова поделилась воспоминаниями о своей семье, сохранившимися в архиве старыми фотографиями и документами, представляющими интерес для истории ее семьи и села. Ее мама, Любовь Павловна Матросова, родилась в Павловской Слободе в 1930 году.

Отец мамы (дедушка Натальи Сергеевны) — Павел Петрович Матросов — также уроженец Павловской Слободы, 1906 года рождения, в детстве остался сиротой и был усыновлен семьей церковного старосты Петра Степановича Матросова. Он упоминается в книге «Павловская Слобода. 500 лет в истории России» как староста Благовещенской церкви в 1900 году.

В семейном альбоме бережно хранится старый фотоснимок молодого отчима Павла — Петра Степановича Матросова.

Фрагмент родословного древа семьи Матросовых

Любовь Матросова. 1930 год

Елена Сергеевна Матросова
с внучкой Любовью.
Начало 1930-х годов

Петр Степанович
Матросов.
Конец XIX века

Семья Матросовых.
1910 год

Музыканты духового оркестра
при Артскладе. 1928 год.
Из архива Антонины Викторовны Филатовой

Музыканты со струнными инструментами.
Конец 1930-х годов.
Из архива Антонины Викторовны Филатовой

Павел Матросов (в центре справа) с друзьями на фоне корпусов Артсклада. 1927 год. Из архива Антонины Викторовны Филатовой

Павел Матросов (справа) с Виктором Филатовым. 1926 год. Из архива Антонины Викторовны Филатовой

В семейном архиве сохранилась и фотография 1928 года, где дедушка Натальи Сергеевны запечатлен в составе оркестра духовых инструментов, который существовал при клубе военной базы №38.

Павел Петрович всю жизнь проработал на военной базе №38 парторгом, мастером. В 1934 году подпись Матросова стоит под протоколом заседания Павло-Слободского сельсовета с ходатайством о закрытии

Благовещенской церкви. В сентябре 1941 года Павел Петрович с первым эшелоном эвакуировался в Кировскую область, а бабушка Натальи Сергеевны, Анна Гавриловна, вместе с детьми отравилась туда же в октябре. Ехали почти два месяца. Когда немцев от Москвы отогнали, вернулся дедушка с первым эшелоном в декабре, а семья оставалась до марта 1942 года.

В том же 1942 году Павел Петрович сильно простудился. Стояла жара, сквозняки, он заболел воспалением легких и умер. Анна Гавриловна работала сначала поваром в детском саду военной базы, затем в ресторане Павловского сельпо.

Папа Натальи Сергеевны, Сергей Васильевич Игнатъев, родился в 1930 году в Вышнем Волочке Тверской области. Приехал в 1944 году к дяде, который работал на военной базе №38 в Павловской Слободе начальником финансовой части (главным бухгалтером).

Сергей Игнатъев учился в Павловской школе, где и познакомился с Любовью Матросовой. По окончании 8 класса поступил в Таллинское мореходное училище. Он был судостроителем и сначала работал в Баку. После этого его семья переехала в Подольск.

Похвальная грамота ученицы 4 класса Любови Матросовой. 1942 год

Любовь Матросова жила с бабушкой в Павловской Слободе. Училась она в Павловской школе успешно. В семейном архиве сохранилась похвальная грамота ученицы 4 класса Любови Матросовой «за отличные успехи и примерное поведение» и ее же свидетельство об окончании 7 класса в победном 1945 году.

Мама Натальи Сергеевны окончила Московский пищевой институт и с 1955 по 1985 год работала на Подольской кондитерской фабрике. Сначала заведовала лабораторией, потом стала начальником производства, затем — заместителем директора по научной работе.

Среди одноклассников Любови Павловны можно отметить получившего широкую известность Бориса Михайловича Орехова — журналиста-международника, который вел долгое время телепередачу «Международная панорама»; Николая Михайловича Толмачева — генерал-лейтенанта; Лидию Михайловну Голубеву — учительницу, отдавшую всю свою жизнь Павловской школе.

На фотоснимке 1953 года из семейного архива Матросовых на фоне высокого деревянного моста запечатлены москвичи: младшая сестра Любови Павловны Матросовой и дети другой ее сестры, каждое лето приезжавшие отдыхать в Павловскую Слободу.

Дети на фоне деревянных мостов через реку Истру. 1953 год

Свидетельство об окончании 7 класса Павловской школы. 1945 год

Александр Николаевич Гольцев
Фото из семейного архива Н.С.Титовой

Семья моя родом из города Истра. Там, на улице Ленина в небольшом доме с сиренью у забора, в 1938 году родился поздний ребенок — девочка Лида. К моменту моего рождения у папы с мамой было уже двое сыновей-подростков — Виктор, 1924 года рождения, и Николай, 1926 года рождения. Через улицу от нас жила бабушка Наталья, мать отца, с детьми — Марией и Федором. У сестры отца Марии было к тому времени тоже трое детей: Галина, Валентина и Александр — мой ровесник. В одной половине дома вместе с нами жила отцова тетка, сестра бабушки Натальи — Дарья Матвеевна с дочерью Клавдией, у которой был ребенок, мой ровесник Анатолий.

Первое мое довоенное восприятие мира: мы с Толькой сидим у крылечка нашего дома на куче песка, вокруг зеленый сад с деревьями, солнышко ласково греет, песок теплый, в руках у нас деревянные стаканчики, и мы старательно сыплем песок друг другу на головы. Кто-то из взрослых выходит на крыльцо, нас подхватывают и уносят в дом. В тот момент мир, в который мы пришли, был прекрасен, и он нам нравился.

Следующий эпизод. Я уже умею ходить, умею говорить, хотя и неразборчиво; в доме какая-то тревога, она почти материальна, она окутывает меня всю. Взрослые разговоры, слова: немцы, война, бомбы. Я их не слушаю, но они застревают в памяти, я уже не чувствую прежнего безмятежного покоя, мне тоскливо, а может, и страшно. Большой тяжелый кот прыгает с маминой швейной машинки. Вероятно, со страха я пытаюсь картаво шутить: «Я думава — неменф бомбу сбвосил, а это кот с мафыны пвыгнул». Взрослые грустно улыбаются. Мама рассказывала потом, как пошла в Истру, в свой дом. Ушли ведь в чем были. Нечего было переодеть, нечего постелить...

Пришла она в свой дом, а на кухне немец в ее корыте белье стирает. Она говорила: «Я встала на пороге, к косяку прислонилась и молчу. Он что-то лопочет, а я слово выговорить не могу. Было бы это сейчас, ни за что не пошла». А тогда из горницы вышел другой немец, спросил по-русски, что ей надо. Мама сказала, что это ее дом, и она хотела бы взять свои кое-какие вещи. Ничего они ей не дали. Этот по-русски сказал: «Мы скоро на Москву пойдем, и вы сюда снова вернетесь». На Москву они не пошли, а пришлось им срочно поворачивать вспять, но при отступлении дотла сожгли всю деревянную Истру. А мама вернулась ко мне в деревню Сокольники, где я оставалась с тетей Марусей и ее детьми.

Эпизод третий. Я переболела корью (это я потом узнала), меня остригли наголо, мама несет меня куда-то на руках. На улице холод, наверное, это поздняя осень. Я тяжелая. Мама держит меня за ножки. Мне нужно «держаться» спину, но позвоночник и мышцы не слушаются. У меня болит спина от шеи до лопаток, я пытаюсь ее выпрямить, но сил не хватает. Эту тягучую боль я помню всю жизнь.

Дальше со слов мамы: «Когда немцы заняли Истру, всех жителей из домов выгнали и заселили своих солдат. Женщины с детьми пошли в деревню Сокольники, где до войны был интернат для глухонемых детей. Их к тому времени эвакуировали, но там, в подвале, остался запас овощей. Несколько дней со всеми вместе мы сидели в этом подвале. Истру

освободили. В Сокольники пришли наши, разбили полевою кухню, стали готовить еду. И вот старшина несет в охапке буханки хлеба. Дети несколько дней не ели хлеба, и они дружно заорали: «Хлеб! Хлеб!» Старшина растерялся. Это был солдатский паек. Появился офицер. Он впервые видел освобожденных русских людей, голодных детишек. Офицер распорядился: «Хлеб раздать только детям. Взрослым не давать!». Рассказывая это, мама всегда плакала.

Освободить-то нас освободили, но идти нам было некуда. И какое то время мы еще сидели в этом подвале. Красноармейцы жалели детишек, меня часто спрашивали (я была острижена): «Мальчик, где твой папка?» Я четко отвечала: «На фвонте, немецф бьет». Однажды к маме подошел солдат, оглянулся и протянул из-под полы буханку хлеба: «Возьми и никому не показывай!» Вид ли был у нас такой жалостный или мы его близких напомнили? Мама разделила этот хлеб с тетей Марусей и ее детьми. Из Истры всех расселили кого куда. Так мы с мамой оказались в городе Дедовск.

Следующий эпизод. Мне пять лет, я глубоко и крепко сплю ночами, и вот в одну из майских ночей я просыпаюсь от какого-то гула. Я сама ночью проснулась! Такого со мной еще не было, шум нарастал и усиливался. Я не поняла, что это было. А утром, когда мы с отцом (его к этому времени уже комиссовали из армии) пошли к бабушке Наталье (их с тетей Марусей и ее детьми тоже переселили в Дедовск), то проходили мимо фабричного общежития, которое называли казармой (два четырехэтажных корпуса с длинными коридорами и множеством комнат, где жили семьи фабричных рабочих). И вот оттуда раздавался такой шум и гул, что мне показалось: два большущих корпуса ходили ходуном. Их гул разбудил меня ночью, дом наш стоял метрах в двухстах от казармы. Когда мы пришли к бабушке на улицу Главная, взрослые говорили друг другу: «Война кончилась!» Про победу речи не шло. Народ освободился от непосильной, тяжелой ноши, и все разом вздохнули: «Война кончилась!»

Еще один эпизод. Став взрослой, я где-то прочитала, что после победы у людей обострились разные болезни из-за нервного перенапряжения в годы войны. Моя мама заболела воспалением легких и лежала в больнице, а меня отвезли в Москву к ее сестре, тете Дуне. Моя тетя Дуня жила на Таганке с дочерью Валентиной и ее мужем Николаем. Муж Валентины был майором, и дома у них был относительный достаток. Дома я всегда хотела есть. Кусок черного хлеба по карточкам на целый день и картошка (не всегда).

У тети Дуни утром я выходила во двор. Там был ряд дровяных сараев. Все дети тогда голодали. Поэтому мы не бегали, не играли, а садились на бревнышко лицом к сараям и ждали: оттуда появлялось солнышко. Постепенно оно поднималось над сараями и начиналось движение тепла и света по нашему двору. На земле рядом с сараями возникала узкая полоска света. Кто-нибудь из нас проводил палочкой черту — границу света и тени. Мы сидели на бревнышке в тени и терпеливо ждали, когда тепло и свет дойдут до нас. Мальчик Юра проводил несколько раз черту между светом и тенью и, наконец, тепло и свет окутывали нас. Мы блаженно жмурились и замирали в ласковых, теплых лучах. Нам было хорошо.

Мы пришли в этот мир в суровое и страшное время, мы всегда хотели есть и никогда не просили у родителей, потому что мы, крохи, понимали, что у мамы еды нет. И только там, на бревнышке во дворе, когда нас окутывали теплые весенние лучи, я испытывала непередаваемое чувство блаженства. Я тогда ничего не знала о Боге. А сейчас знаю: это Бог разговаривал с нами, жалел нас и благословлял. Бог посылал нам не утешение, не покой. Он полной мерой отмерил нам добра и любви, он посылал нам блаженство.

Господи, спасибо Тебе за все!

Когда я родилась, моему среднему брату Николаю было 13 лет. Он мне, уже взрослой, рассказывал, что он ждал меня, копил денежки, оставлял понемногу от сдачи, когда посылали его в магазин. И вот, когда я родилась, он купил мне игрушку – лошадку. Что еще мог мальчик купить новорожденной сестренке? Конечно, игрушку, с которой с удовольствием поиграл бы сам. Николай пережил вместе с нами начало войны, бомбежку Истры, эвакуацию в Чувашию, куда они уехали самостоятельно с дружкой-соседом Юрой Барабановым. Потом их обоих призвали в армию. Коля служил в тылу, в городе Муром в оружейной мастерской, куда привозили с фронта чинить оружие. Там он дослужил до победы и вернулся живым и здоровым. А вот его дружок Юра Барабанов с войны не вернулся – пропал без вести.

Николай стал поэтом. Всю жизнь он писал стихи об Истре, о красоте и ее окрестностей, о прохладной речке, о дружке Юрке:

Пропал без вести?

Есть о Юрке вести.

Не может без вести

Пропасть солдат.

Да вот же он –

Стоит на пьедестале,

Прижав к груди

Горячий автомат.

Стихи брата Николая периодически печатали в районной газете; жители района их ждали, с интересом читали, передавали газетки знакомым. А Николай мечтал о своей книге – не дождался. Прошлым летом, мы с его старшей дочерью Надеждой за свои деньги издали скромную книжечку его стихов. Из книги стихов Николая Николаева:

Беженцы

Мы шли к востоку долгими часами.

Подробно и не вспомнить наш «маршрут».

Навстречу, горестно всплеснув руками,

Вздохнула бабка: «Беженцы идут...»

Заахала: «Какой мальчонка слабый...»

И жалостливо глядя на меня,

Вдруг встрепенулась: «Что стоите, бабы?

Несите хлеб! Поди, не ел три дня!»

А те к калитке кинулись проворно,

Кусочки хлеба вынесли, о мать!

Просили: «Ешь!» Перехватило в горле,

Едва стоял... и где уж там «бежать»...

Лидия Владимировна Николаева

Скупые строки наградных листов

Дедушка Натальи Ивановны Свиридовой (Швайко), Николай Семенович Швайко, родился 17 мая 1924 года в Ставропольском крае. В 17 лет началась для него война: он был направлен на фронт Ново-Селицким районным военкоматом в 1943 году. Освоив профессию связиста, в дальнейшем служил в артиллерийских войсках.

Николай Семенович Швайко
в годы войны

О войне Николай Семенович родным почти ничего не рассказывал. Лишь скупые строки наградных листов проливают свет на то, что же в действительности происходило с ним: «Товарищ Швайко своей самоотверженной работой на коммутаторе, а также по устранению повреждений на линии добился бесперебойной связи. Несмотря на артиллерийский и минометный обстрел противника, днем и ночью он устранял повреждения на линии. Так, 5 апреля 1945 года в районе высоты 255 (на подступах к Вене) товарищ Швайко устранил двадцать порывов на линии».

Из этих же наградных листов можно узнать и о форсировании Днепра Николаем Семеновичем, и об участии в обороне на Днестре, и о боях за освобождение Венгрии и Австрии: «Во время прорыва обороны противника на Днестре в районе села Толмаз, исправляя обрывы на линиях, Николай Семенович неоднократно подвергался опасности. Ночью, исправляя порывы на линии, был контужен, но, несмотря на это, исправил семь повреждений». За проявленное мужество и отвагу он был награжден двумя медалями «За боевые заслуги» (в 1943 и 1944 годах), медалью «За отвагу» (в 1944 году), был представлен к ордену Красной Звезды, но в итоге награжден орденом Славы III степени. В 1945 году пришла долгожданная Победа, но Николай еще два года отслужил срочную службу, так участие в боевых действиях не было засчитано.

Его брат, Григорий Семенович Швайко, 1914 года рождения, в Красной Армии начал служить с 1938 года. Он принимал участие в боевых действиях с 1942 года в звании капитана в должности начальника штаба 107-го стрелкового полка 55-й стрелковой дивизии.

О его действиях на войне тоже рассказал лишь наградной лист: «В боях с немецкими захватчиками товарищ Швайко показал доблесть, мужество и умение оперативно руководить батальонами и спецподразделениями полка. При наступлении полка и освобождении от немецких захватчиков ряда населенных пунктов и сильно укрепленных рубежей

Капитан Григорий Семенович Швайко. 1940-е годы

противника с 20 сентября 1943 года товарищ Швайко, будучи начальником штаба полка, умело и правильно ставил боевые задачи подразделениям, контролировал своевременность их выполнения, в напряженный и трудный момент боя сам бывал в подразделениях и практически помогал выполнению боевых приказов.

В период переправы через реку Днепр подразделений полка, он непосредственно организовывал быстрое форсирование реки. В момент напряженной и сложной обстановки, когда противник открывал яростный пулеметно-минометный огонь и вел артиллерийский обстрел, он непосредственно находился в боевых подразделениях и на месте давал конкретные указания. Переправившись на правый берег Днепра, полк вступил в бой и, благодаря правильному и умелому оперативному руководству товарищем Швайко подразделениями, полк имел хорошие успехи и освободил от немцев населенные пункты: Деражичи, Тесны, Новая Алешня и другие».

Его вклад в Победу по достоинству был оценен правительственными наградами: медалью «За отвагу» и орденами Красной звезды и Богдана Хмельницкого II степени. Григорий Семенович не дожил до Победы и умер от ран в октябре 1944 года в звании майора.

Родственники братьев Швайко их не забыли, разыскали в архивах сведения о военных заслугах Николая и Григория, сохраняют о них светлую память, передают ее подрастающему поколению.

Александр Николаевич Гольцев
Фото из семейного архива Швайко

Семья Николая Семеновича Швайко.
1940-е годы

Дети в войну бежали на фронт

Галина Александровна Каравашкина (Морозова) рассказала про свою семью с более чем вековой историей. Не только запомнившиеся беседы с мамой, но и уникальные старые фотографии легли в основу этого рассказа.

У дедушки Галины Александровны, Александра Алексеевича Морозова, который родился в 1907 году в Павловской Слободе, было четверо детей (Нина, Юлия, Михаил и Николай). Он долгое время трудился на молокозаводе колхоза «Серп и молот». Здание колхозного молокозавода не сохранилось, но еще в начале 1970-х годов находилось возле пруда, что сейчас рядом с домом №1 на улице Советская. Александр сильно хромал (повредил ногу в детстве), поэтому его не призвали служить во время войны. Когда эвакуировали артиллерийскую базу №38, он поехал в Кировскую область, где работал как специалист по снабжению. После войны дедушка работал в Павловском сельпо.

Александр Алексеевич Морозов за прилавком магазина Павловского сельпо. 1950-е годы

Александр Алексеевич Морозов берет пробу молока на молокозаводе колхоза «Серп и молот». 1930-е годы

Его старший сын Михаил в 1943 году в возрасте 16 лет был направлен в артиллерийское училище и по его окончании воевал, дошел до Чехословакии, затем вернулся в родное село. Младший сын Николай, 1930 года рождения, с началом войны вместе с другими, такими же, как он, ребятами, не хотел оставаться в стороне от борьбы с врагом.

В начале 1942 года фронт откатился на запад от Павловской Слободы. На полях, где недавно прошли бои, осталось много оружия, неразорвавшихся снарядов, гранат. Все эти «богатства» сильно привлекали слободских ребят. Они постоянно пропадали в окрестностях, разыскивая опасные «игрушки». Николай Морозов вместе со сверстниками среди оставленного на полях прошедших битв находил пистолеты, патроны и гранаты.

Часть находок Николай принес домой и спрятал в подвале. Никто из родных и не подозревал, что живут они на пороховой бочке. Наконец, проделка открылась, и милиция изъяла «арсенал». Для Николая затея закончилась позорным наказанием, которое должно было стать уроком на всю жизнь — его закрыли на неделю в террасе, изъяв штаны.

Но все же урок не пошел впредь. Прошло немного времени, и группа слободских ребят решила бежать на фронт. Осень 1942 года, ожесточенные бои шли все дальше от родного села. Трудно себе представить, сколько препятствий и лишений пришлось ис-

пытать 10-13-летним детям во время побега. Уже близка линия фронта, слышна артиллерийская канонада. Недалеко от Ржева закончился этот поход детей на войну: их вернули домой.

Позже Николай Александрович вспоминал те незабываемые дни и рассказывал некоторые эпизоды своих скитаний. Однажды они добрались до какого-то вокзала. Люди лежали на полу вповалку, и он решил прилечь рядом со спящим старичком: все теплее будет (стояла осень). А наутро оказалось, что старичок уже не дышит.

Мать Галины Александровны, Нина Александровна Морозова, родилась в 1938 году в Павловской Слободе. Семья проживала в старом родительском доме на Пороховой горе. Трехлетнюю Нину со старшей сестрой родители вывезли к родственникам в Ярославскую область, где они и пережили самые страшные военные годы. Вернувшись в Слободу, Нина училась в Павловской средней школе, которую окончила в 1956 году. Поступив в институт и получив профессию, Нина Александровна работала в конструкторском бюро Нахабинского НИИ имени Д.М.Карбышева. Ее старшая сестра Юлия Александровна окончила Павловскую школу в 1950 году с золотой медалью. После войны родители Нины и Юлии получили участок земли и построили новый дом на улице Ленина.

Отец Галины Александровны по профессии был строитель. Возводил объекты в Дедовске, Москве и других городах. В 1958 году его послали в Челябинскую область на большую стройку в город Касли — центр народного промысла, Каслинского художественного чугунного литья. К сожалению, все это располагалось недалеко от места разработки и производства ядерного оружия (закрытый город Снежинск), что не прибавляло людям здоровья, и родившаяся там дочь Галина всю жизнь страдала астмой. Через три года семья вернулась в Павловскую Слободу.

Заканчивая свой рассказ, Галина Александровна призналась, что вспоминает о своих предках с благодарностью, перелистывая альбом с пожелтевшими фотографиями и просматривая снятый родственниками в 1963 году на восьмимиллиметровую киноплёнку фильм про Павловскую Слободу, который был показан жителям на Дне села 12 июня 2016 года.

Дом Морозовых на улице Ленина. Конец 1940-х

Александр Николаевич Гольцев
Фото из семейного архива Морозовых

«Я ничего не знаю о войне»

Я ничего не знаю о войне,
Не видела, как дом горит в огне,
Не слышала разрыв снаряда
И не жила в блокаду Ленинграда.

Не прошагала с автоматом пол-Европы,
Не мокла под дождем в окопах,
Не мерзла и не голодала,
На фронт любимого не провожала.

Не видела, как образуются воронки,
Не получала с фронта похоронки,
В упор врага не убивала,
Сама от ран не умирала...

Я ничего не знаю о войне.
Но почему тогда так больно мне?..

Екатерина Николаевна Золотарева

«Сытый голодного не разумеет»

Ничего не забывается... Сегодня, когда хлеб в доме кончается, ей становится тревожно на душе. Кто не пережил голодного военного детства, тот этого не поймет. Недавно из Америки родственники прислали ей продовольственную посылку: макароны и прочая незатейливая еда. К чему это сейчас? Но в годы войны это была бы волшебная сказка.

Галина Ильинична Нестерова (Капкина) родилась в 1938 году в крестьянской семье. В 1945 году пошла в школу. Мама, Пелагея Михайловна Капкина (Малышева), работала в колхозе бригадиром всю войну и до нее. Отец, Илья Родионович Капкин, трудился главным механиком на моторно-тракторной станции (МТС), которая располагалась в стенах закрытого Аносинского монастыря. Когда эвакуировали последний трактор, отец ушел на войну (в ноябре 1941 года). В семье осталось пятеро детей.

Пелагее Михайловне дали в правлении список колхозных лошадей, которых надо было раздать. Детишки неразумные этими бумагами растопили печь. Каково же было горе матери в дополнение к разлуке с мужем! Список ее мама восстановила, и лошадей распределили по семьям колхозников — кому по одной, кому по две. Объявили: завтра будем отступать. Мама решила отступать почему-то не в к Москве, а в противоположную сторону, к своей сестре в деревню Кезьмино (ныне в составе Одинцовского района). Забрали дедушку, сели в телегу. Приехали, а туда немцы пришли раньше. Лошадь у семьи не отобрали.

«Были мы под оккупантами недолго, но это были страшные дни, — вспоминала Галина Ильинична. — Мама была красивая с очень румяными щеками, поэтому старалась прикинуться перед немцами пострашней и поглупей, испачкаться, не выглядеть нарядной. Поселили в сарае, матери доверили чистить картофель и другие овощи, а повар был от немцев. Мать чистила картошку так, как она всегда это делала, немец подошел и показал, что срезать очистки надо больше. Маленькая Галина со старшим братом ухаживали за обувью, стирали и сушили носки и делали другие мелкие работы. Брали по котелку и с братом спускались с горки к ручейку, откуда носили чистую воду. Зима была холодная, вьюжная, стояли ненастные дни. Казалось, почти не рассветало».

Однажды внезапно начались бомбежки! Один из немцев жестами дал понять матери и детям: спасайтесь! С трудностями и приключениями добрались до Обушкова. Подошли к дому, а там мародеры снимали последнюю дверь. Потолка в избе нет, но стены стояли. Стали жить в подполе. Мать вернулась на работу в колхоз бригадиром, но всех в семье строго-настрого предупредила: никогда и никому не говорить, что были в оккупации, чтобы ее не посадили в тюрьму! А ведь действительно могли посадить, по крайней мере, могли быть трудности в дальнейшей жизни. Отец пропал без вести во время войны. Училась Галина в Павловской школе, окончила 10 класс в 1957 году.

После окончания Павловской средней школы Галине не давали получить паспорт, чтобы заставить идти работать в колхоз. Считали, что в

Выпускница Павловской школы Галина Капкина. 1957 год

колхозе можно прожить и без паспорта. Позже она так оценивала ситуацию: «*Этот паспорт, вернее — его отсутствие, испортили мне всю жизнь!*» После школы дорога была только одна — в колхоз. Стала бригадиром кукурузоводческой бригады в деревне Борзые. В те годы эта «королева полей» была в центре внимания. Чуть ли не каждый номер районной газеты «Ленинский путь» доносил до читателя вести именно с кукурузных полей. Под кукурузу выделили лучшую землю, урожай был очень хороший. Сеяли даже там, где сейчас стоят многоэтажные дома по улице 1 Мая и гаражное общество «Арсеналец», поскольку там хорошая земля. Галина Ильинична считала, что, несмотря ни на что, ей в жизни повезло — не оставил ее Ангел-хранитель.

Из первых лет работы Галины Капкиной в колхозе «Серп и Молот» запомнился такой момент. Выдали ей ключи от всех сараев и сказали: «*Теперь ты хозяйка!*» А какая же она хозяйка, если на складах никогда ни порядка, ни учета путевого не было. Хорошо, что помог и поддержал школьный учитель Михаил Львович Калинин. Успо-

Михаил Львович Калинин на линейке (второй слева). 1965 год. Из архива Раисы Иосифовны Седелниковой

Галина Ильинична (справа) среди коллег в Павло-Слободском сельском совете. 1990-е годы

коил и рассказал, как лучше наладить складское хозяйство в колхозе, про учет и контроль. Постепенно навела порядок вместе с бухгалтерией. Потом — кукуруза, за хорошие успехи в ее выращивании — диплом ВДНХ.

Настала зима. В колхозе Галина была уже активной комсомолкой, секретарем

комсомольской организации. Ей приходилось, как говорили, «выезжать в свет», то есть ездить в Красногорск (тогда райцентр) и другие места. Там ей посоветовали выйти замуж за кого-нибудь, тогда дадут паспорт. Так оно и получилось. Выходила, чтобы получить паспорт, а оказалось — на всю жизнь! Родила ребенка, поступила работать в кожгалантерейную артель в здании бывшей церкви. Три недели отработала рабочей, и сразу поставили бригадиром, стала секретарем

комсомольской организации. В 27 лет вступила в партию. Директором артели был тогда Терехов. Затем уже работала в помещении на улице Свободы, которое сгорело в годы перестройки.

Во время работы в артели «Славкожизделия» в течение 27 лет Галину Ильиничну неоднократно выбирали депутатом Павло-Слободского сельского совета. Состояла и

Здание Исполнительного комитета Павло-Слободского сельского совета. Середина XX века

Галина Ильинична Нестерова и Валериан Андреевич Крылов на митинге у мемориала павшим воинам. 1980-е годы

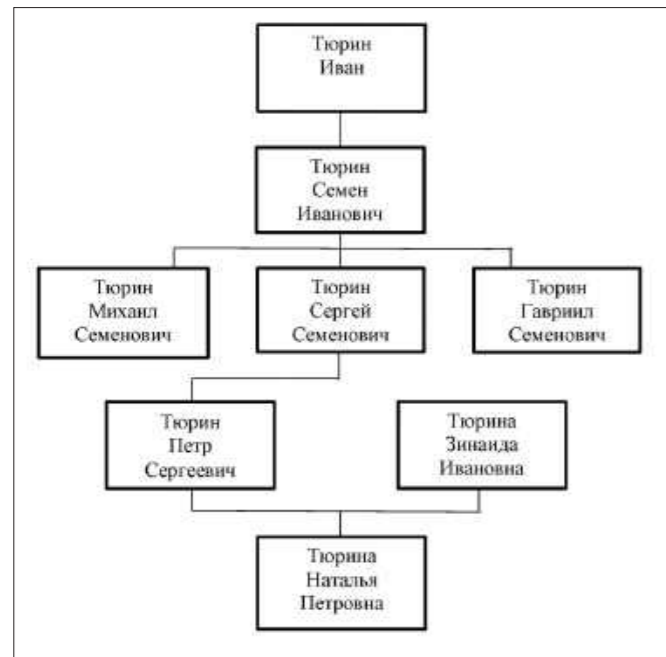

Посадка деревьев в центре Павловской Слободы. 1980-е годы

активно трудилась в комиссии по культуре при исполкоме сельсовета. Сама ходила в танцевальный кружок при фабрике (артели). Затем в 1973 году ее избрали председателем исполкома Павло-Слободского сельсовета. Сегодня Галина Ильинична Нестерова — на заслуженном отдыхе, участвует в работе краеведческого клуба «Слобода заповедная».

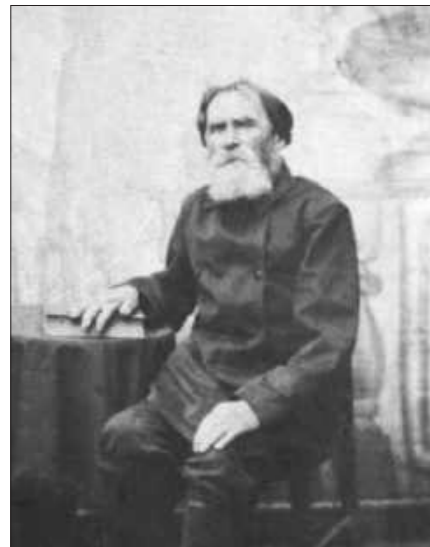
Александр Николаевич Гольцев
Фото из семейного архива Нестеровых

Династия учителей Тюриных

Фрагмент родословного древа семьи Тюриных

Теперь, после знакомства с архивными документами, мы знаем, что этот далекий предок, родившийся в первой половине XIX века, хотя и был неграмотным (в документах нет его подписи), упоминается среди выборных крестьян от села Павловского. Иван Тюрин вместе с другими выборными от 15 селений, входивших в Павловскую волость, принимал важные решения, оказавшие влияния на дальнейшую жизнь в волости. Например, установление и величина налога для оплаты учителей Павловского начального народного приходского училища или прошение в Звенигородскую уездную управу в конце 1874 года о строительстве в селе двухклассного училища. Говоря современным

Семен Иванович Тюрин.
Начало XX века.
Из архива
Галины Борисовны Заказновой

Кузнецы Павловской Слободы. Начало XX века.
Из архива Нины Ивановны Бочаровой

Во время моих встреч в 2014 и 2015 годах, Наталья Петровна Тюрина много рассказывала о своих предках, мечтала увидеть в напечатанном виде родословную своей семьи и рассказ об учительской династии с глубокими корнями в селе Павловское Звенигородского уезда.

Из документов Правления Павловской волости Звенигородского уезда за 1873-1874 годы, хранящихся в Центральном государственном архиве Москвы, я узнал некоторые подробности жизни села Павловское и работы местной земской общины. Одним из выборных представителей от села Павловского в те годы был Иван Тюрин – неграмотный крестьянин, о котором Наталья Петровна упомянула как о прадеде, и что известно только его имя – Иван.

языком, эти 15 человек составляли местный Совет депутатов.

В семейном архиве Тюриных сохранилась фотография сына Ивана – Семена Ивановича Тюрина, прадеда Натальи Петровны, который жил в Павловской Слободе и умер в 1918 году от свирепствовавшей в тот год «Испанки» (смертоносного гриппа). Судя по результатам его деятельности, он был очень хозяйственный и умный человек. При нем до революции построили дом с пристройками на пересечении улиц Калинина и Луначарского. До наших дней этот дом, увы, не сохранился.

Дом семьи Тюриных на улице Калинина. 2017 год.
Фото А. Н. Гольцева

Прадед Натальи Петровны Семен Иванович – самый уважаемый в семье человек. Он был кузнецом и выглядел соответственно: посреди щеки шрам, пальцы обрублены. У него было трое сыновей – Михаил, Сергей и Гавриил. Сергей стал помогать отцу в кузнице, а остальные два сына, Михаил и Гавриил, пошли в учительскую семинарию и стали учителями. У них были жены, которые умели читать и писать.

Наталья Петровна вспоминала о прадеде: «За что-то Семен Иванович был награжден медалью, я эту медаль не видела, но когда живописец писал портрет прадеда с этой медалью, он сказал: “Нет, не надо, это – гордыня”, и медаль закрасили. Возможно, прадед пошел по стопам своего отца, который был общественным деятелем».

Сергей Семенович Тюрин продолжил дело своего отца и стал потомственным кузнецом. Наталья Петровна вспоминала: «У моего деда Сергея Семеновича, как сейчас говорят, было многопрофильное хозяйство, где основным работником был он сам. У него была кузница “на горе” (возле пруда у кладбища) где кузнецами были два члена семьи и один наемный работник. Кроме того, дед занимался сельским хозяйством. Его большой огород располагался от улицы Калинина до улицы 3-го Интернационала. Землю эту отобрали только во времена Хрущева. Еще дед зарабатывал извозом. Возил продукцию (подковы, фрукты, овощи) в Москву, либо доставлял кого-нибудь из офицеров артиллерийской бригады в Нахабино».

Каждый вечер после ужина дед ходил в чайную. Надевал валенки с калошами. Сельчане приходили сюда вечером пить чай с наколотым сахаром и баранками. Чай наливали в стаканы, а пили из глубоких блюдец. Никакого алкоголя! Там собирались нормальные, трезвые мужчины.

Дед работал кузнецом до самой коллективизации, потом все забрали – амбары, ригу, пристройки, но лошадь и корова остались, и он стал работать в колхозе простым кузнецом в образовавшемся колхозе “Серп и Молот”. В 1938 году деда Сергея репрессировали. Его сослали одним из последних».

Выпускники Новоторжской учительской семинарии. 1909 год.
Из архива Галины Борисовны Заказновой

школы во второй половине XX века Раисы Иосифовны Седельниковой, после обработки в графическом редакторе удалось рассмотреть учеников Павловской школы с преподавателями. Скорее всего, этот уникальный снимок сделан на фоне построенного в 1875 году Министерского двухклассного училища в Павловской Слободе. Вообще Раиса Иосифовна с коллективом учителей Павловской школы собрали множество материалов по истории школы к 100-летию юбилею в 1975 году.

Гавриил Семенович Тюрин. 1909 год

По окончании семинарии Гавриил Семенович вернулся в родное село и учил детей в Павловском Министерском училище, некоторое время был заведующим, затем работал в Звенигородском уездном Училищном совете.

Папа Натальи Петровны, Петр Сергеевич Тюрин, родился в Петров день 11 июля 1900 года. Учился в Министерском двухклассном училище, стал стипендиатом и за счет Павловского общества был направлен в Вяземскую учи-

Ученики и преподаватели Павловского Министерского двухклассного училища. Начало XX века.
Из архива Раисы Иосифовны Седельниковой

Гавриила Семенович Тюрин — младший брат дедушки Натальи Петровны. В 2015 году, разбирая старый хлам на чердаке дома Тюриных на улице Калинина, обнаружилась прекрасно сохранившаяся большая фотография 1909 года, где изображены выпускники Новоторжской учительской семинарии, и среди них — Гавриил Семенович Тюрин, уроженец села Павловская Слобода Звенигородского уезда.

На другой, очень темной фотографии из семейного архива бывшего учителя и директора Павловской средней

школы во второй половине XX века Раисы Иосифовны Седельниковой, после обработки в графическом редакторе удалось рассмотреть учеников Павловской школы с преподавателями. Скорее всего, этот уникальный снимок сделан на фоне построенного в 1875 году Министерского двухклассного училища в Павловской Слободе. Вообще Раиса Иосифовна с коллективом учителей Павловской школы собрали множество материалов по истории школы к 100-летию юбилею в 1975 году.

По окончании семинарии Гавриил Семенович вернулся в родное село и учил детей в Павловском Министерском училище, некоторое время был заведующим, затем работал в Звенигородском уездном Училищном совете.

Папа Натальи Петровны, Петр Сергеевич Тюрин, родился в Петров день 11 июля 1900 года. Учился в Министерском двухклассном училище, стал стипендиатом и за счет Павловского общества был направлен в Вяземскую учительскую семинарию, по окончании которой работал учителем в Павловской школе. Наталья Петровна вспоминала наиболее яркие из рассказов отца о своем детстве и юности: «Сидит прадед и считает золотые пятерки за проданные подковы, никак сумма не сходится, все пересчитывает, а из-под стола голос маленького Пети — дедушка денежку уронил. Тогда все сходится.

Семья была очень религиозная, патриархальная. Отец Петр Сергеевич пел в церкви, у него был хороший слух и голос. А

дед, Сергей Семенович, даже этим церковным хором руководил. Когда в середине 1930-х годов церковь закрыли, у нас дома оказались замечательные церковные книги в кожаных переплетках, такие красивые, разноцветно разрисованные, они производили на детей очень яркие впечатления. Пропали они во время отъезда в эвакуацию».

Петра Сергеевича часто спрашивали его дети и ученики в школе: как он встретил революцию 1917 года? Ответ на этот вопрос можно найти в статье районной газеты: «Был октябрь 1917 года. Мы с отцом, как обычно, собрали повозку, запрягли лошадь, погрузили подковы и — в Москву, там легко можно было продать такой товар. Приехали к ночи в село Всесвятское (сейчас это район станции метро Сокол), слышим выстрелы. Прямо, на дороге разложены костры, стоят солдаты с винтовками. «Какие тебе, дяденька, подковы! Видишь, революцию делаем, так что поворачивай назад». Через четыре дня мы снова поехали в столицу. Стекла городской управы были разбиты, виднелись следы боев на Никитской улице (теперь улица Герцена)».

Такой запомнилась Москва после Октябрьского восстания ветерану Павловской средней школы Петру Сергеевичу Тюрину. После революции, в период гражданской войны и в довоенные годы, Петр Сергеевич учительствовал, был директором Павловской школы. Поскольку у него не было высшего образования, он поступил в педагогический институт. Перед войной его перевели в Нахабино.

«Отцу предложили заведовать горono (городской отдел народного образования) где-то далеко, и отец отказался, — продолжала рассказ Наталья Петровна. — Вернулся в Павловскую школу и до войны работал педагогом. Когда началась война, ему был 41 год. Отец занимался эвакуацией имущества школы и больницы. Через некоторое время его призвали, отец попал в блокадный Ленинград. На баржах с задраенными люками через предзимнюю Ладогу их переправили в блокадный Ленинград. Ничего зажигать нельзя, курить нельзя. Проходя по улицам блокадного города, видел страшные картины качающихся, переживающих последние минуты жизни людей.

А после прорыва блокады их минометный полк стал прорываться в Финляндию. Но там они не воевали, а стояли в резерве на границе. Он был в штабе полка, в силу своей образованности, но никогда не соглашался на офицерские должности. Всем солдатам из среднеазиатских республик подписывал письма по-русски. Бойцы приносили свои письма и просили: «Турын, пиши адрес!»

После войны отца постоянно звали в гости в Узбекистан, писали много писем. Он был очень объективным человеком, жалел людей. Однажды он пытался остановить людей, набросившихся на цистерну с похожей на спирт жидкостью (он же, как химик, знал, что в ней яд), но люди все равно пили и травились. Безобразие прекратилось после того, как эту цистерну взорвали по приказу генерала. Но остались ослепшие и мертвые.

Вернулся отец в августе 1945 года, до этого он долго не писал писем семье, поскольку ему пришлось своим ходом перегонять домой из центра Европы лошадей. По дороге гибли люди от нападений бандитов.

Сразу по приезду он снова стал директором школы. Но не было документа о высшем образовании. Для его получения оставалось сдать государственные экзамены, но во время войны пропали все документы. Петра Сергеевича перевели в вечернюю школу, что находилась в здании нынешней администрации (улица Октябрьская, дом 5). Ее он возглавлял до выхода на пенсию. В школах, помимо преподавания, он всегда работал на приусадебных участках, вел кружки, ходил с ребятами в походы».

Петр Сергеевич Тюрин с учениками демонстрирует урожай овощей с пришкольного участка. Середина XX века. Из архива Галины Борисовны Заказновой

Урожай капусты на пришкольном участке. Середина XX века. Из архива Галины Борисовны Заказновой

По состоянию здоровья в 60 лет Петр Сергеевич Тюрин ушел на пенсию. Но и жизнь после школы тоже приносила свои радости. Он бесконечно возился с внуками, ходил с ними на речку, в лес. Учителю-биологу было что рассказать и показать маленькой Галине: смотрели ласточкины гнезда, ходили на святой колодец, на Пороховую гору. Внучка вспоминала деда с трепетом. Эти уроки на природе не пропали даром и привили Галине Борисовне навсегда любовь к природе и земле.

Мама Натальи Петровны, Зинаида Ивановна Тюрина, родилась в 1900 году в Сергиевом Посаде. При Троице-Сергиевой Лавре были учительские женские курсы, которые она и окончила после школы. В 1924 году приехала учительствовать в село Петрово-Дальнее. Когда там закрыли школу, ее перевели в Павловскую Слободу учителем начальных классов и она жила у Косьминских в двухэтажной школе.

«Папа ухаживал за мамой, — продолжала вспоминать Наталья Петровна, — часто приходил к Косьминским. Эта семья для нас всегда считалась «своей». Всю жизнь мама работала в начальной школе. Каждый день она приносила домой в большой сумке 2-3 пачки тетрадей (примерно по 40 штук в каждой), а утром — обратно. Весь вечер сидела и проверяла, а дети толпились вокруг и слушали комментарии: «А вот — Ира, а вот — Коля...» Мы их всех знали и видели, как она выводила им «отлично».

Вечером в воскресенье Зоя Сергеевна Гущина и другие учителя начальных классов собирались вместе и писали план на неделю. Никто вокруг не должен был дышать.

Когда проходили выборы, мама всегда была секретарем избирательной комиссии, и у нас лежали огромные списки жителей Павловской Слободы. Мать была пре-

дельно добросовестна, к ней постоянно бегали члены избиркома сверяться со списками».

Наталья Петровна Тюрина родилась в 1929 году. Когда началась война, ей было 11 лет. Рассказывая о своем детстве, Наталья Петровна вспоминала начало военного периода, тепло говорила о своих родителях, которые убергли ее от бомбежек, так как увезли к брату отца в Костромскую область, где не было немцев. Несмотря на то что сверху не сыпались бомбы и не долетали снаряды, приходилось трудиться на колхозных полях от зари до зари всем детям, не зависимо от возраста.

Пятиклассница Наташа получила серп, ей показали, как жать лен, и каждый день она должна была сжать свою бесконечную полосу, выполнить норму. Все работы вручную: жатва, тербление, отбивка. Этими работами занимались девочки, а мальчики возили лен на лошадях, все женщины — на лесоповале и торфоразработках. Наташина мама работала в школе, поэтому жили при школе, и было относительно легче, чем большинству, так как не заботились об отоплении жилья.

Наталья Петровна в конце 1940-ых окончила Павловскую среднюю школу и у нее не было колебаний и сомнений в выборе профессии. По примеру своих предков она стала учителем, закончив МОПИ им.Н.К.Крупской. Наталья Петровна преподавала исторические предметы вначале в одной из школ Орловской области, куда была направлена по распределению. Работа в школах Дедовска, Павловской Слободы, и наконец, вечерняя школа в Нахабино, где она проработала наиболее продолжительное время, продолжив педагогическую традицию династии учителей Тюриных, сеявших разумное, доброе, вечное в течение почти века.

К сожалению, в начале 2017 года Наталья Петровна ушла из жизни, так и не увидев напечатанным рассказ об истории своей семьи. Но остались потомки, в том числе — дочь Галина Борисовна Заказнова, которые хранят историю своих предков.

Трудно представить, какой огромный вклад в образование односельчан внесла учительская династия Тюриных и сколько их бывших учеников им обязаны и помнят о них с благодарностью!

Александр Николаевич Гольцев

Зинаида Ивановна Тюрина (в центре) с учениками в Павловской начальной школе. Середина XX века. Из архива Галины Борисовны Заказновой

Наталья Петровна Тюрина. 2015 год. Фото А. Н. Гольцева

Их помнят благодарные ученики

Я хочу рассказать вам, дорогие односельчане, о своей бабушке — Анастасии Сергеевне Косьминской — и моем дедушке — Михаиле Осиповиче Косьминском. Они оба работали учителями в нашей Павловской школе: бабушка — учителем начальных классов, а дед преподавал географию, был первым директором школы после революции. С тех пор прошло почти сто лет, но в селе до сих пор жива добрая память о них.

Лист трудовой книжки Анастасии Сергеевны Косьминской

Передо мной чудом сохранившееся личное дело Анастасии Сергеевны. В нем среди других документов трудовая книжка, в которой всего две записи. Первая — 1916 года сентября 1 дня, Павловская средняя школа Истринского района Московской области (конечно, эта школа тогда еще не была средней, запись сделана много позднее), назначена учительницей начальных классов. Вторая — 1959 года августа 11 дня, освободить от работы в Павловской средней школе, в связи с уходом на пенсию по старости.

Нетрудно подсчитать, что в одном месте она отработала 43 года. Здесь же и автобиография, написанная красивым, твердым почерком. Составлена она по стандарту сухим, казенным языком, как и любой документ. Мне же хочется пересказать ее по-другому.

Родилась Анастасия Андреева (ее девичья фамилия) в 1897 году в селе Семенково Борисовской волости Можайского уезда Московской губернии, но в документах стоит 1896 год. Это священник, выписывающий метрики, за десяток яиц прибавил ей один год. В 1912 году при поступлении в Тульскую учительскую семинарию ей было всего 15 лет, а принимали только совершеннолетних, вот и пришлось пойти на хитрость.

Родилась Анастасия, как написано в автобиографии, в семье батраков. Мать Надежда Васильевна была кухаркой у судьи в городе Верея под Можайском, а отец Сергей Афанасьевич — извозчиком, и однажды, как поется в песне о ямщике, «в той степи замерз», когда Насте не было и года. До шести лет она жила у тетки в деревне, а затем мать забрала ее в город. От господ ее поначалу прятали за печкой, но, в конце концов, они разглядели смышленную красивую девочку. Сначала стали доверять нехитрую работу на верхних жилых этажах дома, а затем поручили ей гладить белье и одежду. Бабушка вспоминала, какой был тяжелый уют на углях, как сложно было гладить оборки на платьях барыни. Я помню, как рано она и меня учила правильно гладить белье и одежду.

Хозяйка дома были бездетными, Настя им очень понравилась, и они сделали ее своей воспитанницей. Потом, после революции, когда барыня, оставшись вдовой, пошла по миру, повзрослевшая Анастасия взяла ее доживать к себе, практически перед смертью. Вот так, благодаря господам, Анастасия получила и воспитание, и образование. Все вышло, как у Антона Павловича Чехова: «кухаркины дети», из которых потом

выросло новое поколение русской интеллигенции. К 1916 году Анастасия Сергеевна Андреева окончила Тульскую женскую учительскую семинарию и получила направление в Павловскую школу на должность учителя начальных классов.

Чтобы казаться взрослее, она встала на каблуки и отрезала косу. Всю жизнь она потом стриглась, как говорили, «под фокстрот». В 1916 году она познакомилась с молодым учителем — Михаилом Косьминским, с которым в том же году обвенчалась в Благовещенской церкви в Павловской Слободе. И стала Анастасия Сергеевна — Косьминской.

С какой теплотой она вспоминала о тех временах! Жили они очень интересно и счастливо. В Павловской Слободе был свой народный театр, ставились пьесы, проводились музыкальные вечера. Летом активно работал «генеральский сад». Так назывался в те времена сельский парк. Там был кинотеатр, играл духовой оркестр, работал тир. Они просуществовали до начала 1970-х годов прошлого века. Зимой учителя ездили к педагогам из соседних школ — в Обушково, Исаково. Проводили совместные концерты. В те годы многие педагоги умели играть на каком-нибудь музыкальном инструменте: скрипке, гитаре, мандалине. У жителей Павловской Слободы в архивах можно найти немало фотографий 1920-1930-х годов, где сняты группы музыкантов.

Октябрьская революция 1917 года в Павловской Слободе, как вспоминала бабушка, прошла очень мягко: «Генерала обваляли в перьях и возили по селу, никаких выстрелов, никакой крови». Началась жизнь при советской власти. Дед стал директором школы, а бабушка продолжала работать учителем начальных классов.

Дедушка (по отцу), Михаил Иосифович Косьминский, родился в 1893 году в селе Дарна Звенигородского уезда в семье псаломщика. Его отец Иосиф Васильевич служил в Крестовоздвиженском храме. Мать — Клавдия Фридриховна (урожденная Зельцер) — была католичкой и, выйдя замуж за православного, стала Клавдией Федоровной Косьминской. Трое их сыновей: Николай, Владимир и Михаил — окончили Звенигородское духовное училище, а дед впоследствии и духовную семинарию. В середине 1910-х годов он получил дополнительно медицин-

Анастасия Сергеевна Андреева (слева) с подругой. 1916 год

Анастасия и Михаил Косьминские. 1920-е годы

Борис Косьминский (сидит слева) с товарищами. 1940-е годы

ское образование и служил во время Первой мировой войны в царской армии фельдшером. Потом это ему очень пригодилось, а возможно, и спасло жизнь.

Семья у бабушки с дедом сложилась полная, счастливая: двое сыновей — Александр и мой отец Борис. Была у них интересная работа, все здоровы, казалось, что впереди будет только хорошее. С фотографий тех времен они смотрят на нас с такими счастливыми, светлыми лицами, все молодые, красивые. Но дальнейшая жизнь оказалась непростой. В обиход вошли новые слова: коллективизация, доносы, аресты, репрессии. Дед происходил из духовного сословия, представителей которого больше всего и преследовали. В середине 1930-х годов Благовещенскую церковь в Павловской Слободе закрыли, с колокольни сняли кресты, а присутствовавшие при этом местные комсомольцы плясали и пели частушки (со слов бабушки):

С колокольни крест свалился,

Мне не жалко ни шиша.

Поп в сарае удавился:

Нет дохода ни гроша.

Коллективизация шла полным ходом, и дед первый в селе на своем пояске от толстовки свел корову на общий двор. Но по ложному доносу его обвинили во вредительстве, а именно — в порче семенного зерна. Директора школы! Шел 1932 год, могли и расстрелять. Дед был осужден и сослан в лагерь «без права переписки». Там и пригодилось его медицинское образование — в лагере он работал в больнице, поэтому сам выжил и помогал выживать товарищам. Группа его друзей организовала побег через Аляску в Америку, но дед не воспользовался счастливым случаем. Он не представлял себе жизни без России, без семьи. С началом Великой Отечественной войны его отправили на поселение в Казахстан. Там он работал врачом,

Михаил Иосифович Косминский в ссылке.
1945 год

4/11/45. По возвращении
с "кочевья", горы Джамбул
на мамонта.
Мой ушава и шитый
кап "Агад" с которми
ми за тира и-ча туде-
наси болса туде-
но отроам Туде-
ни отроам Туде-
сметаме Туде-
вокротилемис, удралем,
вишу- в долинах и удралем
шумаме Туде-
мосторономий нас и нас
и не тило, и-ча туде-
вокротилемис, удралем,
шумаме Туде-
вокротилемис, удралем,
шумаме Туде-

Письмо Михаила Иосифовича
Косминского на обороте фотографии.
1945 год

ему уже разрешили переписку с родственниками. Последняя фотография с коротким письмом пришла в 1945 году из Джамбульской области.

После войны его младший сын Борис поехал к нему в Казахстан. Наверное, они мечтали, как он вернется домой, встретится с любимой женой, со старшим сыном Александром, увидит первого внука,

которого назвали Михаилом в честь деда, но этого не случилось. Дед уехал в дальний аул на эпидемию тифа лечить больного, заразился сам и умер на руках своего младшего сына Бориса — моего отца. Очень жалею, что не смогла увидеть своего деда живым. Сколько он мог бы мне рассказать. Хорошо, что после его ареста не забрали бабушку. Ее защитила Надежда Константиновна Крупская. Попасть к ней на прием помог начальник артиллерийской базы №38. Позже он сам был расстрелян. Вот какие были времена!..

Анастасия Сергеевна с 1932 года была объявлена женой «врага народа», а ее дети — детьми «врага народа», хотя и утверждали, что «сын за отца не отвечает». Оказалось, что отвечал! Ни от мужа, ни от отца они не отреклись, фамилию не сменили, как делали в то время некоторые. Так, родной брат моего деда, Владимир, взял фамилию своей жены и отказался от брата. Замуж бабушка больше не выходила и носила эту фамилию до конца жизни. Правда, детей «врага народа» ни в пионеры, ни в комсомол не принимали.

Бабушка продолжала работать в школе учителем, подменяла всех отпускников и заболевших учителей, вела дополнительные занятия, а за хозяйством и детьми присматривала ее мать, Надежда Васильевна.

Когда началась Великая Отечественная война, мой отец Борис Михайлович сразу после выпускного вечера пошел в военкомат. Его, как сына «врага народа», направили служить в штрафной батальон к уголовникам. Он боялся, что и до фронта не доедет. После ранения в голову и в ногу вернулся домой инвалидом. Позже он окончил педагогический институт и преподавал географию, но не в Павловской школе.

Еще в личном деле Анастасии Сергеевны Косминской есть ее заявление с просьбой восстановления на работе после возобновления в школе занятий в 1942 году. Дальше учеба продолжалась без перерывов. Вместе с детьми учителя переживали то страшное время. Порой педагоги подкармливали детей, а иногда и дети делились последним с учителями.

Впоследствии деда реабилитировали. И тогда на Анастасию Сергеевну посыпались награды и благодарности. В 1947 году ей присвоили звание и вручили знак «Отличник народного просвещения», а в 1948 году — высшую правительственную награду — орден Ленина. В личном деле имеется телеграмма по этому поводу. Клеймо «врага народа» было снято не только с нее, но и со всей семьи. Однако осторожность в общении, особенно с властью и с партией, осталась у бабушки на всю жизнь. Так сама жизнь развеивала иллюзии юности, когда молодые ниспровергатели, в том числе и моя бабушка, сто лет назад радовались свержению «ненавистного» царского режима.

Много было запретных тем в семье, часто при разговоре бабушка могла перейти на шепот, а ее фразу, произносимую всегда шепотом: «Мы из бывших» я поняла только тогда, когда стала совсем взрослой. Много дореволюционных фотографий, где дед в форме семинариста и в форме царской армии, было уничтожено. Наверное, было в биографии и такое, о чем не смогли рассказать.

Анастасия Сергеевна Косминская с учениками Павловской школы. 1947 год

Анастасия Сергеевна Косминская. Конец 1980-х годов

Фрагмент родословного древа семьи Косминских

Однажды прозвучала фраза: «После революции моя сестра, которая вышла за фабриканта Фомичева (у них был дом на Арбате и суконная фабрика на Воробьевых горах), эмигрировала в Америку». Я ей возразила: «Бабушка, ведь у тебя не было ни сестер, ни братьев». После этого бабушка вспомнила: «Ах, да, это и не сестра была, а тоже, как и я, воспитанница у господ — моя подруга. А теперь уже никто ничего не узнает».

Всю свою жизнь Анастасия Сергеевна проработала учителем начальных классов Павловской средней школы. В ее личном деле я нашла много благодарственных писем от учеников и их родителей. На пенсию она ушла в 1959 году, но продолжала выходить на работу, подменяя заболевших учителей. Прожила долгую жизнь — 95 лет. Пенсия была небольшая, но ей всегда хватало, она умела радоваться, ни на кого не держала обиды. Часто говорила: «Как хорошо мы живем, у нас все есть: чай, сахар, картошка, крупа». И считала, что богатый не тот, у которого много, а тот, которому всего хватает.

Будучи уже совсем старенькой, она помогала соседям: учила уроки с их детворой. Нянчилась и со своими правнуками. В хорошую погоду могла сидеть на лавочке возле дома на улице Дзержинского. Мимо проходили ее бывшие ученики, она радовалась, когда узнавали ее. Ей было приятно, что ее не забывают, рассказывают о своей жизни, а порой и просят совета.

Анастасия Сергеевна Косминская умерла в 1991 году — почти двадцать пять лет назад, но до сих пор я иногда слышу от какой-нибудь почтенной женщины: «Я училась у Анастасии Сергеевны». Это всегда проносят с гордостью, как будто говорят: «Я окончил Московский Государственный университет».

В этот момент мысленно благодарю свою бабушку за то, что она оставила о себе такую долгую добрую память, и за то, что я ношу фамилию Косминская.

Наталья Борисовна Косминская
Фото из архива автора

«Без памяти о прошлом нет будущего»

Рассказом своей бабушки, Зинаиды Алексеевны Котовой (Тырловой), которая родилась в Москве в 1925 году и работала в библиотеке Академии МВД, поделилась Наталья Дмитриевна Акуленок.

Зинаида Тырлова. Середина 1940-х годов

Война началась для нас неожиданно. Я в это время была у бабушки под Москвой. Тогда казалось, что скоро война кончится и мы вернемся в Москву, в школу. Август 1941 года был теплым, и мы, ребята, гуляли на улице допоздна. Уже спустилась ночь, и мы разошлись по своим домам, как вдруг увидели в ночном небе висячие светильники. Это было необычно. От их света все казалось сказочным: небо, дома, сады были голубого цвета. Все притихли, потому что не знали, что это такое. Но вскоре наше сказочное настроение сменилось большой тревогой. Мы услышали глухой гул, это был немецкий бомбардировщик. Видимо, он не смог прорваться через заградительный огонь Москвы, и был вынужден искать мишень для бомбометания в другом месте. Так мы узнали, что во время войны сказок в небе не бывает.

Дети из двора Зинаиды Тырловой. 1940-е годы

Спускаюсь по Иренинскому переулку к моему дому №6 на Большой Почтовой улице, в котором прожила 15 довоенных лет. Оказалось, что моего дома и двора больше нет. На его месте стоит 12-этажная панельная башня. А в памяти всплывает поздний сентябрьский вечер. Уже стемнело. По радио объявили: «Воздушная тревога». Кто-то из нас замешкался, и, когда мы вышли из подъезда, уже грохотали зенитки, расположенные в Лефортове, и в темном небе бегали лучи прожекторов. К удивлению, жильцы нашего дома стояли во дворе, и казалось, что они не собираются в бомбоубежище.

Все они смотрели в небо, и чей-то мужской голос кричал: «Сашка, держи его, держи! Сергей, бей его, бей!» Мы присоединились к стоящим и стали смотреть в небо. Вдруг среди быстро мелькавших прожекторов ясно увидели, что два из них, скрестившись, удаляются к горизонту. А в середине скрестившихся прожекторов увидели черную точку. Да, это был немецкий самолет. В это мгновение все забыли об опасности и, подняв руки вверх, кричали от радости, охватившей наблюдателей. Каждый ощутил причастность к той победе, которая в эту минуту произошла на глазах у всех.

Когда лучи прожекторов с немецким самолетом ушли за горизонт, Николай из пятой квартиры объяснил всем, что его старшие братья служат в войсках противовоздушной обороны Москвы (Александр — наводчик прожекторов, а Сергей — зенитчик)

и что пойманный самолет будет выведен прожекторами за город и обязательно сбит Серегой. Мы все верили в нашу маленькую победу, а до большой Победы оставалось три года, восемь месяцев и много потерь. Только в семье Кузнецовых три сына — Михаил, Евгений и Александр — сложили головы на полях сражений.

В мае 1945 года мне посчастливилось встретиться еще раз с прожекторами в московском небе. Это было в День Победы, когда над Кремлем в свете прожекторов в небе моего детства сияло знамя Победы моей любимой Родины.

В середине сентября наша школа №341 Бауманского района получила «свыше» разнарядку послать на уборку урожая 9-10 классы в Волоколамский район Московской области. До Волоколамска наш укомплектованный поезд шел не менее пяти часов. Мы пропускали поезда с военными. В город приехали вечером. На станции нас ждали автобусы, которые развозили группы по колхозам. Деревня Татьянино, куда мы направлялись, находилась в 15 километрах от Волоколамска, окруженная со всех сторон старым еловым лесом. В нашей группе было десять человек: две девочки и восемь мальчиков. Нас расселили по домам, накормили очень вкусным ужином и уложили спать. Рано утром, после завтрака, проводили на рабочее место.

Это был большой овин, то есть сарай, доверху набитый ржаными снопами, а на земле стояла молотилка. Вскоре пришел бригадир и объяснил, в чем заключается наша работа. Она была несложной: сбрасывать сверху снопы, подавать их на ленту и смотреть, чтобы сноп попал в барабан. Лента эта двигалась, сноп попадал в барабан, и через некоторое время в одну сторону, где стояла емкость, сыпалось зерно, в другую — солома.

Через несколько дней мы освоились, работа у нас спорилась, в группе появились шутники, которые веселили нас, так что мы несколько минут лежали на снопах от удачной шутки и не могли приступить к работе. Обмолотив все снопы, приступили к работе на веялках. Новая работа была очень неприятна от того, что мякина и пыль попадали в глаза. Это было опасно. С большой радостью мы закончили работу на веялках, на следующий день перешли на картофельное поле. На работе мы, конечно, уставали, картошку копали лопатами, но, несмотря на это, молодость брала свое, и после ужина нас всегда тянуло порезвиться на убранное хлебное поле, которое было рядом с деревней.

Однажды на прогулке, проходя у края поля, обратили внимание на растения с большими зелеными листьями. Нам показалось, что это брюква, из которой наша хозяйка готовила вкусную «халву». Мы решили удивить ее неожиданным подарком. Дружно принялись за работу. Но к своему удивлению все наши усилия выдернуть брюкву, кончались неудачей. В руках оказывалась только большая ботва, корнеплод же оставался в земле. Для нас, городских жителей, это было большой загадкой. После долгих и шумных споров кто-то решил понюхать лист. Загадку разгадали. Это был труднодоступный хрен. Он так просто, без лопаты, свои корни никому не отдаст. К сожалению, подарка нашей хозяйке мы не принесли. Но еще долго по всей тихой округе разносился наш молодой радостный смех.

Так было и в эту ночь, с одной только разницей, что, когда мы вышли из дома, направляясь в поле, все вокруг было залито ярким лунным светом. Небо дарило нам необыкновенную красоту и, видимо предчувствуя нашу разлуку, устроило нам праздничное прощание. Домой вернулись поздно. Ночью мы проснулись от сильных взрывов. Скоро в дверь постучали. На пороге стояли наши мальчики. Старший из них, Саша, взволнованно сказал: «*Девочки, быстро одевайтесь. Срочно уезжаем! Фронт приближается, видно немцы бомбят железную дорогу!*» Мы с Леной быстро собрали вещи, простились с гостеприимными хозяевами и вышли в темноту. Молча шли по нашему полю, и никто из нас не знал, что, вернувшись в Москву, наши старшие мальчики будут призваны защищать свою Родину и какая судьба ждет каждого из них. Увидят ли они свое русское поле, и повторится ли для них праздник под названием «Лунная рапсодия»?!

Я еду в метро, диктор объявляет: «Бауманская». Выхожу из вагона и попадаю вместе с довольно плотной толпой на эскалатор, который выносит нас в вестибюль станции. Это красивейшее сооружение было построено в 1942 году, в година тяжелейших испытаний для страны. Какую же надо было иметь веру в победу, чтобы, невзирая на трудности, помнить о будущем.

Выхожу из метро на улицу Бауманская и вижу слева знакомое с детства здание школы, построенное в довоенные годы на месте дома, где родился Александр Сергеевич Пушкин. Сворачиваю на Бакунинскую улицу. По ней мы бегали в кинотеатр «III Интернационал». Сегодня стены его закрыты зеленой сеткой: идет ремонт, а до войны по несколько раз смотрели свои любимые фильмы: «Веселые ребята», «Цирк» и другие. Что ждет его после ремонта? От всей души желаю ему всего хорошего. Иду дальше.

Пересекаю огромных размеров котлован строящегося «третьего кольца». Строительство удивляет своими размерами. Дворами выхожу на улицу Фридриха Энгельса. И здесь меня встречает не новое многоэтажное жилое здание, а пятиэтажный красный исполин. На улице сентябрь 2003 года, а я вспоминаю тот далекий сентябрь 1941 года, когда после каждого объявления по радио: «*Граждане, воздушная тревога*» — жители окрестных дворов, захватив документы и необходимые вещи, устремлялись под своды этого исполина. А он, как сказочный страж, надежно защищал нас от смертельной опасности. До революции в этом здании жили престарелые люди, и в простонародье оно называлось «богательней». Помним ли мы, сколько лет этот исполин служил людям? Должны помнить. Без памяти о прошлом нет будущего. Хотелось бы верить, что мой исполин проживет еще многие-многие годы и что не ждет его участь снесенных особняков прошлого столетия, которые не так давно жили вокруг него.

Зинаида Алексеевна Котова
Фото из архива Н.Д.Акуленок
2003 год

«Я не участвую в войне»

Геннадий Эпштейн с дедушкой.
Середина 1930-х годов

*Я не участвую в войне —
Война участвует во мне.*

Юрий Левитанский

Мой папа, Геннадий Морицович Эпштейн, родился в 1932 году в самом центре Москвы на улице Медведева, которая проходит между станциями метро Маяковская и Тверская. Как говорят, пять минут пешком до Красной площади. В доме часто бывали творческие люди: музыканты, артисты. Мой дедушка и сам хорошо играл на виолончели и пел. Хотя по образованию был юрист, окончил Московский государственный университет.

В этой атмосфере прошло детство и юность моего отца. Папин старший брат Юрий, с которым у него была разница девять лет, часто посещал Дом литераторов. Там же он часто обедал, играл на бильярде, и, кстати говоря, был даже чемпионом Москвы по бильярду. Я думаю, что именно он приобщил папу к литературе с ранних лет, так как сам писал стихи и прозу. В тринадцать лет папа написал «Балладу о возникновении Рима», с которой выступал в Доме литераторов. Я, конечно, знаю ее наизусть. Вот отрывок из нее:

В далеком далеко, лет много назад, в краях одного государства,
Где царь был Амулий, жесток и богат, где силой являлось коварство,
Родились два мальчика — Ремул и Ром,
Их мать была Сильвия, Марс был отцом.
Амулий, узнав о рождении том, был сильно известием тем удручен.
Отца Рея — Сильвии рода Энея лишил он престола,
И сам стал царем. Велел принести близнецов он скорее,
Решил погубить их, спасая свой трон...

Галина Александровна Эпштейн
(Чернявская). 1940-е годы

Примерно в это же время в далекой Сибири родилась девочка — Галина Александровна Чернявская. Это моя мама. Она также с детства была творческим человеком: писала стихи, участвовала в школьной самодеятельности и солировала в Омском детском хоре Гостелерадио.

Наступил 1941 год, и всех детей того времени объединила война. Она объединила их той трагедией, которую принесла в каждую семью. В 1941 году мамин отец и мой дедушка, Александр Гаврилович Чернявский, ушел на фронт, где в 1942 году пропал без вести. Сейчас найдено место его гибели. В Омске открыт мемориал, где на гранитной стене выбито его имя. Мама часто вспоминала

сцену: когда он уходил на фронт, он поднял на руки ее, четырехлетнюю, прижал к себе и заплакал. Наверное, чувствовал, что видит ее последний раз. Папину семью отправили в эвакуацию в Татарстан, а Юрий, папин брат и мой дядя, ушел на фронт, где был тяжело контужен, и потом всю жизнь нес в себе этот отзвук войны, но, к счастью, остался жив. Понимаем ли мы до конца, какой ценой было завоевано чистое небо у нас над головой и сколько горя и ужаса принесла война. Очень важно, чтобы наши дети знали и помнили об этом. Ведь если мы об этом забудем, все повторится.

В 1945 году папина семья после разгрома фашистской Германии вернулась в Москву. На Красной площади прошел знаменитый парад, который папа видел воочию. Возможно, именно это повлияло на его решение стать военным. И он поступил в

Московское артиллерийское подготовительное училище, которое окончил с медалью. Потом последовало Ленинградское артиллерийское техническое училище зенитной артиллерии, которое он также окончил с отличием, и по закону того времени имел право на выбор места службы. Не удивительно, что он выбрал Москву, но прослужил недолго и вскоре был направлен в Воткинск, а оттуда в Омск, где и познакомился с моей мамой. Они поженились и прожили душа в душу 37 лет вплоть до маминой смерти.

Галина Александровна и Геннадий Морицович
Эпштейн. Конец 1940-х годов

Елена Эпштейн. 1960-е годы

Майор
Геннадий Морицович Эпштейн.
Конец XX века.
Из фондов музея войсковой
части №67714

Галина Александровна Эпштейн с учениками
Павловской школы. 1970-е годы.
Из архива Раисы Иосифовны Седельниковой

В Омске родилась я. А когда мне исполнился год, папу направили служить в Калининскую область в военный гарнизон Куженкино. Там прошли мои детские годы. Причем я очень хорошо помню это время: детский сад, куда я ходила, школу, где работала мама, клуб войсковой части. Очень хочется поехать в это место, чтобы снова его увидеть. В 1970 году папу направили служить в Павловскую Слободу в войсковую часть № 67714, где тридцать лет он проработал начальником планово-экономического отдела. А мама примерно столько же проработала в Павловской средней школе учителем.

Своим увлечениям они не изменяли. Я помню, что папа писал стихи на все дни рождения мои и своих друзей, часто играл на пианино, а мама пела. В 2002 году папы не стало. Когда я прихожу к ним на могилу, там часто лежат цветы, и тогда я понимаю, что в сердцах многих людей они оставили добрый след. Также как и мама, я стала педагогом, преподавателем английского языка. Сейчас у меня растет дочка Анечка, ей уже тринадцать лет. Мои родители, к сожалению, не дожили до ее рождения. Но я часто рассказываю ей об интересной судьбе ее бабушки и дедушки. Сейчас я с полной уверенностью могу сказать, что мои детские годы были самыми счастливыми в жизни.

Елена Геннадьевна Эпштейн

Фото из семейного архива Е.Ф.Эпштейн

Семья Майоровых с Красной Слободки

В начале 2017 года ушла из жизни Екатерина Георгиевна Майорова. Ее внучка, Ирина Юрьевна, пригласила меня, чтобы рассказать о жизни своей бабушки, за которой в последние годы она ухаживала во время ее болезни, и об истории рода Майоровых в целом. После проведенной серии интервью, знакомства с семейным фотоальбомом и сохранившимися документами, передо мной открылась драматическая, в чем-то даже трагическая картина жизни нескольких поколений рода Майоровых, которых знали многие старожилы Павловской Слободы.

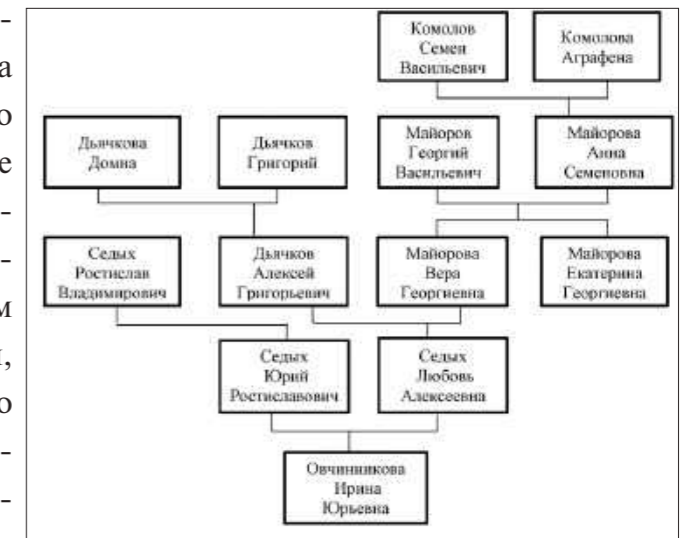
На улице Калинина стоял дом постройки второй половины XIX века, в котором жил Семен Васильевич Комолов с супругой Аграфеной. У них в 1898 году родилась дочь Анна. В начале 1920-х годов она вышла замуж за Георгия Васильевича Майорова, 1897 года рождения.

Молодая семья жила в старом доме родителей Анны. В 1921 году у них родилась дочь Вера, в 1927 году – Екатерина. В том же 1927 году Майоровы выстроили себе новый дом на улице Красная Слободка. Они были первыми, других домов там еще не было.

Георгий Васильевич с 1923 года, согласно записи в удостоверении личности, состоял на действительной военной службе на военном складе №38 сверхсрочником в штатной должности старшего надзирателя. Судя по записи в документе, ему было даже предоставлено личное оружие – револьвер наган.

В 1931 году Георгия Васильевича арестовали. Бабушка Вера рассказывала потом внучке Ирине, как в то время по селу ночью проезжал «черный воронок», а утром жители узнавали, скольких людей забрали.

Дочь Георгия Васильевича позднее подавала запрос в органы МВД с целью выяснения судьбы отца и получила такой ответ: «По архивным материалам Управления сообщаем, что Георгий Васильевич Майоров, 1897 года

Фрагмент родословного дерева семьи Майоровых

Семейство Комоловых и Майоровых. 1931 год. Из архива Ирины Юрьевны Овчинниковой

Дом Майоровых на улице Красная Слободка. 2017 год. Фото А. Н. Гольцева

Георгий Васильевич Майоров.
Конец 1920-х годов.
Из архива Ирины Юрьевны Овчинниковой

рождения, 4 апреля, уроженец села Павловская Слобода Истринского района Московской области, беспартийный, работавший надзирателем на военном складе №38, проживавший в селе Павловская слобода, был арестован органами ГПУ МО 2 апреля 1931 года по необоснованному обвинению в антисоветской агитации. Находился в Бутырской тюрьме. Постановлением внесудебного органа (тройкой при ПП ОГПУ МО) от 25 апреля 1931 года был заключен в исправительно-трудовой лагерь на три года. Наказание отбывал в Беломорско-Балтийском ИТЛ. Нами направлен запрос в МВД Карельской АССР, откуда Вам сообщат дату и причину смерти, возможно известное место захоронения, а также будет зарегистрирована смерть Вашего отца. Какое-либо имущество при аресте конфисковано не было».

В мае 1931 года, спустя месяц после ареста, Георгий Васильевич обратился в ОГПУ с письмом, в котором говорилось (орфография и пунктуация сохранены): «Прошу пересмотреть мой приговор так как считаю он слишком суров. Контрреволюционных выступлений я не когда не делал и делать не могу. В 1929 году я уже вступил в колхоз и активно в нем участвовал. В Красной Армии я выполнял честно свои обязанности. Хозяйство мое бедное имею 4-х малых детей. Убедительно прошу ради моих милых детей помиловать».

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов», Георгий Васильевич Майоров был реабилитирован.

Дочери вернули удостоверение личности и фотографию отца. Из копии свидетельства о смерти, присланной из города Петрозаводск, следовало, что Георгий Васильевич Майоров умер в сентябре 1933 года, но ни причина смерти, ни место захоронения указаны не были. Екатерине Георгиевне принесли соболезнование, обещали выплатить

«щедрую компенсацию», как пострадавшей от незаконных репрессий (зарплата незаконно осужденного за последние два месяца), однако, написали, что не нашли военной базы №38 или ее правопреемника — так предприятие было засекречено.

Анна Семеновна Майорова с 1929 года работала в колхозе, и однажды ее обвинили во вредительстве — мол, она отравила корм для скота. Пришлось ей ехать с кабанчиком в Москву, где экспертиза доказала ее невиновность. Хо-

Анна Семеновна Майорова.
Середина XX века.
Из архива Ирины Юрьевны Овчинниковой

Работницы колхоза «Серп и Молот»
возле лав на Зеленково. 1940-е годы.
Из архива Нины Ивановны Бочаровой

роший корм кто-то другой подменил непригодным для скота. Так она избежала репрессий, благодаря своему упорству. Потом вступила в партию.

С началом войны и приближением фашистов к селу все семейство Майоровых вместе с коровой эвакуировалось в Саратовскую область. Четырнадцатилетнюю Екатерину оставили в Павловской Слободе на хозяйстве. Во время войны в дом попал снаряд. На этом месте жители Слободы устроили коновязь — привязывали гужевой транспорт все, кому не лень. По сегодняшним временам этой ситуации соответствовала бы несанкционированная бесплатная автостоянка. Девочка переживала: вот вернется семья из эвакуации, а жить негде, да и кому понравится конюшня под окнами!

Долго маленькая Катя обивала пороги в правлении колхоза, но все-таки пострадавшую часть дома восстановили из бревен какого-то разрушенного здания. С детства она, как и ее мама, Анна Семеновна, проявляла свой твердый характер и добивалась своего.

В 1941 году Анне Семеновне пришло извещение: «Ваш сын, красноармеец Александр Георгиевич Майоров, пропал без вести в августе 1941 года». В июле следующего года пришла вторая похоронка, в которой сообщалось, что другой сын, Сергей Георгиевич Майоров, убит на мысе Гажий Наволок Медвежегорского района Карельской ССР. Он не был похоронен и остался на поле боя, на месте гибели.

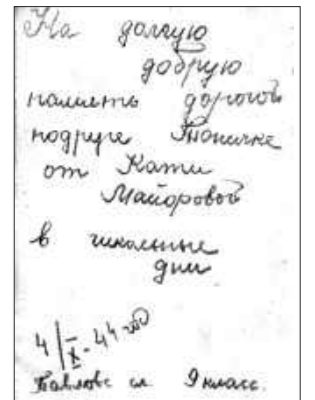
С 1942 года, после возвращения из эвакуации, в течение нескольких лет в тяжелое военное время Анна Семеновна была председателем колхоза «Серп и Молот». Лошадей не хватало, во время пахоты женщины сами впрягались в плуг и выполняли положенную норму.

Екатерина Майорова в годы войны продолжала учиться в Павловской школе, вместе со всеми ездила на строительство оборонительных сооружений. Как видно из надписи на обороте фотографии, сохранившейся в семейном архиве Филатовых, Екатерина дружила с Антониной Филатовой.

На выпускных экзаменах, которые в то время проходили в Дедовске, некоторые ребята получили двойки, а Екатерина сделала ошибки в сочинении. Им вместо свидетельства о среднем образовании выдали только справки об учебе в средней школе. С таким документом нигде не принимали, но Катя не отчаялась, пошла учиться в Павловскую школу рабочей молодежи.

Екатерина Майорова.
1944 год. Из архива Антонины Викторовны Филатовой

Надпись на обороте фотографии. 1944 год

Выпуск 7 класса Павловской школы рабочей молодежи. 1947 год. Из архива Галины Александровны Каравашкиной

Вера Майорова (справа) с подругой. Конец 1940-ых годов. Из архива Ирины Юрьевны Овчинниковой

Алексей и Вера Дьячковы (слева). 1960-е годы. Из архива Ирины Юрьевны Овчинниковой

Ростислав Владимирович Седых (слева) с боевыми товарищами в Берлине. 1945 год. Из архива Ирины Юрьевны Овчинниковой

Получив свидетельство, поступила в техникум, затем – в Московский городской пединститут, который окончила с хорошими результатами в 1956 году. После этого вся ее жизнь и деятельность была связана с поселком Нахабино. До 1980 года она работала в институте имени Д.М. Карбышева. Аспирантура, защита кандидатской диссертации и плодотворный труд. По отзывам ее коллег, изобретения Екатерины Георгиевны до сих пор используются и внедряются в производство.

Другая ветка генеалогического древа Майоровых прослеживается по линии супруга Веры Георгиевны – Алексея Григорьевича Дьячкова, 1923 года рождения. Он приехал в наши края из Челябинской области. Его родители, Домна и Григорий Дьячковы, родились на рубеже XIX-XX веков. Алексей Григорьевич во время войны служил в полку ПВО (аэростатные заграждения) в районе подмосковной Кубинки. В ноябре 1945 года Вера и Алексей поженились.

Дедушка Ирины Юрьевны по отцовской линии, Ростислав Владимирович Седых, тоже воевал в Великой Отечественной, дошел до Берлина и сфотографировался с товарищами на центральной площади города.

Александр Николаевич Гольцев

Воспоминания о Павловской Слободе

Летом 1941 года я получил в подарок на день рождения книжку Фридриха Вольфа «Бедный Конрад» – трагедия в пяти действиях времен крестьянской войны в Германии. Ее мне подарил Анатолий Хохлачев. Он уходил на фронт со своими молодыми друзьями. На книге надпись: «Дарю книгу Вадику. Умному и послушному. Будешь слушать маму – вырастишь храбрым и отважным. Будь достойным носить оружие храбрых воинов Красной Армии. Толя Хохлачев, 14 июля 1941 года». Мне тогда исполнилось 7 лет.

Эти ребята любили, когда приходили к сыну заведующей аптекой, подкидывать меня от одного к другому, а мне было и страшно и радостно летать. Они были сильные и веселые тогда. Ушли защищать страну. Не знаю, кто из них остался жив, а кто ушел в туман вечности, но я, пока буду жить, буду их помнить, какими они были! Немецкая книга и война с немцами, которые быстро приближались к Москве.

Это было в селе Виноградово Московской области. Мы с мамой жили в аптеке, в маленькой комнатке. Я ходил в детский сад и помню, как нянечки сказали нам, что садик закрывается, кормить нас нечем, и давали нам в последние дни лишь вареную пшеницу. Маму перевели в госпиталь, который находился недалеко от аптеки, туда постоянно прибывали раненые. Много их было с перевязанными головами, на костылях. Приближался фронт и голод.

Вспоминается день, когда мы, кучка детей, собрались на лужайке у аптеки, и вдруг послышался сильный гул. Тут же появились два низко летящих самолета, слышно было, как они строчили очередями из пулеметов. Летели так низко, что ясно были видны летчики в кабинах и большие черные кресты на фюзеляжах. Затем послышались громкие взрывы бомб на станции Виноградово. Рассказывали, что разбомбили эшелоны с ранеными, было много погибших. Бог миловал, мы не попали под очереди фашистов. От той бомбежки мне достался окрашенный в синий и красный цвета осколок бомбы, на котором был отштампован фашистский знак. Я выменял его у взрослых мальчишек за какую-то старинную книжку с картинками.

Зимой появилось много военных в белых полушубках, мы крутились возле них, чувствуя что-то тревожное. Запомнилось, как один дядя подозвал парнишку повзрослее нас и отдал ему свой полушубок, а взамен взял его телогрейку, сказав: носи, нам все равно помирать. Это были сибиряки. Вечная им память. Вечное спасибо. Они отстаивали Москву.

Маму срочно направили в Ванилово, недалеко от Виноградова, заве-

Здание аптеки и парикмахерской в центре села. 1920-е годы. Из фондов музея Павловской СОШ

Дом Кутеповых в Павловской Слободе.
Середина XX века.
Из фондов музея Павловской СОШ

Семья Кутеповых (справа Николай, рядом Владимир). Конец 1940-х годов.
Из архива Владимира Ивановича Кутепова

Благовещенская церковь в Павловской Слободе.
Середина XX века.
Из фондов музея Павловской СОШ

довать медпунктом и аптекой, и помню, как мы двинулись поздно вечером через железную дорогу, шли лесной тропой в полной темноте. Вдруг дорогу нам преградил мужчина с овчаркой, мы очень испугались, но, узнав, кто мы и куда так поздно направляемся, пропустил нас. Мама спросила, что он тут делает ночью, он ответил, что ловит диверсантов, сброшенных сюда на парашютах. В Ванилове мама проработала недолго, затем ее направили в Истринский район, в аптеку в Павловской Слободе. Мы поселились в старом двухэтажном доме, на втором этаже которого была аптека, а на первом — парикмахерская.

На втором этаже (вход туда был со двора по лестнице) жил заведующий аптекой Иосиф Борисович Фаинбаум с двумя внуками (Бэллой и Мусей) и своим родственником, молодым мужчиной Ромой, который был чем-то болен и не попал в армию. Его дразнили: «Рома, продай жабры». Иосиф Борисович был маленького роста, весь седой, кажется, с бородкой клинышком, очень добрый.

Там же, на втором этаже, была дверь в нашу с мамой крохотную комнату, с маленьким окошком

Мосты через реку Истра. Середина XX века. Из фондов музея Павловской СОШ

и печкой, потом добавилась печка-буржуйка. Рядом с нашей дверью была лестница на чердак, куда мы, дети, часто лазили и глядели в окно на проезжую часть улицы. На первом этаже жила семья дяди Гриши с женой и дочкой, нашей ровесницей, кажется, ее

звали Рая. Позади дома стоял деревянный туалет для всех, а за ним были огороды и сбоку — огромный вяз. Слева от дома стоял небольшой домик семьи моего друга Николая Кутепова. Там жила его мама с дочерьми и маленьким братом Володей, которому мы однажды поранили голову, уронив с полатей напильник. Мама Кутеповых с сестрами так ругала нас, что я несколько дней к ним боялся заходить.

Напротив, через главную улицу, стоял весь разбитый каменный дом без окон и перекрытий, а неподалеку, на нашей стороне, — разбитый и покалеченный храм Благовещения Пресвятой Богородицы.

На пригорке, спускающемся к реке Истре, ловили кузнечиков, чтобы удить рыбу под мостом. Мост был особым притягательным местом. Мы забирались туда и любили проходить по горизонтальным связям моста, стараясь не держаться за конструкции. Иногда лезли вверх и высовывались над настилом сбоку проезжей части моста через щели в досках. Это считалось смелым поступком. А по мосту в это время шли какие-то военные машины, и он скрипел и шевелился. Мост выдержал все нагрузки, хотя и был деревянный. Не подвел ни разу за всю войну.

Отдых слободчан (на заднем плане горбатый Шундик).
1960-1970-е годы.
Из архива Александра Павловича Хабарова

Зенитный расчет. Начало 1940-х годов

В годы войны Павловская Слобода представляла собой печальное зрелище, много было разрушено домов, на полях стояла подбитая техника и мы, ребята, носясь по округе, крутили наводку у пушек. Помню, как мы, мальчишки из ближних домов, собирались и ходили к зенитчикам, охранявшим базу, поговорить, а вернее, что-нибудь поесть, если дадут. И они, понимая, наливали нам в миски из огромного котла горячей воды с плавающими там листьями капусты. Мы очень радовались этому.

Еще помню, как мы бегали в поле, где приземлялись наши парашютисты, тренируясь в прыжках перед отправкой на фронт. У них мы выпрашивали резинки с крючками, которыми застегивались собранные парашюты, а мы застегивали ими крепления лыж через пятки многократно чиненых валенок, заплатка на заплатке. Коньки я выменял у горбатого Шундика (так звали все горбуна) за деревянную модель линкора, мою

любимую игрушку, еще довоенную. На этих полуснегурках я с удовольствием прицеплялся с друзьями к автомобилям с помощью крюков из проволоки. Обычно ехали в сторону поселка Нахабино. Больше всего нам нравилось цепляться к поступившим из Америки «студебеккерам», так как на заднем борту у них было множество выступов и скоб.

Всю войну мне и всем ребятам, с которыми дружил, хотелось есть с утра до вечера, потом на следующий день и в каждый последующий, и так до бесконечности. Для нас маленький кусочек жмыха казался вкуснее всех яств, и мы обсасывали его, передавая друг другу. По весне ходили на поля, отыскивали картошку — черную, перемороженную, мокрую. Ее называли «трахмал», и из нее женщины ухитрялись печь блины, рады были и такой еде.

Однажды незабвенный мой Колька Кутеп сотворил подвиг во имя дружбы с голодной братвой из наших домов. Мы все ныли, что бы пожрать, и вдруг он сказал: «*Пошли ко мне, мать напекла трахмальных лепешек, поедим*». Мы с радостью пошли к нему. Вошли, а где они лепешки-то? Здесь, сказал Колька, и мы увидели в пустой комнате стоящий одиноко сундук. «*Он же закрыт!*» «*Сейчас откроем, — сказал он деловито, — помогите поднять*». Взяв с четырех сторон короб, мы сняли его и увидели на дне пустого сундука тарелку с горкой черных лепешек. В мгновение ока на дне сундука осталась пустая тарелка, которую мы аккуратно накрыли снятым верхом. В этой акции участвовало человек пять, а было нам от 7 до 9 лет. Вечером долго доносились Колькины вопли и крики его матери и сестер. Пострадал во имя жизни!

Весной, ближе к лету, мама варила щи из крапивы и лебеды, ели щавель, стебли горчицы, почки липы и прочее. Позже, в 1944 году, мама купила козочку, совсем маленькую, и мы ее выхаживали. Назвали ее Бейкой из какой-то детской книжки о козе. Она стала настоящей кормилицей, так как ту же крапиву, лебеду и щавель мама заправляла ее молоком и даже давала пить моим приятелям. Каждое лето я не слезал с деревьев, ломая веники, чтобы кормить ее зимой. Жила коза в сарайчике, встроенном в аптечный корпус. Часто мне приходилось доить ее, предварительно помыв вымя, как велела мама. А вот что ела мама, а, может быть, порой почти не ела, отдавая последние крохи мне, просто нет слов. Вечная память ей. Так было у всех.

Всю войну, мы, детвора, сражались, делали мечи и щиты, на которых писали: «За Родину», «За Сталина», «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет», «Смерть фашистам» и тому подобное. У меня и моих приятелей в карманах было полно различных патронов, особенно ценились трассирующие. Мы их узнавали по цветным бороздкам на пуле. Обязательным атрибутом были рогатки, из которых мы стреляли, предварительно подожженную трассирующую пулю. Стреляли довольно высоко, глядя, как она сверкала.

Тонкость этой затеи была в том, что надо было вынуть пулю из патрона, затем расковырять доньшко пули и набить туда серу от спичек, а затем поджечь серу и как только

загорался снап искр, производился запуск. Еще был фокус для смелых, который я делал не раз. Так же брался трассирующий патрон, вынималась пуля, набивалась серой от спичечных головок, вставлялась обратной стороной снова в патрон, но сначала чуть отсыпался порох. Взяв двумя пальцами этот патрон, поджигал пулю, поднося высоко над головой: сыпались искры и раздавался громкий выстрел. В руке ничего не оставалось, патрон и пуля разлетались в разные стороны. Комментарии, как говорится, излишние.

Много было трагичных случаев, связанных с глушением рыбы в реке Истре, так как ребята повзрослее, видимо, на военной базе №38 как-то добывали тол и даже противотанковые гранаты. Рассказывали, что какой-то парнишка передержал гранату (надо же уложиться в несколько секунд), и она взорвалась, положив и его и нескольких ребят, стоящих рядом. При мне мой знакомый пилил запал на две части, на два заряда тола для реки, а мы в его доме играли в карты, но было жарко и только мы вышли на крыльцо, раздался негромкий хлопок, мальчишка лишился глаза, выбежал к нам весь окровавленный. Кажется, его фамилия была Диведенкин.

Группа слободчан. На переднем плане Диведенкин. Конец XX века. Из архива Александра Павловича Хабарова

Выставка военного трофейного оружия в Парке имени Горького. 1946 год

Играли мы на деньги в «пристенок» и «чиру». «Пристенок» — это когда бьешь монеткой в стену, чтобы твоя монетка, как можно ближе упала к монетке противника, и если, накладывая растопыренные пальцы, ты дотягиваешься до чужой монеты, то ты выиграл. Играли по несколько человек, по очереди. Для «чиры» каждый имел свою свинцовую битку в форме плосковыпуклой линзы, диаметром примерно 50 мм. Делалась черта на ровной площадке, на черту устанавливалась горка монет. Игроки отходили на 5-8 метров, затем по очереди бросали свои биты, и считалось удачей попасть в горку, она рассыпалась, и тогда ты имел право бить битой по монетке выпуклой частью, чтобы она перевернулась на другую сторону, тогда она твоя. Бились мы часто и подолгу.

Зимой любили кататься на санках. Как-то нам удалось стащить на базе или рядом с ней, несколько лодок-волокуш. Это узкая лодка с металлическим полозом по днищу для спасения по снегу раненых. Мы гурьбой затащивали лодку на гору, что напротив

церкви, и прыгали в нее. Набивалась куча мальчишек и девчонок. Лодка набирала огромную скорость, а при наезде на какой-нибудь бугорок выбрасывала всю визжащую ватагу в разные стороны, а сама, бывало, уносила на замерзшую Истру. Затем повторялся новый тяжелый подъем. Веселились, забывая, что идет война, кругом голод и холод.

О холоде вспоминать страшно. В нашей с мамой каморке стояла печка-буржуйка, а топить ее было нечем, и готовить на ней было мукой. Я все-таки мужик, понимал, что надо где-то доставать топливо. Находил порой опилки, но чтобы их разжечь, а тем более приготовить какую-то еду, надо было иметь огромное терпение. Через снятую конфорку (подставка на трубу для чайника) засыпались эти опилки, закрывалось отверстие, и начинались муки разжигания. Опилки не загорались, дымились, гасли, снова как-то и чем-то разжигались, а затем вдруг вспыхивали и сгорали за считанные минуты, затем начиналась снова та же песня.

Мне все время хотелось что-то мастерить. С большим трудом сделал «аэросани» — так называлось изделие из досок и трех коньков, прикрепленных снизу, с передним рулевым коньком (подобие буера). Рулевой ложился на площадку, а второй, разгоняющий, прыгал после разгона, располагаясь между ног рулящего. Скорость при этом была очень большой. Катались чаще всего с горы по дороге в Павловскую Слободу со стороны деревни Лешково.

От этих аэросаней снова пострадал Колька Кутепов. Дело было так: выходит Коля на улицу в новом пальто, а я со своими аэросанями. Вот, говорит, Калина (так он меня звал), смотри, какое пальто мне справили. Я сказал: «Здорово, у меня такого нет». Потом говорит, мол, дай прокачусь. Напротив наших домов была небольшая горка, внизу — ледок, а под ним оказалась вода. Коля разогнал, бросился на аэросани, вырулил в сторону льда, но аэросани резко затормозили, так как коньки ушли под лед, а друг мой по инерции полетел вперед и разодрал весь перед пальто рулевым осевым гвоздем. Первый выход не удался. Ну и досталось же ему от матери и сестер! Ходил потом весь заштопанный. Вообще Колька был оригинал, он мог свободно доставать языком кончик носа как слева, так и справа.

С наступлением лета мы, мальчишки, постоянно находились на Истре — ловили рыбу. Мастерили подобие остроги из палки, к которой привязывалась вилка. Вилка постоянно крутилась, так как прикрепить ее мы не могли. Заходили подальше по реке, чтобы идти против течения, по мелководью, вдоль берега. Когда двигались так, видно было сквозь воду всех рыбешек. Это были пескари, речные бычки с большой головой (мы их звали Бабой-ягой), также вьюны и, редко, мелкие налимы. Увидишь такую рыбку, стоящую в водорослях или у камня, прицелишься и острой пронзаешь ее, цепляешь на кукан — и дальше. Приходил домой со связкой рыбок, вот была радость! К слову сказать, какая же была в Истре прекрасная, кристально чистая вода! Идешь, бывало, берегом, левой стороной по течению и сквозь прогалы в кустах видишь, как вы-

плывают стаи крупных подусов, а к вечеру слышались частые всплески от каких-то громадин.

Память выхватывает отдельные эпизоды той жизни без определенной последовательности. В 1943 году я поступил в первый класс. Помню нашу первую учительницу. Ее звали Александра Ивановна. Очень худенькая немолодая женщина, добрая, чудесная. Она спросила: «*Дети, кто знает какой-нибудь стишок, поднимите руки*». И тут первым вызвался (кто бы вы думали?)... Николай Кутепов. Он смело протараторил стих, который мне запомнился на всю жизнь: «*Коля, Коля-Николай, сиди дома, не гуляй, сел он задом наперед и поехал в огород*». Все рассмеялись.

Низкий поклон моей первой учительнице. Она учила нас четыре года, от первых палочек и букв до умения читать и писать. Царство ей небесное и вечная память. Учился я хорошо, и был отправлен на елку в Нахабино, где получил в подарок американскую белую рубашку и два мандарина. Тогда все отличники что-то получили. Ох и радовались мы с мамой!

Еще нашим любимым занятием с ребятами было гонять лошадей в ночное. Мы приходили на конюшню и просили разрешения у конюхов отогнать лошадей на пастбище. У каждого из нас была своя любимая лошадь. Моей лошадейю был мерин по кличке Работник. Он не любил, когда его обгоняла другая лошадь, старался укусить за ногу чужого наездника, все мальчишки его боялись и скакали всегда поодаль и сзади. Какая это была радость — скакать впереди ветра! Ездили мы просто сидя на лошади, и после скачек, идя домой, осматривали друг друга, у кого сильнее натерт зад.

Однажды осенью, когда убрали капусту, мой мерин (а переправлялись мы через Истру возле моста) вдруг решил искупаться. Где-то на середине реки медленно погрузился в ледяную воду вместе со мной, не слушая моих воплей, а потом, как ни в чем не бывало, поднялся и повез меня, мокрого, на пастбище. Там я кое-как обсох, конюх помог. Думаю, конь все понимал и решил посмеяться, а, может, подумал, что и мне надо поплавать. Лошадей гоняли мы в сторону железной дороги, где ходила «Кукушка» до Нахабина.

Для сотрудников базы №38 в один из осенних дней выделялась техника для вывоза убранных картошки с полей, где у людей были участки. Дымились костры, пекли картошку, радовались урожаю, а для меня и других ребят была радость вдвойне, так как можно было вдоволь накататься на машинах на поля и обратно. Причем ездили мы на задних осях прицепных телег, сидя спиной к движению и держась за что-то. Старались, чтобы нас никто не заметил, когда мы туда забирались. Вся пыль была наша. Бог миловал, ведь это было очень опасным занятием для дурачков!

Любили мы проказничать, не понимая, что это зло. Так, издевались над убогими, дразня их. Например, набивали папироски табаком с порошком хромому, которого звали Егор Васильевич, и смотрели, когда у него полыхнет и он, виляя телом, погонится за нами, ругая и кляня. Такие фокусы проделывали мы и с нищими, но выручали ноги.

Прости, Господи, маленьких придурков! Как много было тогда инвалидов, безруких, безногих, ослепших, искалеченных той проклятой войной.

Стрелять и взрывать для нас было любимым занятием. Однажды летом я решил испытать свой пистолет, сделанный из деревяшки с прикрученной стальной трубкой. Вышел из дома, прикрепил к деревянной стенке нашего общественного туалета нарисованную мишень и ушел домой заряжать оружие. Набил порохом ствол, да всыпал столько, что хватило бы на пару настоящих боевых патронов. Затем вставил пулю от боевого патрона и спустился снова, чтобы стрельнуть в мишень. Отошел, прицелился и поджег серу. Мой пистолет оглушительно бабахнул, что-то очень сильно ударило мне в грудь (хорошо, что пока поджигал заряд, опустил ствол). И в ту же минуту в кабине туалета, что-то тяжелое грохнулось на пол.

Я опрометью унесся за угол дома и, выглянув, увидел, как распахнулась дверь и из туалета, озираясь, опрометью выбежала насмерть испуганная тетка, поправляя свои одежды. Кажется, это была одна из торговек семечками, которые располагались со своими сумками и стаканчиками-мерками на крыльце парикмахерской, и у которых мы часто воровали горстку семечек, говоря при этом: «Теть, дай попробоват» — и удирали прочь. Слава Богу, тетка осталась живой, так как пуля пробила две доски туалета и застряла в стене напротив. А у меня долго болела грудь от сорванного с рукоятки ствола, но маме я ничего не сказал, терпел.

Вспомнился мне и такой эпизод из жизни нашего дома. Как я уже сказал, на первом этаже жила семья дяди Гриши. К нему обращались многие, так как он все умел и никому не отказывал в помощи. Я к нему бегал с примусом: то он не разжигался, то ломались иголки, то еще что-то. Еще мама посылала к нему за утюгом. И вот однажды, после того как мама погладила, я бегом помчался вниз с горящими в утюге углями, влезаю в дверь со словами: «Вот ваш у...» — и тут же проваливаюсь куда-то вниз. Падаю на спину дяди Гриши, угли из утюга рассыпаются! Крик ужаса его жены! Сам чувствую сильнейшую боль от удара грудью. Заорал от страха, потом сильные руки дяди Гриши подняли меня из подвала. Вот так жили, даже утюга своего не было! Очень болело место ушиба, и мама повезла меня в Москву, в Боткинскую больницу. Рентген показал, что ребра целы, это лишь сильный ушиб.

Приближался конец войны. Пришла посылка из Молдавии от тети Наташи, сестры мамы. Она воевала там, неся службу в госпитале. В посылке были кирзовые сапоги, полные грецких орехов. Какое это было счастье! После войны тетя рассказывала о страшном голоде и разрухе, о множестве погибших.

Выше по течению реки Истры были поля, где выращивали морковь, капусту, свеклу, турнепс и еще что-то, не помню точно. За морковью мы охотились, собираясь по несколько ребят, подползали незаметно к краю поля и старались побольше надергать ее, кладя за пазуху. Морковь была очень крупная, выдергивалась с большим трудом. Очень мы любили и турнепс. Но, как правило, нас замечали охранники полей и ска-

кали, чтобы поймать или стегануть кнутом. Всегда спасала река, куда мы скатывались как можно скорее и удирали по воде. К слову сказать, морковь мы никогда не мыли, а вытирали ее о штаны, рубашку или траву. Ели и не болели!

Вспоминается мне эпизод с пленными немцами. Они убирали морковь на полях и возили ее, сидя свободно по несколько человек в кузове, доверху наполненном морковью, а мальчишкам было очень обидно, что нас гоняли, а «гансам» (как мы их звали) разрешалось. Когда машины останавливались в центре Слободы, наша ватага подходила к ним и говорила: «Ганс, дай морковки!» Помню, как сейчас, разговор с ними. Немец спрашивал: «Кто ви?» Ему гордо отвечал самый крупный из нас по прозвищу «Вата»: «Мы русские хулиганы». На что раздавался громкий хохот немцев.

Однажды утром я проснулся от крика Кольки: «Калина! Калина! Выходи! Выходи скорее!» Когда я показался, он заорал радостно: «Победа! Победа!» Мы помчались по улице, не переставая кричать такое желанное слово: «Победа!» К нам присоединилась еще толпа мальчишек и девчонок, мы ошалело орали до хрипоты это долгожданное слово! Родовались, плакали и улыбались взрослые! Эти чувства невозможно передать словами! Это было 9 мая 1945 года!

Ярко запомнилась мне поездка на выставку трофеев в Москву, в Парк культуры и отдыха имени Горького, из пионерского лагеря. Лагерь находился на территории школы, а в классах стояли наши кровати. Не знаю, как меня взяли, так как поездка была организована для старших ребят, но помню, как упрашивал вожатую, и мне повезло. Было страшно интересно видеть немецкие пушки, танки, автобус, доверху набитый орденами, крестами. Что особенно поразило, так это танк «Тигр» и шестиствольный миномет! Я так устал тогда, но был очень горд, что побывал на выставке оружия из «логова». Стал яснее понимать, что наша армия победила действительно страшного врага!

Начались послевоенные годы: учеба, переходы из класса в класс и постепенное взросление, набирался уму-разуму. Радость от того, что появился хлеб в 1947 году. Сейчас так торты не радуют, как хлеб в те годы!

В 1949 году маму перевели из Павловской Слободы в Красную Поляну, откуда в 1941 году немцы собирались обстреливать Москву. Уехав из Слободы, я очень тосковал — ведь там прошло мое детство. Там я прочувствовал всей своей душой и телом, что такое война, что такое голод и холод и как это страшно! Долго тосковал по ребятам, по реке с ее прозрачными водами, по моей любимой лошади по кличке Работник, по знакомым. Остались от тех лет две школьные фотографии с ребятами и девочками.

Несколько лет назад голос сердца позвал меня навестить Павловскую Слободу и поискать тех, кто мог помнить те времена и тех людей. После расспросов старожилов, мне, к великой радо-

Нина Ивановна Бочарова. 2015 год.
Фото А. Н. Гольцева

сти, удалось найти и встретиться с Ниной Ивановной Бочаровой, с которой я учился в одном классе. Помнил ее беленькой кудрявой девочкой. С тех пор как мы переехали в Красную Поляну, я помнил еще Юру Коровина и Бэллу Фаинбаум.

Теперь мы с Ниной частенько созваниваемся. Она помогла мне вспомнить то далекое время, заглянуть на 70 лет назад. Я благодарен ей за сборник рассказов «Дети войны» и книгу «Павловская Слобода. Век перемен» Сергея Мамаева, изданных в 2014 году. Огромное спасибо всем людям, которые участвовали в издании этих чудесных книг, кто дорожит памятью о нашем близком и далеком прошлом, кому дорога наша Родина!

Нина, еще раз спасибо тебе за фотографию дома, в котором я жил с мамой. Может быть, мои скромные истории помогут тебе и кому-то еще что-нибудь вспомнить о родной Павловской Слободе!

*Вадим Яковлевич Калинин
2014 год*

Память

Женщины, жнущие жито серпами.
В небе гусей сероватая нить...
Все процежу не спеша через память
С тем, чтобы в детстве далеком побыть.
Реченька Истра!
С геранью светелка,
Грядки с морковью,
Подсолнухи вдоль,
Вопли сирены,
Бомбежки,
Осколки,
Голод,
Скитанья,
Душевная боль...
Май сорок пятого...
Плачем,
Цветами
Матери,
Жены
Встречают солдат...
Все сохранила священная память.
В детство свое не хочу я назад!

Николай Владимирович Николаев

Павловская Слобода. Взгляд в прошлое
Сборник рассказов

Автор-составитель
Александр Николаевич Гольцев

Дизайн обложки – В.И.Санжаревский
Верстка макета – С.Г. Тюканова
Редактура – С. Ю. Мамаев
Корректурa – И. И. Гомина

Издательство «...»
Адрес
Телефон

Подписано в печать 00.00.2017. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. ...
Тираж 1000 экз. Заказ №...